

поместное (служилое) дворянство все в большей степени опиралась в своей деятельности верховная власть (как, например, Иван IV Грозный при проведении реформ середины XVI в.).

Начатое Судебником 1497 г. закрепощение частновладельческих крестьян привело к обострению социальных конфликтов, что проявлялось в самых различных формах вплоть до групповых выступлений «лихих людей», т. е. профессиональных грабителей, разбойников, убийц и т. п. Кроме того, первая половина XVI в. характеризуется ослаблением государственной власти, обусловленным политической борьбой между различными группировками боярской аристократии при московском дворе, особенно в период малолетства Ивана IV. Это также стало причиной существенного роста уголовной преступности по всей стране.

В этих условиях государству требовался мощный и централизованный аппарат принуждения. Он формировался в рамках общего процесса становления централизованного государственного механизма Московской Руси. Преодоление во второй половине XV в. последствий раздробленности в области судоустройства и судопроизводства нашло законодательное закрепление в Судебнике 1497 г. В XVI в. на основе постановлений данного Судебника, а затем Судебника 1550 г. и законодательных актов второй половины XVI в. продолжалось формирование и укрепление централизованной судебной системы. В частности, по мере складывания приказной системы центрального государственного управления в Московском государстве возникают специальные судебные и судебно-полицейские приказы – Разбойный, Земский, Челобитный, Владимирский, Московский, Поместный и др.

Специальным органом, созданным для организации борьбы с уголовной преступностью, являлся Разбойный приказ. По Москве и Московскому уезду разбойные и «татины» дела рассматривались Земским приказом. Государственная власть все чаще начинает прибегать к тюремному заключению как мере государственного принуждения. Уже в XVI в. судебные приказы имели в своей структуре «черные палаты» и «тюремные избы», где содержались арестанты. Так, в одной из башен Кремля была устроена «пыточная» с «застенком», где

велись расследования по делам Разбойного и Земского приказов. В Китай-городе находился тюремный двор – большая тюрьма с несколькими отделениями («избами»): Холопьея, Разбойной, Опальной, Женской, Бражной. В них содержалось до 1000 заключенных¹. Тюремные учреждения, находившиеся непосредственно в структуре и ведении приказов, составили первый вид светских (государственных) тюрем Московского государства.

На борьбу с массовыми проявлениями уголовной преступности была направлена губная реформа, начатая еще в 30–40-е гг. XVI в. и завершившаяся в ходе государственных преобразований Ивана IV 50-х гг. XVI в. Она выразилась в создании губных учреждений – губных изб, состоявших из выборных от местного населения (дворян, детей боярских, черносошных крестьян и посадских людей) должностных лиц – губных старост, целовальников, дьяков, подьячих, а также тюремных сторожей. Основной функцией губных органов являлась борьба с уголовной преступностью на определенной территории, именуемой губой, с правом самостоятельного предупреждения преступлений и суда, а также наказания преступников за совершенные ими преступления, к которым применялся сыскной процесс (форма судопроизводства в Московской Руси, именуемая «розыском») вплоть до применения смертной казни. На них же возлагалась функция строительства, содержания и охраны местных тюрем.

К 1555 г. была завершена земская реформа. На созданные в ходе нее земские избы наряду с финансово-административными функциями возлагались также полицейские функции и обязанность оказывать содействие губным учреждениям в их борьбе с уголовной преступностью. Примечательно, что если губные органы являлись правительственными учреждениями, хотя и формируемыми на основе выборов, то земские избы, также избираемые «сошными» (черносошными, или государственными) крестьянами уездов и волостей, выступали в качестве органов местного самоуправления.

¹ Смыкалин А. С. Судебная система Российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II (XV–XVIII вв.) // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 55.

В Московском государстве появились местные (земские), так называемые губные тюрьмы, находившиеся в ведении губных и земских органов. Они составили второй вид светских (государственных) тюрем. Общее управление ими осуществлял Разбойный приказ.

Свое законодательное закрепление тюремное заключение как вид уголовного наказания впервые получило в Судебнике 1550 г., причем во многих его статьях (ст. 6, 8–13, 34, 42, 44, 53–56, 58 и др.¹). Однако в большинстве случаев оно предусматривалось как дополнительное наказание, например к торговой казни. Другой чертой тюремного заключения выступал его временный характер: оно применялось в качестве меры временного ограничения свободы правонарушителя (до вынесения судебного решения) или как процессуальная мера пресечения (см., например, ст. 13 Судебника 1550 г.). Наряду с временным применялось и пожизненное тюремное заключение – к тем лицам, которые были признаны опасными для общества элементами, но для осуждения их на смертную казнь не хватало доказательств².

Однако о самих тюрьмах как местах лишения свободы, порядке их создания, содержания и охраны в Судебнике 1550 г. ничего не говорилось. Вместе с тем его законодательные установления о тюрьмах и тюремном заключении

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский.

² О характере тюремного заключения подробнее см.: *Оспенников Ю. В.* Губные грамоты XVI в. // Памятники российского права: учебно-научное пособие: в 35 т. Т. III: Памятники права Московского государства / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. Кн. 1. С. 82; *Рожнов А. А.* Виды и особенности уголовных наказаний по Судебнику 1550 г. // Там же. С. 275–279; *Пашикова Т. И.* Тюремное заключение в законодательстве Московской Руси // Российское государство в XIV–XVII вв.: сб. ст. СПб., 2002; *Сидоркин А. И.* Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв. (проблемы правового регулирования, систематизации и применения): дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2005; *Упоров И. В.* Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. 1998. № 9. С. 87–88.

заложили основу всего последующего процесса зарождения, становления и развития пенитенциарного законодательства Московской Руси. Положения, регулирующие отдельные аспекты применения и исполнения тюремного заключения, а также вопросы организации и функционирования тюрем находим уже в таких юридических документах второй половины XVI в., как Указная книга Разбойного приказа (1555), приговоры (т. е. письменные решения) Боярской думы, губные грамоты, губные наказы, памяти и тому подобные акты. Так, ст. 59 Указной книги Разбойного приказа устанавливала: «В губной избе и тюремным сторожем бытии по поручным записям сошных людей» (т. е. избранным от населения. – В. Ф.)¹. В одной из наиболее ранних губных грамот под названием «Память губному старосте Григорию Востинскому» (1552)² содержалось повеление царя Ивана IV построить при губной избе тюрьму для «розбойников и татей» и выбрать для их охраны сторожей из числа чернососных (государственных) крестьян и посадских людей. Обязанностью местного населения являлось также содержание тюрьмы и тюремных должностных лиц. Из вышеизложенного следует, что государственная власть не только расширяла масштабы и сферу применения тюремного заключения, но и усиливала свое внимание к вопросам формирования пенитенциарной системы Московской Руси.

Особое место в истории становления правовых основ российской пенитенциарной системы занимают губные грамоты, губные наказы, «памяти» и тому подобные акты XVI–XVII вв. По определению известного исследователя московского права С. А. Шумакова, губными грамотами называются «грамоты, изданные государственной властью и регламентирующие отправление местными земскими органами дел высшей уголовной полиции и юстиции. Ими дается общинам губное право, т. е. право самостоятельного преду-

¹ Цит. по: Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М.: Унив. тип., 1895. С. 229.

² Подробнее см.: Сидоркин А. И. Генезис наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы в русском уголовном праве IX–XVII вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 302.

преждения преступлений и суда и наказания преступников за совершенные ими преступления, к которым применялся сыскной процесс»¹. Специфика губных грамот заключалась в том, что они издавались для борьбы, прежде всего, с «неисправимыми» преступниками, «лихими людьми», в связи с чем система наказаний, применявшихся по губным грамотам, отличалась крайней жесткостью. Адресованные населению отдельных территорий страны (уезда, стана, волости, города, монастыря) или конкретным должностным лицам, губные грамоты и указы содержали нормы, закладывавшие основы пенитенциарной системы Московского государства, регулируя такие вопросы, как строительство, содержание и охрана тюрем, формирование тюремной администрации (целовальники, тюремные дьяки и подьячие, сторожа, палачи), надзор за заключенными.

В губных грамотах тюремное заключение начинает упоминаться только во второй половине XVI в., т. е. после издания Судебника 1550 г. Пожизненному тюремному заключению («въ тюрьму на смерть») подвергались тати и «розбойники», посредством проведения «повального обыска» признанные «лихими людьми», при отсутствии прямых улик и собственного признания². Несмотря на формулировку «на смерть», т. е. на пожизненный характер заключения, тюрьма является здесь временной мерой. Не имея оснований применить к такому обвиняемому наказание, предназначенное для татей и разбойников, губные органы помещают его в тюрьму. Таким образом, заключение в тюрьму в данном случае представляется не столько мерой уголовной ответственности, сколько вынужденным шагом по изоляции потенциально опасного лица от общества.

Наиболее систематизированные постановления о тюрьмах содержатся в «Губной грамоте, данной всем вотчинам

¹ Шумаков С. А. Губные и земские грамоты... С. 14–15.

² Царский наказ Белозерским губным старостам и целовальникам 1571 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. I. СПб., 1836. № 281. С. 318. URL: <https://www.prilib.ru/item/396851> (дата обращения: 6.02.2018).

Троице-Сергиева монастыря» (1586). Они предписывают населению тех сел и деревень, где путем выборов были образованы губные учреждения, построить в таких селениях тюрьмы и для их охраны выбрать из своей среды сторожей: «А в которых селах, или в деревнях, для розбойных и татинных дел учинят (изберут. – В. Ф.) приказщиков и губных целовальников, и им в тех селах, или в деревнях, на розбойников и на татей тюрьмы поделати и сторожей к тюрьмам выбратьи»¹.

Дополнением к данной губной грамоте является губной наказ царя Федора Иоанновича – «Наказ, данный Троице-Сергиева монастыря губному старосте Измирю Амосову». По утверждению С. А. Шумакова, он был издан после вышеуказанной губной грамоты, но не позднее 1587 г.² Наказ закреплял правило, запрещавшее держать в тюрьмах заключенных больше определенного срока: «А которые тати и розбойники переиманы и пытаны, сами на себя и на товарищев своих говорили, и губному старосте Измирю тех татей и розбойников в тюрьмах долго не держати, казнити их смертною казнию»³. Подобные установления содержались и в других губных грамотах XVI в.⁴

Так губные тюрьмы стали важнейшим элементом системы губных учреждений и всего механизма борьбы с массовой (организованной) преступностью в XVI–XVII вв.

Правовая регламентация тюремного дела посредством царских грамот продолжалась и в XVII в. При этом особенно важное значение она имела в первой половине столетия, в условиях преодоления разрушительных последствий Смутного времени (1598–1613 гг.). Так, «Царская грамота в Муром татинных дел сыщику и губным старостам о выборе губных целовальников» (1625) подтверждала, как видим из ее названия, прежний порядок формирования губных органов, в том числе кадрового состава тюремной службы: тюремные «дьячки», «подьячие», а также тюремные сторожа избирались

¹ Цит. по: Шумаков С. А. Губные и земские грамоты... С. 125.

² См.: Там же. С. 22–23.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 126.

из посадских людей и «сошных» крестьян; тюремные сторожа могли также наниматься на службу, но, опять же, за счет местных денежных сборов¹. При этом законодательство уже предусматривало меры ответственности тюремных сторожей и других губных должностных лиц за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению охраны тюрем, а также за совершаемые ими преступления.

В губных грамотах и наказах этого времени просматриваются попытки более детально регламентировать должностные обязанности тюремной администрации. Так, целовальнику предписывалось «у тюрьмы никаким воровством не воровать, никого из тюрьмы сидельцев без указу великих государей и без приказу столника и воеводы... не выпускать, жить у тюрьмы безотступно»². В отношении тюремных сторожей устанавливались запреты и обязанности: «...воровством никаким не воровать, зернью и карты не играть, и корчмы не держать, и тюремных сидельцев без указу... из тюрьмы не выпускать, и в мир ходя их не отпусти, и за город их не выводит, и воровать им не давать, и в тюрьме им зернью и карты не играть и топоров и ножей и шил и костей и веревок держать не давати ж, и к тюрьме никого ни с каким воровством не припускать, и на кабак тюремных сидельцев не водить и пить не давать и самому пьяно не напиватца»³.

Решающий шаг вперед в деле правовой регламентации тюремного дела был сделан в Соборном Уложении 1649 г. Нормы целого ряда его статей (особенно главы XXI) свидетельствуют о возросшем внимании государства к различным вопросам применения и исполнения тюремного заключения. Более того, в установлениях документа отразилось завершение процесса формирования государственной

¹ Царская грамота в Муром татиных дел сыщику и губным старостам о выборе губных целовальников 1625 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 3. СПб., 1836. № 163. С. 231. URL: <https://www.prilib.ru/item/396853> (дата обращения: 6.02.2018).

² Цит. по: Сидоркин А. И. Генезис наказаний, связанных с лишением... С. 304.

³ Там же.

системы мест лишения свободы московского периода¹. Иначе говоря, заботу о пенитенциарной системе берет на себя государство. Так, Соборное Уложение 1649 г., в отличие от юридических актов предыдущего периода, определяет источники финансовых средств на строительство тюремных зданий и содержание тюремных должностных лиц – сторожей, палачей и др. Статья 94 главы XXI устанавливает, что в столице тюрьмы надлежит строить за счет государственных средств: «А тюрьмы на Москве строить из Розбойного приказу государевою казною». Положения ст. 95 закрепляют правовые основы комплектования московских (т. е. центральных государственных) тюрем кадрами: «...целовальники, губные дьяки московских черных сотен и слобод тяглым людям на подмоги, а на подмогу деньги тем целовальникам и сторожам иметь с тех же сотен и слобод по годам, и выборы на них имати у сотенных людей за их руками»². Палачи же, согласно ст. 96 главы XXI Соборного Уложения 1649 г., должны были набираться из вольных людей и получать жалованье «из государственной казны из Розбойного приказу»³. Следует отметить, что здесь речь идет о центральных тюремных учреждениях, находившихся непосредственно в структуре судебных приказов, прежде всего Розбойного приказа.

Вместе с тем центральная власть законодательно закрепила правило, согласно которому строительство, содержание и охрана государственных тюрем в других городах и в уездах Московского государства, в том числе губных тюрем, по-прежнему должны были осуществляться за счет местных налогов и сборов. Так, ст. 97 главы XXI Соборного Уложения 1649 г. гласит: «А в городах тюрьмы строить и целовальников, и подьячих и тюремных сторожей и палачей выбирать с посада и уездов сох, с дворцовых сел, и с черных волостей и со всяких сошных людей, и с патриарших, и с митрополичьих, и со всяких поместных и с вотчинных земель. А быть

¹ Подробнее см.: Сидоркин А. И. Генезис наказаний, связанных с лишением... С. 303.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. С. 246, 431.

³ Там же.

тем целовальникам и сторожам с подмогою же, а подмогу тем целовальникам и сторожем и в губные избы на всякие расходы збирать деньги с тех же посадских и сошных людей». За счет местных налогов оплачивалась также работа тюремных палачей¹.

В развитие данного узаконения следует привести постановления последовавших за Соборным Уложением 1649 г. губных грамот. В частности, в царской губной грамоте от 31 января 1663 г. под названием «Память губному старосте Максиму Огибалову об устройстве на Зимнегорском яму губного стана» говорилось: «...губной стан и тюрьму строить на Зимнегорском яму, и целовальников, и подъячих, и тюремных сторожей и палачей, выбирать с посадов и с уездов, с сох, с дворцовых сел и черных волостей, и с патриаршихъ, и с митрополичьих и с архиепископлих и епископлих, и с монастырских и с помещицких вотчин и поместей, и со всяких сошных людей; а быти тем целовальником и подъячим и сторожам с подмогою же, а подмогу на всякие расходы собирать денги с тех же посадских и сошных людей»². Впрочем, аналогичные узаконения мы находим уже в одной из наиболее ранних губных грамот – в «Памяти губному старосте Григорию Востинскому» 1552 г.

Дальнейшая детализация и определенное изменение характера правовой регламентации финансовых основ тюремного дела происходит по мере упразднения губных учреждений и замены их воеводами как прямыми представителями главы государства на местах. Так, в губном наказе царя Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) от 13 декабря 1679 г. под названием «Грамота Арзамасскому воеводе Степану Богдановичу Ловчикову»: «А подмоги им подъячим, и сторожам, и тюремным целовальником, и в тюремное строенье, и на свечи, и на бумагу, и на чернила, и никаких губных поборов с градских и уездных людей собирать отнюдь не велел, чтоб в том градским и уездным людям лишних убытков

¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 246, 431.

² Подробнее см.: Сидоркин А. И. Генезис наказаний, связанных с лишением... С. 302.

и тягостей не было. А велел у тюрем сторожам и целовальникам по прежнему нашему великого государя указу, быть по очереди, с переменою погодно, без подмоги»¹. Как видим, наряду с подтверждением вышеуказанного порядка создания и содержания местных тюрем царский наказ определял сроки пребывания в должности представителей тюремной администрации. Кроме того, из вышеприведенного узаконения можно предположить, что с установлением воеводского правления центральная власть переходит к определенному финансированию тюрем.

Соборное Уложение 1649 г., закладывая основы кадровой политики в пенитенциарной сфере, закрепило правило, по которому избранные населением губные старосты должны были являться в Москву, в Разбойный приказ, для принесения присяги путем «приведения к кресту», т. е. крестоцелования. Наряду с этим принесение присяги (также в форме крестоцелования) было обязательным и для местных тюремных должностных лиц, но без явки их в Разбойный приказ: «...да с губными же старосты в городах у розбойных и татинных дел быти целовальником и дьячком, и у тюрем тюремным сторожем, по выбору сошных же людей, за крестным же целованием. А ко кресту приводити их в городех воеводам при губных старостах. А записи, почему тех губных целовальников, и дьячков и сторожей в городех ко кресту приводить, в городы из Розбойного приказу за дьячими приписями, а к Москве губных целовальников, и дьячков и сторожей, для крестного целования из городов не присылати»².

Соборное Уложение 1649 г. ввело еще одно новшество относительно тюремного заключения, впервые законодательно закрепив использование труда заключенных в интересах государства: «...посадить в тюрьму на четыре года, а из тюрьмы выимая его посылать на всякия государевы изделия, потому же в кайдалах» (ст. 10 гл. XXI)³. Однако каких-либо

¹ Цит. по: Шумаков С. А. Губные и земские грамоты... С. 125.

² Там же. С. 229.

³ Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 231.

узаконений относительно порядка и условий использования труда заключенных Уложение не содержит.

В законодательстве XVII в. предусматриваются меры безопасности в пенитенциарной сфере, в частности ответственность за ненадлежащее обеспечение надежности тюремных заведений, за побеги заключенных, за преступления и проступки со стороны тюремных должностных лиц. Так, Соборное Уложение 1649 г. возлагало ответственность за это на губных старост: «...в городех тюрьмы ведают губные старосты, и губным старостам доведется тюрьмы и тюремных сидельцов осматривати почасту, чтобы тюрьмы были крепки, и у тюремных бы сидельцов в тюрьмах ничего не было, чем им ис тюрьмы вырезатися, и в городех ис тюрем воры уходят губных старост небрежением и недосмотром и за то на губных старостах исцом выти перед губными целовальники вдвое правити» (ст. 101 гл. XXI)¹.

Высокие требования законодательство предъявляло к несению службы тюремных сторожей, целовальников и других представителей тюремной администрации. Например, «Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву» от 24 марта 1630 г. требовала от тюремных сторожей, «...чтоб они, будучи на стороже, не воровали, в день и в ночь были безотступно», а также постановляла: «а которые сторожи учнут воровать и на стороже не будут, и тех велено бить батоги и сажати в тюрьму...»². При этом закон определял, что в случае побега заключенных из тюрьмы наказанию подвергались не только нерадивые тюремные сторожа и целовальники, но и местное население, избиравшее этих должностных лиц. В той же губной грамоте говорится: «А которые розбойники, подрезав тюрьмы в городех, утекут, выти правити на тюремных целовальниках и на сторожах на самих. А чего будет на них доправити за чем не мощно, и то доправити на губных

¹ Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 246–247, 432.

² Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву 24 марта 1630 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою экспедициею. Т. 3. СПб., 1841. № 163. С. 291.

старостах и на уездных людех, кто тех целовалников и сторожей выбирал...»¹.

В законодательстве второй половины XVII в. начинает вырисовываться такой аспект правовой регламентации пенитенциарной системы, как подотчетность должных лиц в сфере тюремного дела. Так, в вышеуказанной «Грамоте Арзамасскому воеводе Степану Богдановичу Ловчикову» от 13 декабря 1679 г. читаем: «И что кому тюремным сидельцам, татем, и розбойником, и убойцом, и всяким воровским людем, за какие вины наш великого государя указ учинен, и сколько дел вершено будет, и тому всему сделав перечневья росписи, и наличные денги, и приходные и расходные книги, присылать к нам великому государю, к Москве, в Розбойный приказ, по вся годы, безо всякого переводу, с старыми подьячими, которые у тех дел будут»².

Условия и порядок содержания заключенных специальными нормативными актами не регулировались не только в XVI, но и в XVII в., и отдавались на усмотрение губным старостам и тюремному начальству, а в XVII в., по мере упразднения губных и земских органов, – царским воеводам, дьякам, приказчикам и тюремной администрации.

Что касается законодательного закрепления управленческих структур пенитенциарной системы Московского государства, то из законодательных установлений XVI–XVII вв. следует, что высшее управление тюремными учреждениями осуществляли Разбойный и Земский приказы (ст. 1–2 гл. XXI Соборного Уложения 1649 г.), с которыми на местах были соподчинены губные старосты, а там, где не было губных старост, – воеводы и приказные люди (ст. 3 гл. XXI).

Таким образом, на протяжении XVI–XVII вв. в Московском государстве шел процесс формирования законодательной базы пенитенциарной системы. Основными источниками пенитенциарного права являлись Судебник 1550 г., Соборное Уложение 1649 г., губные грамоты, наказы, памяти и тому подобные акты, указные книги приказов, а также царские указы.

¹ Там же. С. 246–247, 432.

² Там же. С. 152.

Исполнение наказаний по Соборному Уложению 1649 г.

Статья посвящена одному из аспектов кодекса феодального крепостничества XVII в. – исполнению наказаний по Соборному Уложению 1649 г. Последовательно рассматриваются виды уголовных наказаний, имевших место как в предшествующих памятниках права (Судебниках 1497, 1550, 1589 и 1606–1607 гг.), так и в Соборном Уложении 1649 г., отмечается появление новых видов наказаний, выделяются их особенности и подчеркивается возросший в XVII в. уровень юридической техники.

Ключевые слова: история права, Соборное Уложение 1649 г., виды наказаний, особенности исполнения наказаний, юридическая техника, обновление законодательства.

Alexander S. Smykalin

Punishment execution under the Sobornoye Ulozhenie (the Council Code) of 1649

The paper is devoted to one of the aspects of the feudal serfdom code of the 17th century – the punishment execution under the Sobornoye Ulozhenie of 1649. The types of criminal punishment that took place both in the previous monuments of law (the Laws of 1497, 1550, 1589 and 1606–1607) and in the Sobornoye Ulozhenie are consistently examined, new types of punishments are noted, their peculiarities are highlighted, the increased level of legal technique in the 17th century are emphasized.

Keywords: history of law, Sobornoye Ulozhenie (Council Code) of 1649, new types of punishment, especially punishment execution, legal technique, novelization of legislation.

Смыкалин Александр Сергеевич (Екатеринбург) – ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заведующий кафедрой истории государства и права; доктор юридических наук, профессор, академик военно-исторических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Alexander S. Smykalin – Ural State Law University (Ekaterinburg), Head of the Department of State and Law History; Dr. (Law), Professor, Academician of the military-historical sciences, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation.

Smykalin@mail.ru

© А. С. Смыкалин, 2018

Наказание без его исполнения не имеет смысла вообще. Наиболее распространенными видами наказания к XVII в. были: смертная казнь, различные виды телесных наказаний, ограничение свободы (но еще не тюремное заключение в нынешнем понимании смысла этого слова), имущественные взыскания, денежные штрафы, дополнительные церковные наказания. Эта система постепенно начала складываться уже в XIV в. и проявилась в таких документах, как Псковская судная грамота, Судебники 1497, 1550, 1589, 1606–1607 гг.

Уголовное законодательство середины XVII в. уделяло большое внимание системе наказаний, которые становились все более изощренными и жестокими, а повторное или неоднократное совершение преступления (рецидив) наказывались еще более жестко, нежели содеянное в первый раз (см. ст. 9, 10, 12 гл. XXI)¹.

Главная цель наказания по Соборному Уложению – устраниение, наказать так, «чтобы смотря на то, иным неповадно было так делати». Как считает профессор И. А. Исаев, институт наказания к этому времени отличали такие признаки, как: 1) *индивидуализация наказания* (жена и дети преступника уже не отвечали за совершенное им деяние, как это было ранее); 2) *сословный характер наказания* (за одни и те же преступления субъекты из разных социальных групп несли разную ответственность); 3) *неопределенность и множественность наказаний* (за одно и то же преступление могло быть установлено сразу несколько наказаний)².

Целям устрашения служила и особая символика наказаний – «эквивалентность возмездия» содеянному, например фальшивомонетчику, подрывающему финансовую систему государства, заливали горло расправленным металлом, клеветника приговаривали к тому наказанию, которое он желал для оклеветанного им человека. Публичность казни имела

¹ Титов Ю. П. История государства и права России: учебник. М., 2008. С. 109.

² Исаев И. А. История государства и права России: учебник. М., 2009. С. 194.

мощное психологическое воздействие на окружающих. Проведение процедуры казни нередко совершалось под звон колоколов, при большом стечении народа. Многие наказания (сожжение, утопление, колесование) являлись своего рода аналогами библейских адских мук.

Смертная казнь. Широко применялась по Соборному Уложению 1649 г. смертная казнь. Она подразделялась на простую и квалифицированную. Квалифицирующим признаком являлось мучительство, когда летальный исход наступал не сразу. Наиболее распространенными квалифицированными видами смертной казни были колесование, четвертование, заливание горла раскаленным металлом, сожжение, закапывание живым в землю и другие устрашающие виды истязаний. Они применялись за некоторые религиозные, все государственные преступления, многие преступления против порядка управления. Смертной казнью карались убийство, кража в третий раз и мн. др.

У исследователей Соборного Уложения 1649 г. сложилось стойкое мнение, что смертная казнь по Уложению стоит во главе всех видов наказаний. При этом насчитывают до 60 случаев применения смертной казни по закону. Эта цифра на протяжении десятилетий кочует из учебника в учебник, отражена и в монографических исследованиях¹.

В то же время в науке существует и иной подход к определению случаев применения смертной казни по Уложению. Дело в том, что большое число статей о казни повторяло одну и ту же ситуацию, тогда как во многих статьях Уложения речь шла о различных вариантах убийства (в церкви, на государственном дворе, в суде, при краже, разбое и т. д.) или о различных вариантах «изменных дел». Так, исследователи теории и истории государства и права России А. В. Малько и В. С. Жильцов поддерживали выводы коллеги В. Ф. Рогова, изложенные

¹ См., например: Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. С. 169; Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. С. 83; Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории России // Смертная казнь: за и против / под ред. С. Г. Келиной. М., 1989. С. 14; Маньков А. Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. М., 1980. С. 225; и др.

в работе «Уголовные наказания и репрессии в России» (М., 1992), о том, что речь может идти не о 60, а о 20 видах «преступной деятельности и уж никак не больше, чем о 25», и такой подход к проблеме смертной казни по Уложению 1649 г. они считают более правильным¹.

В рассматриваемый период смертная казнь использовалась и как мера предупреждения бунтов и заговоров местного населения против царской администрации. Воевода И. Голенищев-Кутузов, описывая царю Алексею Михайловичу в грамоте от 3 февраля 1666 г. возмущение тунгусов около Охотска и расправу над ними, отмечал: «...взяли живых под острогом... велел трех человек повесить, чтобы на то смотря воры не воровали, к городу не приступали, служилых людей не побивали...»².

Телесные наказания. Эпоха расцвета телесных наказаний на Руси приходится на начало XV в. Как отмечалось еще в дореволюционной литературе, «всевозможные истязания и уродования приобрели с этой поры в русском праве преобладающее значение. Нельзя сказать, что телесные наказания не были известны в эпоху Киевской Руси, но именно в период возникновения Московского государства они приобретают особое значение. Это связано с тем, что в Московский период изменилось и отношение к понятию преступления, теперь под преступлением понималось не просто злое действие, вредное частным лицам, родовым интересам, но и прежде всего целому обществу. И оно могло быть погашено „лишь посредством применения наказания, установленного государством“»³.

Телесные наказания можно разделить на два вида – болезненные и членовредительские, и названия говорят сами за себя. К болезненным наказаниям относились битье кнутом, батогами, розгами. К членовредительским – отсечение какой-либо части тела, как правило за аналогичное преступление,

¹ Малько А. В., Жильцов В. С. Смертная казнь в России. М., 2003. С. 42.

² Жильцов В. С. Смертная казнь в истории России. М., 2002. С. 117.

³ Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Репринт. изд. Харьков, 1994. С. 22.

например за воровство – отсечение руки. Подобный вид наказания применялся и к клятвопреступникам. Позднее, уже во времена Петра I, стали использовать такой вид членовредительских наказаний, как клеймение. Этот вид наказания преследовал и еще одну цель – быстрое опознание преступника в будущем и пресечение его возможных противоправных действий. Превентивная направленность подобных телесных наказаний очевидна. В Уложении Алексея Михайловича они заняли видное место и считались прекрасным способом обезвредить потенциальных преступников, сделать их до «веку признатыми» и «воздать им должную кару»: «А буде кто не боясь Бога и не опасаясь государственной опалы и казни, учинит на ком-нибудь мучительское надругательство, отсечет руку или ногу, или губу обрежет, а сыщется про то допрямо, и за такое его надругательство самому ему тоже учинят» (Соборное Уложение 1649 г., гл. XXIII).

В 1653 г. для татей (воров) и разбойников смертная казнь была заменена членовредительским наказанием, а в последующие годы был издан ряд указов, устанавливающих «коверкание тем или иным способом: то им резали только по персту на левой руке и ссылали в Сибирь, то лишали их ног и левой руки (Указ 1663 г., отменен в 1666 г.¹), то дифференцировали: за первую татьбу отсекали только два меньших пальца левой руки, за вторую – левую руку и правую ногу. Секли руки, ноги, пальцы еще за корчемство; за выделку воровских медных денег и за всякую помощь этому делу. Так, необъявившие о найденных медных деньгах лишались одного перста правой руки...»².

Еще одним малоизвестным для современной историко-правовой науки видом членовредительского наказания было сечение ушей. Производилось оно главным образом с целью заклеить преступника, сделать своего рода отметку. Наказание это в рассматриваемый период было в большом ходу. По Уложению, секли уши мошенникам, «которые играют в карты... зернью и проигрывая воруют людей,

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 1. № 334.

² Евреинов Н. История телесных наказаний в России. С. 29.

режут, грабят, шапки срывают...» (ст. 15 гл. XXIII Соборного Уложения 1649 г.). Закон предусматривал еще ряд преступлений, за совершение которых также полагалось отсечение ушей.

Резание носов и ноздрей в XVI–XVII вв. служило, как и сечение ушей, для отметки преступников. Однако это истязание в России еще мало было распространено. Уложение предусматривало его назначение уличенным в держании и продаже табака в четвертый раз.

Применение такого наказания, как сечение языка, предполагало, по-видимому, вырывание или прожжение этого важного органа. Как показывает анализ литературных источников, на практике оно применялось достаточно часто. По словам известного историка Г. Котошихина, «за царское бесчестие, или иные какие поносные слова, бив кнутом, вырезают язык»¹. Любили применять эту меру к раскольникам и еретикам.

Но наиболее распространенным среди телесных наказаний было битье кнутом или батогами. Еще Н. Евреинов обратил внимание на необходимость различать простое наказание кнутом и торговую казнь. Первое полагалось за различные преступления по службе. Торговая же казнь, или публичное битье, назначалась: 1) за первую татьбу без поличного, если тать по обыску не окажется лихим человеком; 2) за уничтожение и повреждение межи; 3) за особые служебные преступления; 4) за ложные доносы на судей. В 967 статьях Уложения 1649 г. наказание кнутом предусматривалось 141 раз! По числу ударов различали простое битье, битье «с пощадой», «с легкостью», но и «нещадное», «с жестокостью», «без милосердия».

Более легким наказанием считалось битье батогами, т. е. палками с обрезанными концами. Этот вид наказания применялся, пожалуй, наиболее широко. На правёже ими выколачивали подати и недоимки; господа били ими слуг, а служилые люди – подчиненных. Часто битье батогами

¹ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб., 1884. С. 110.

назначали за воровские дела, за произнесение неподобающих слов о царских особах, за ложное объявление «слова и дела».

Следующим видом наказания в XVII в. явилось ограничение свободы в форме тюремного заключения в так называемых тюремных замках (этим «тюрьмам», сохранившимся до наших дней, в среднем не менее 200–250 лет). Хотя в прямом смысле говорить о тюрьме в это время как о государственном учреждении, на содержание которого была выделена определенная графа в бюджете государства, еще нельзя. Это произойдет значительно позднее. Поэтому, используя применительно к тому времени термин «тюрьма», необходимо иметь в виду его пока условный характер.

Термина «тюрьма» в древнерусском праве не было, ему соответствовали названия мест заключения: порубы, погреба, ямы, темницы, застенки, остроги. Первоначальная форма тюрьмы в России – подземелье, застенки возникли в период пыток, острогами называли укрепленные места заключения под землей. В земляной тюрьме отбывал свое наказание боярин Михаил Никитич Романов в деревне Ныроб Пермской области. По условиям содержания узник не покидал места своего заключения до конца срока наказания, пищу ему спускали в яму на веревках¹.

Главной задачей власти было в этом случае отделение осужденного от общества. В тюрьме не заботились о возвращении его в общество, напротив, употреблялись все усилия, чтобы и по освобождении арестант пребывал в изоляции – отсюда волчий паспорт, клеймение, лишение чести². Известный знаток истории права Д. Г. Тальберг, изучавший тюремные системы стран Запада и их реформирование, отмечал, что «первый период истории тюрьмы характеризуется полным пренебрежением правительства и общества

¹ См.: Лисин А. Г., Петренко Н. И., Яковлева Е. И. Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX века: учебное пособие. М., 1996. С. 8.

² Фойницкий И. Я. На досуге. СПб., 1898. С. 416.

к заключенным в тюрьмах»¹, что сделало тюрьмы местом устрашения. По его мнению, «до XIX столетия тюрьма не всегда была *de jure* уголовным наказанием, но всегда была фактически одним из значительнейших звеньев общей цепи жестоких мер, направленных на преступника»². Другой российский историк, С. В. Познышев, отмечал следующую аналогию между «устрашительными» периодами содержания арестантов в России и на Западе: «Как и там, у нас в тюрьмах царит голод, холод, всевозможные болезни и страшная смертность. Но жестокость наших тюрем была, так сказать, грубее, не так утонченна»³.

Тюремное заключение как меру самостоятельную применяли очень редко. Тюрьма рассматривалась как дополнение к другим наказаниям того времени, например лишению чести, членовредительным карам, клеймению.

В царствование Ивана IV институт тюремного заключения развивался под влиянием таких факторов, как рост общеуголовной преступности, обострение внутривластной борьбы за власть и Литовская война. Внутренняя политика царя дестабилизировала положение сословий и подталкивала многих если не прямо в ряды «лихих людей», то в ряды бродяг, совершавших правонарушения и мелкие кражи⁴. И в этих условиях расширилось применение лишения свободы как превентивной меры, угрозы наказания: органы земских и губных администраций стремились задерживать, допрашивать и заключать в тюрьму лиц, подозреваемых в преступном поведении и уже изобличенных как преступники. Впервые в этом качестве тюрьма упоминается в Судебнике 1550 г., который определял ее или как наказание самостоятельное (ст. 7, 13, 47, 52), или как дополнение к торговой казни (ст. 6, 8–10, 33, 42, 53, 54), или как замену порук (ст. 12, 55, 56, 58).

¹ Тальберг Д. Исторический очерк тюремной реформы и современные системы европейских тюрем. Киев, 1875. С. 9.

² Там же.

³ Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. С. 17.

⁴ Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 243.

Тюрьма как наказание означала мучительное телесное страдание, которое сопровождалось наложением оков, кандалов. Тюремные сидельцы – так их называли раньше – отбывали наказание в помещениях, совсем не приспособленных для этого: старых подвалах, погребах и т. п.

В Соборном Уложении 1649 г. тюремное заключение как специальный вид наказания могло устанавливаться сроком от трех дней до четырех лет или на неопределенный срок. Как дополнительный (а иногда и как основной) вид наказания назначалась ссылка – в отдаленные монастыри, остроги, крепости или боярские имения. В дореволюционной науке было принято классифицировать тюремное заключение по срокам исполнения наказания. Так, Н. Д. Сергеевский выделял срочное, бессрочное и пожизненное тюремное заключение. Срочное тюремное заключение назначалось от одного дня до четырех лет; бессрочное устанавливалось в трех формах. Первая – «до государеву указу» или «насколько Государь укажет» (ст. 9 гл. I; ст. 8, 9, 148, 186–188, 251, 252 гл. X; ст. 42–44, 71, 86 гл. XXI; ст. 2 и 6 гл. XXV). Вторая – до представления поручительства: «покамест порука будет» или «до тех мест, покамест он в том поруки себе сберет» (ст. 202 гл. X; ст. 38 и 64 гл. XXI). В том и другом случае заключение могло продолжаться очень долго и даже фактически превращалось в пожизненное. Третья форма – бессрочное тюремное заключение до принесения раскаяния – назначалась преступникам религиозным; раскольники и церковные мятежники заключались в тюрьму, «покамест они обратятся на истинный путь». Пожизненное тюремное заключение в Уложении не определяется особым термином, а формулируется как «вкинуть в тюрьму»¹. Бессрочное тюремное заключение получило наибольшее распространение.

В приговоре часто использовались неопределенные формулировки срока наказания – «как Государь укажет», например: если «...свидетелей на тот свой извет никого не поставит, и ничем не уличит, и сыскать про такое государство

¹ Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве... С. 175–177.

будет нечем, и про такое великое дело указ учинить по рассмотрению, как государь укажет»¹.

Если даже вид наказания определялся относительно ясно, то неясным оставалось его исполнение. Принцип неопределенности дополнялся принципом множественности наказания. Тюремное заключение по Уложению устанавливалось в более чем 40 статьях, и в большей части статей оно соединялось с кнутом, иногда с батогами. Сверх тюрьмы и кнута применялись также изувечающее наказание и затем, по отбытии заключения, – ссылка. Новая царская династия стремилась подчинить своей власти крепкую «машину подавления», которой она могла бы пользоваться при проведении своей политики. Квалифицированные смертные казни, членовредительские и истязательские телесные наказания, беспощадные пени и лишь в редких случаях тюрьма и ссылка обильно рассыпаны среди «страшных глав» – в особенности X, XXI–XXII.

Преступные деяния, за совершение которых по Уложению назначалось тюремное заключение, крайне разнообразны. Например, это нарушение благочиния в церкви и на государственном дворе, многие проступки по службе, оскорбление чести и угрозы, подлоги, татьба, разбой, убийство неумышленное, побои, увечье, чадоубийство. Батоги и тюрьма назначались за уклонение от отбытия ямской повинности и растрату ямских денег.

Исследователь С. Г. Ольков, кроме названных деяний, влекущих по Уложению тюремное заключение, указывает и на уголовную ответственность судей центральных и местных государственных органов, отмечая, что законодатель делит ее, а соответственно, и наказание, на два вида: по судебной ошибке и за взятку. В первом случае виновный мог нести имущественную ответственность. Во втором, в соответствии со ст. 8 Уложения (гл. X), «если посул без судейского ведома, и тому кто взял посул на судью, а судья того не ведает, учинити наказание, бити кнутом нещадно, а взятье на нем

¹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. С. 88.

взяти в государеву казну втрое, да его же посадити в тюрьму до государева указа»¹. Такой нормой закон устанавливал бессрочное тюремное заключение.

Лишение свободы применялось в разнообразных видах, но первое место среди них занимали каторга и ссылка на поселение. Первообразом ссылки на поселение является «выбытие вон из земли», вошедшее при Иване IV в понятие «опалы», и использовалось как мера наказания в виде развода жителей какого-либо города или местности целыми семьями по другим населенным пунктам, как это было, например, после присоединения Новгорода и Пскова. Во второй половине XVI столетия уже появляется ссылка в определенное место, например, по Указу 1582 г., в окраинные города – Севск, Курск, употреблявшаяся преимущественно как политическая мера². В 1593 г. в Сибирь были перевезены все жители города Углич из-за смятений, вызванных смертью царевича Дмитрия. Они построили и населили город Пелым. Впоследствии каждая смута, каждый заговор, каждое обвинение, носившее на себе сколько-нибудь политический характер, влекли за собой ссылку людей, нередко массовую³.

Присоединение Сибири открыло новый край для ссылки, дало правительству возможность воздерживаться от смертной казни, содействуя в то же время колонизации малонаселенного края. Особенное развитие получает это наказание в XVII в. Уложение 1649 г. предусматривало ссылку за разнообразные деяния, например за первую татьбу и за вторую татьбу с удлинением срока тюрьмы, а равно за мошенничество и за первый разбой (гл. XXI)⁴. Такое применение ссылки в порядке смягчения наказаний, вместо смертной казни, отчетливо выражается в самом тексте приговоров. В них стали постоянно употребляться формы: «довелся смертной

¹ Ольков С. Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве и общая теория социального поведения. Тюмень, 1993. С. 18.

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 2. Пг., 1915. С. 110.

³ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пг., 1915. С. 138.

⁴ Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1985. С. 230–231.

казни и Великий Государь помиловал, велел живот дать, вместо смерти сослать в ссылку», «вместо смертной казни положив на плаху»¹ и т. д.

Столь широко развитый институт ссылки был наказанием наиболее полезным для задач и целей государственного управления. Ссылка служила для государства неиссякаемым источником людских ресурсов, и направлялись ссыльные туда, где это было необходимо: для службы гражданской и военной, для заселения и укрепления границ, для добывания хлебных запасов на продовольствие служилым людям, для работ по постройкам крепостей и других сооружений. Закон очень редко определял место ссылки. Это зависело от административного распоряжения. Ссылкой определялось отношение государства к ссыльному, который сообразно своим личным данным назначался либо «на службу», либо «в посад», либо «на пашню». Таким образом, наказание обеспечивало безопасность общества, и в одних случаях служило для ограждения населения от правонарушителей, в других – для его устрашения и предотвращения преступлений, в третьих – для исправления осужденных преступников².

К представителям привилегированных сословий применялся такой вид наказания, как лишение чести и прав, варьирующийся от «полной выдачи головой» (т. е. превращения в холопа) до объявления «опалы» (изоляции, остракизма, государевой немилости). Обвиненного могли лишить чина, права заседать в Думе или приказе, права обращаться с иском в суд (т. е., условно говоря, это напоминало частичное объявление вне закона)³.

В «лестнице наказаний» по Соборному Уложению значительное место занимали имущественные наказания. Глава X в 74 статьях устанавливает подробнейшую градацию штрафов «за бесчестье» в зависимости от социальной принадлежности потерпевшего.

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 110.

² Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. С. 139.

³ Исаев И. А. История государства и права России. С. 195.

Иногда за одно преступление устанавливалось несколько наказаний для последовательного их применения. Так, например, ст. 9 главы XXI первую кражу карает битьем кнутом, отсечением левого уха, конфискацией имущества, тюремным заключением на два года с государственными работами в кандалах и ссылкой «в украинные города»¹.

Общая идея ужесточения наказаний во исполнение принципа «дабы другим на то смотря неповадно было делать» нашла отражение в распространении таких наказаний, как смертная казнь, телесные наказания, тюремное заключение, с одной стороны, и снижении размеров штрафов и иных имущественных наказаний, с другой. Об этом наглядно свидетельствует следующая таблица, составленная профессором В. А. Роговым².

Таблица 1

Наименование Судебника	Общее число статей	Число статей, предусматривающих телесные наказания	Штраф и имущественные взыскания	Телесные наказания в процентном отношении от общего числа статей, %	Штраф в процентном отношении от общего числа статей, %
Судебник 1497 г.	68	2	40	3	60
Судебник 1550 г.	100	18	61	18	61
Судебник 1589 г.	231	20	107	8,7	46,3
Судебник 1606– 1607 гг.	166	30	68	18	41
Соборное Уложение 1649 г.	967	146	290	16	29

¹ История государства и права России / под ред. Ю. П. Калинина. М., 1996. С. 118.

² Рогов В. А. История уголовного права... С. 106.

По данным таблицы видно, что за сравнительно небольшой период (с 1497 по 1649 г.) наблюдается рост числа телесных наказаний (с 3 до 16%), что говорит о соответствующем росте преступности и снижении количества штрафов, очевидно, в силу падения их эффективности.

В систему санкций входили и церковные (дополнительные) наказания: покаяние, епитимья (эпитимия), отлучение от Церкви, ссылка в монастырь, заточение в одиночную келью и др.

Соборное Уложение 1649 г. подвело итог предшествующего развития русского права и открыло новый этап в строительстве будущего русского законодательства. Поэтому неслучайно именно этот правовой акт, по замыслу кодификаторов XIX в., стал первым в Полном собрании законов Российской империи (1830 г.) и в значительном объеме использовался при составлении и тома XV Свода законов, и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.¹

Рассмотренная выше система наказаний и проведенный анализ их исполнения показывают, что уголовно-правовой механизм, установленный Соборным Уложением 1649 г., стал значительно сложнее по сравнению с предыдущим периодом, появились новые составы преступлений, потребовался новый уровень юридической техники. Таким образом, право в середине XVII в. отразило основные процессы и проблемы, происходившие в жизни российского государства и общества.

¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 81.

Гражданское право в период образования Русского централизованного (Московского) государства

В статье представлена характеристика русского гражданского права в период образования Русского централизованного (Московского) государства. Раскрываются источники гражданского права, субъекты и объекты, право собственности, формы сделок, особенности обязательственного и наследственного права.

Ключевые слова: Русское централизованное государство, Московская Русь, Судебник 1497 г., гражданское право, право собственности, обязательственное право, наследственное право.

Artemiy An. Rozhnov

Civil law in the period of formation of the Russian centralized (Moscow) state

The paper represents a description of the Russian civil law during the formation of the Russian centralized (Moscow) state. The author analyses problems as sources of the civil law, its subjects and objects, property law, forms of contracts, peculiarities of the law of obligations and the inheritance law.

Keywords: Russian centralized (Moscow) state, Code of Laws (Sudebnik) of 1497, civil law, property law, law of obligations, inheritance law.

Отношения в сфере гражданского права в период образования Русского централизованного (Московского) государства практически полностью регламентировались нормами обычного права. Удельный вес законодательных постановлений в общей массе гражданско-правовых норм и в правовой

Рожнов Артемий Анатольевич (Москва) – ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Департамент правового регулирования экономической деятельности, профессор; доктор юридических наук, доцент.

Artemiy An. Rozhnov – Financial University under the Government of Russian Federation, Department of the Legal Regulation of Economic Operations, Professor; Dr. (Law), Associate Professor.

roartan@mail.ru

© А. А. Рожнов, 2018

системе в целом был весьма небольшим, наглядным свидетельством чего может служить Судебник 1497 г. Количество содержащихся в нем норм гражданского права было невелико, и по своему гражданско-правовому содержанию он серьезно уступал не только Псковской судной грамоте, но и Русской Правде. В отличие от уголовного материального и процессуального права, для которых Судебник играл существенную, а в целом ряде случаев и решающую роль как источник права, в гражданском праве он имел гораздо меньшее значение и являлся не более чем второстепенным источником данной отрасли права. Наряду с обычным правом и законодательством к источникам гражданского права рассматриваемой эпохи также относилось каноническое право, нормы которого применялись для регулирования наследственных отношений.

Субъектами гражданско-правовых отношений являлись как индивидуальные лица, так и коллективные образования: государство, церковные институты (епископаты, монастыри, приходы), семья, род, община. Последняя выступала полноправным и чрезвычайно активным участником имущественного оборота, имела права владения, пользования и распоряжения принадлежавшим ей имуществом, могла свободно приобретать имущество у посторонних лиц, защищала свои имущественные права и интересы в судебном и во внесудебном порядке. Что касается частных лиц, то гражданской правоспособностью обладали все лица независимо от пола и социального положения. Исключение составляли лишь холопы, хотя такая их прослойка, как «большие» холопы, если не строго юридически, то, по крайней мере, фактически имела собственное имущество и участвовала в гражданско-правовых отношениях.

Минимальный возраст дееспособности соответствовал возрасту вступления в брак (брачный возраст составлял 14–15 лет для мужчин и 12–13 – для женщин). Впрочем, само по себе достижение брачного возраста еще не наделяло лицо полной дееспособностью, поскольку оно могло продолжать находиться под властью отца как главы семьи. Верхний

возрастной предел дееспособности законодательно не был определен, но с учетом фактических обстоятельств лицо, пребывавшее в крайнем старческом возрасте, вероятно, уже могло быть ограничено в своих юридических возможностях.

Право- и дееспособность женщин была гораздо уже, чем у мужчин, хотя вдовам, которые не находились под патронатом Церкви, поскольку жили «своим домом» и «не питались от церкви Божии» (ст. 59 Судебника), принадлежала «вся сумма частных прав, какой мог владеть в то время полноправный мужчина, а именно: право собственности, право входить в обязательства и полная процессуальная правоспособность»¹.

Лица с серьезными психическими отклонениями, скорее всего, не могли самостоятельно заключать сделки и распоряжаться имуществом. Физические же недостатки (слепота, глухота и т. п.), напротив, не лишали соответствующих лиц дееспособности, хотя, естественно, могли затруднять реализацию ими своих гражданских прав и обязанностей. В таких случаях их интересы могли представлять и защищать родственники или иные лица, а также Церковь, осуществлявшая, согласно церковному праву, патронат над лицами с ограниченными возможностями.

Не только указанные, но и любые другие индивидуальные и коллективные субъекты имели право доверять представительство и защиту своих юридических интересов иным лицам, которые по их поручению могли совершать различные юридические действия – от подписания документа вместо доверителя до полноценного представительства его интересов в судебном процессе. Никаких общих законодательных норм на этот счет не существовало, и отношения между поверенными и представляемыми ими лицами выстраивались по их собственному усмотрению.

Объектами внешних прав являлись движимое и недвижимое имущество. Несмотря на то, что данные понятия были известны церковному праву и неоднократно упоминались

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 440.

в Кормчих книгах, в светских нормативных правовых источниках и актах юридической практики они не использовались. Вместо этого употреблялись обозначения конкретных объектов недвижимости – вотчины, поместья, земли, дворы, лавки, «земля и вода» и т. п., а применительно к движимым вещам – товары, деньги, «животы» и др. Принадлежность лицу конкретного имущества на праве собственности выражалась тремя способами:

- 1) посредством указания способа его приобретения (вотчина, купля, приданое и т. д.) и имени владельца;
- 2) через перечисление правомочий обладателя вещи;
- 3) простым указанием на то, что соответствующая вещь «моя», «его», «такого-то» и т. п.

Право собственности мыслилось и расценивалось как «юридическое господство лица над имуществом»¹, хотя четкого юридического определения права собственности и правомочий собственника в современном понимании этих гражданско-правовых категорий не существовало. Также отсутствовало строгое разграничение между правом собственности и правом владения. Для того чтобы подчеркнуть, что имущество приобреталось не во временное владение, а именно в собственность (вечную и потомственную), в актах указывалось, что оно было отчуждено или приобретено «впрок», «во веки», «без выкупа» и т. п., что бывший собственник уступил имущество вместе со своими детьми, а новый собственник приобрел его для себя и своих детей. Объем правомочий собственника зависел от вида имущества и основания его приобретения. Субъектами права собственности на имущество являлись государство, церковные институты, частные лица и их объединения, при этом в силу отмеченной «размытости» восприятия права собственности вполне естественными и нормальными были ситуации, когда, например, крестьянская земля характеризовалась как находившаяся одновременно в собственности великого князя и самих крестьян.

¹ Памятники русского права: учебно-научное пособие: в 35 т. / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2014. Т. 3, кн. 3. С. 199.

Объектами недвижимой собственности являлись вотчины, поместья, тяглые земли и имущества, а также лесные, звериные и прочие угодья, городские дворы и дворовые места, которые принадлежали соответствующим лицам на вотчинном или поместном праве либо на праве тяглых имуществ. Проживавшие на церковных землях церковные служилые люди наделялись вотчинами и поместьями, а крестьяне владели землей на тяглом праве. В отношении церковных земель действовал принцип их неотъемлемости и неотчуждаемости, т. е. недопустимости их выхода из собственности Церкви, который, впрочем, не всегда соблюдался. Тяглыми имуществами могли обладать только тяглецы, нетяглые же люди при их приобретении были обязаны принимать на себя тягловые обязательства, от исполнения которых они всячески старались уклониться. В целях защиты интересов тяглых общин они имели право выкупа своих тяглых имуществ, отчужденных в пользу нетяглых лиц. В собственности крестьянских общин находились леса, луга, выгоны, пустоши, водоемы, а пашенные земли передавались ими членам общины. Городские дворы, представлявшие собой участки городской земли с расположенными на них строениями, и дворовые места, т. е. незастроенные земельные участки, подразделялись на «черные» (тяглые) и «белые» (нетяглые). Последние, в свою очередь, принадлежали беломестцам на вотчинном или поместном праве. Бесхозные земли входили в состав великокняжеского земельного фонда.

Для четкого определения границ земельных владений и упрощения процедуры судебного разбирательства при возникновении земельных споров, в том числе в связи с потравой посевов скотом, Судебник обязывал владельцев смежных земельных участков сообща («по половинам») устанавливать изгороди между ними. При наличии пастбищ, граничивших с пашнями, обязанность огораживать их возлагалась на владельцев пашни (ст. 61). Порча межевых знаков влекла за собой уголовную ответственность (ст. 62).

При переходе имущества от одного лица к другому за главной вещью следовала принадлежность, причем «обычай,

заведенный издавна порядок хозяйства, инвентарное описание, самое существо вещи определяли, что должно было считаться принадлежащим к главному имуществу как придаточная его часть, и следовательно, при переходе его из одних рук в другие разделять его судьбу», поэтому «на этот обычай, порядок, на это описание, существо вещи делалась ссылка в акте, чтоб означить принадлежности известного имущества как главного»¹. Например, при отчуждении в пользу нового собственника деревни указывалось, что вместе с ней к нему переходили леса, выгоны, угодья и все то, что к ней «потягло из старины».

В случае нахождения имущества в собственности нескольких лиц они могли обладать им на праве общей совместной (нераздельной) или долевой собственности.

Основаниями для приобретения права собственности на недвижимое имущество являлись заключение сделок, наследование, захват, пожалование, выкуп и приобретательная давность.

Захват (заимка) как способ фактического завладения бесхозной землей и последующего пользования ею в границах, которые определялись лишь естественными пределами (реками, болотами, лесами и т. п.), в рассматриваемый период утрачивал свое значение, уступая место формально-правовым основаниям землевладения, базировавшимся на жалованных грамотах, договорах и т. д. При занятии пустых земель соответствующие лица обращались к государю с просьбой о юридическом закреплении их за ними, чтобы упрочить свои права на эти земли.

Пожалование могло выступать как в качестве самостоятельного основания приобретения права собственности на имущество, которое государь предоставил пожалованному лицу, так и соединяться с заимкой или заключением сделок либо выражаться в форме репрезентации. Последний способ возникновения права собственности заключался в том, что лицо, например удельный князь или боярин, добровольно

¹ Неволин К. А. История российских гражданских законов. М., 2006. Ч. 2. С. 22.

уступало свое имущество великому князю и затем получало его от него обратно в виде пожалования¹.

Если в акте отчуждения имущества специально не оговаривалось, что оно было окончательно, без права выкупа уступлено в пользу приобретателя, то считалось, что оно передавалось ему лишь во временное владение и прежний собственник или его наследники были вправе вернуть себе право собственности на это имущество путем его выкупа.

Приобретательная давность служила основанием возникновения права собственности на землю в случае, если было доказано, что лицо правомерно приобрело и владело ей в течение длительного времени и при этом обрабатывало землю. Главными условиями признания приобретательной давности являлись добросовестность владения землей, в том числе отсутствие юридических претензий к землевладельцу со стороны других лиц, и вложение в нее своего труда. Продолжительность же владения имела лишь вспомогательное значение, свидетельствуя о прочной принадлежности земли соответствующему лицу. Поэтому никакого единого, твердо установленного срока приобретательной давности (20, 30 лет и т. д.) не существовало, и он определялся судом отдельно в каждом конкретном случае. Институт приобретательной давности применялся лишь к земельной собственности, но не к движимым вещам, в связи с чем находка чужой вещи не порождала у нашедшего ее лица права собственности, а обязывала его вернуть ее собственнику или передать государству (возможно, за вознаграждение).

О способах приобретения движимых вещей и в рассматриваемый период, и позднее, вплоть до Уложения, источники сообщают крайне отрывочно. Достоверно можно утверждать лишь, что движимое имущество приобреталось такими способами, как заключение сделок, наследование, изготовление или переработка вещи, сбор и добыча объектов

¹ Впоследствии таким образом поступали казаки и промышленники, которые, продвигаясь на восток, присоединяли к Московскому государству новые земли.

растительного и животного мира, получение приплода животных и военная добыча, предметом которой являлись вещи и люди.

Прекращение права собственности на имущество, помимо естественного основания, например гибели вещи или длительного запустения земельного участка, также происходило добровольно, прежде всего вследствие заключения сделок, либо принудительно, в частности в результате конфискации вотчины или поместья.

В отличие от закона конца XIV – начала XV в., который ввел 15-летнюю продолжительность исковой давности по земельным тяжбам, Судебник существенно сократил данный срок и сделал его дифференцированным: для земельных споров между частными лицами (боярами, монастырями, помещиками, крестьянами) предусматривался трехлетний срок, вероятно установленный с учетом традиционного трехпольного севооборота, при котором за три года обрабатывался весь земельный участок, а при посягательстве на великокняжеские земли – шестилетний. При этом, судя по предписанию Судебника, «досуживати» земли, которые «за приставом в суде» (ст. 63), требовалось не просто предъявив иск в указанный срок, но и добившись реального начала судебного процесса, а именно того, чтобы ответчик представил поручительство о явке в суд либо чтобы спорная земля поступила под надзор пристава. Несмотря на конкретные сроки, закрепленные Судебником, на практике они могли быть более длительными, что свидетельствовало о том, что хотя «на исковую давность всегда обращалось внимание и дело решалось по ней, если она была доказана», но в то же время «истечение срока давности не имело безусловного значения и не исключало производства тяжбы», поскольку исковая давность «считалась одним из средств судебного доказательства, подлежащим, наравне с другими, оценке суда»¹.

В рассматриваемый период большинство сделок заключалось в устной форме с участием нескольких свидетелей

¹ *Энгельман И. Е.* О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. М., 2003. С. 151, 153–154.

(«послухов»), которые в случае возникновения спора давали показания относительно совершенной сделки. Иногда для придания сделке большей юридической силы она заключалась в присутствии официальных лиц. С течением времени все большее распространение получали письменные сделки, называвшиеся грамотами, кабалами, крепостями, записями. Они составлялись как самими участниками сделки, так и любыми иными лицами, которые умели писать, поэтому в основном составлялись различными дьяками. Грамотные лица удостоверяли сделки своими подписями, а за неграмотных подписывались те, кому они доверяли, преимущественно духовные отцы и родственники. Вместо подписей грамоты также могли скрепляться особыми изображениями, знаками («знаменами»), а свидетели могли ставить на акте своей рукой крест. До конца XV в. к документам было принято прикладывать официальные или частные печати.

Наряду с простой письменной формой имел место «крепостной» порядок заключения сделок, предполагавший их государственную регистрацию в специальных книгах. Такой порядок применялся к сделкам, объектами которых были холопы, недвижимость и лошади. В частности, при купле-продаже или мене лошадей требовалось «являть» их должностным лицам – «пятенщикам», которые ставили на лошадь «пятно» (клеймо) и вносили соответствующие сведения в учетные книги. С введением в конце XV – первой половине XVI в. писцовых книг, призванных среди прочего обеспечить более строгий контроль за юридическим «движением» земель, в них «записывались земли, принадлежащие отдельным лицам, причем отмечались и акты, на которых основывалось право владельца. При переходе имущества новый приобретатель являл акт приобретения земли, для справки ее за собою в писцовых книгах. В спорных случаях дело решалось по писцовым книгам». Впрочем, до начала XVII в. «явка и записка актов еще не были безусловно необходимы», хотя и были выгодны участникам сделки, поскольку предоставляли им

наиболее твердые гарантии их прав «на случай оспаривания акта, как другою стороною, так и лицами посторонними, или же на случай потери акта»¹.

Формуляры грамот, за исключением некоторых местных особенностей, в целом были стандартными. После обозначения лица, заключавшего сделку («Се яз...»), следовало более или менее подробное изложение ее предмета, цены и других условий. Например, в поземельных договорах границы отчуждаемой земли определялись либо через перечисление межей, либо общей формулой: «куда соха, плуг, коса ходили». В удостоверительной части грамоты назывались свидетели заключения сделки, а в поземельных договорах – и отвода земли, а также лицо, которое писало текст документа. Дата его составления до начала XVI в. указывалась редко.

Независимо от того, в какой форме был заключен договор – в устной или письменной, при возникновении спора главным доказательством действительности сделки в анализируемый период служили показания свидетелей. В частности, Судебник предусматривал, что если кто-либо оспаривал договор купли-продажи, совершенный на торгу, то покупателю было достаточно представить 2–3 свидетелей из числа «добрых людей», которые бы подтвердили факт покупки (ст. 46, 47). Письменные же акты являлись лишь вспомогательными средствами доказывания прав участников сделки. В случае если сделка могла затрагивать интересы третьего лица, например родственника, которое впоследствии могло попытаться оспорить ее правомерность, для защиты своих интересов соответствующая сторона договора могла позвать это лицо в качестве послуха и тем самым нейтрализовать его возможные будущие претензии. Аналогичным образом считалось, что «если при совершении сделки перед послухами присутствует такое лицо, которого права нарушаются этой сделкой, и это лицо не протестует, то естественным образом его молчание, также как молчание третьего лица в тех

¹ *Энгельман И. Е.* О приобретении права собственности на землю по русскому праву. СПб., 1859. С. 72–76.

же условиях на суде ведет к предположению, что это лицо отказывается от своего права»¹.

Среди письменных актов частного права наивысшей и бесспорной юридической силой обладали жалованные грамоты. Как документ, имевший «известную определенную форму, она не подлежит суждению относительно внутреннего своего содержания. Если она формально правильна, то доказательством этой формальной ее правильности доказываается и правильность ее содержания»².

В основе договорного права лежали принцип свободы договора, означавший свободу воли и волеизъявления сторон при заключении ими договора и отсутствие принуждения к нему, а также требование осознания сторонами характера совершаемых ими действий. Договаривающиеся стороны по взаимному согласию могли включать в договор («ряд») любые не запрещенные условия. Впрочем, общих четких указаний относительно базовых начал договорного права и конкретных последствий их нарушения не существовало.

Гражданскому праву рассматриваемой эпохи были известны такие виды договоров, как купля-продажа, мена, дарение, имущественный и личный наем, заем, подряд и др.

В отличие от договора купли-продажи движимых вещей, при котором, по общему правилу, не требовалось ничего, кроме простого соглашения между продавцом и покупателем, договор купли-продажи недвижимости имел более сложное содержание, зависевшее от усмотрения сторон. Например, цена имущества часто выражалась не только в определенной сумме денег, но и в «пополнке» к ней в виде скота, сельскохозяйственной продукции и т. д. Продавец обязывался «очищать» продаваемую недвижимость от юридических притязаний третьих лиц и «не доводить» покупателя «до убытка», а в случае его возникновения возместить его. При приобретении имущества несколькими лицами покупатели могли договориться не продавать в будущем свою долю «мимо» других

¹ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России: Опыты по истории русского гражданского права. СПб., 2004. С. 72–76.

² Энгельман И. Е. О приобретении права собственности... С. 34.

покупателей. В XIV–XV вв. купчие составлялись от имени покупателя, однако в дальнейшем они стали писаться от имени продавца. Договор купли-продажи движимых вещей исполнялся уплатой покупателем продавцу стоимости вещи и ее получением от него, а при купле-продаже недвижимости покупатель получал от продавца документы на нее и вводился во владение.

По своему содержанию договор мены был аналогичен договору купли-продажи и также мог включать условия о «пополнке», об «очищении», о невыкупе и т. д.

Дарение движимых вещей не требовало письменной формы и совершалось путем простой передачи вещи, дарение же недвижимости предполагало составление «данной» грамоты. В некоторых случаях дарение фактически было не чем иным, как завуалированной куплей-продажей, например если дарение производилось под условием погашения одаряемым долгов дарителя. Специфическими видами дарения являлись пожертвование в пользу Церкви, государства или общин, выдел имущества и назначение приданого. Выдел означал оформлявшееся посредством «отдельной» записи выделение родителями еще при жизни части своего имущества кому-либо из детей с сохранением за собой права по своей воле отменить этот выдел. Формой выдела дочерей и других родственниц в связи с выходом замуж являлось назначение приданого. Его размер определялся усмотрением родителей или, при их отсутствии, иных родственников и соглашением с женихом и его родней.

По договору имущественного найма в аренду могли быть взяты земли, угодья, животные и другое имущество. Срок найма и размер арендной платы устанавливались соглашением сторон, при этом в условиях сельскохозяйственной экономики они отражали специфику производства земледельческих работ: срок аренды земли и угодий обычно составлял один год, моменты его окончания или возобновления привязывались к особенностям сельскохозяйственного цикла, а арендная плата могла выражаться не только в денежной, но и в натуральной форме, а именно в определенном количестве

или доле выращенной продукции. Земли и угодья брались на оброк индивидуально, товариществами или целыми общинами.

Применительно к договору личного найма принципиальное значение имел его вид: наем в услужение, т. е. для оказания домашних и дворовых услуг, как правило, влек за собой поступление лица в холопство; при найме же для выполнения определенных работ или поручений нанимавшееся лицо сохраняло свою свободу. Второму виду найма в Судебнике были посвящены ст. 49, разрешавшая некоторым участникам судебного процесса нанимать бойца для участия в судебном поединке вместо себя, и ст. 54, согласно которой наймит, не доработавший до конца предусмотренный срок найма, лишался всей заработной платы, в том числе за уже проделанную работу. Об ответственности заказчика в законе ничего не говорилось.

Крайняя лаконичность отмеченных постановлений Судебника компенсировалась широчайшей договорной практикой вольного найма в Московском государстве, которая имела место в самых разных отраслях хозяйства и охватывала различные социальные группы. Стороны договора по взаимному согласию определяли условия о предмете работы, ее сроках, оплате, размере неустойки в случае невыполнения работы, об обязанности наймита подчиняться заказчику, санкциях за нарушение трудовой дисциплины и т. д. При коллективном найме заключался общий договор, в котором все работники являлись поручителями друг за друга.

По договору займа, заключавшемуся в кабальной и бескабальной формах, кредитор предоставлял заемщику деньги или определенное имущество, например хлеб, а заемщик был обязан вернуть в установленный срок предмет займа и уплатить проценты («рост»), если они были предусмотрены договором. В возмездных договорах займа размер денежной или натуральной платы, как правило, составлял 20% («на пять шестой»). Возврат займа обеспечивался свободой должника, т. е. его поступлением под власть кредитора и обращением в холопство при неисполнении обязательства; залогом; пору-

чительством; множественностью заемщиков, при которой долг мог быть взыскан с любого из них. Вслед за Русской Правдой (ст. 54 Пространной редакции) Судебник регламентировал юридические последствия невозврата купцом взятых в долг денег или товаров. Если он их пропил или иным образом растратил «каким безумием», то выдавался истцу в холопство; в случае же невиновной утраты денег или товаров купец должен был вернуть истцу долг («истину») без процентов с рассрочкой платежа (ст. 55).

Чрезвычайно распространенной формой хозяйственной деятельности как в рассматриваемый период, так и впоследствии являлось товарищество. Объединяя капиталы и трудовые усилия, складники осуществляли земледельческие, строительные и другие работы, занимались торговлей, промыслами и т. д. В состав артели могли входить как родственники, так и иные лица. Договор товарищества заключался устно либо оформлялся «складной» записью. Условия складнического договора целиком зависели от соглашения сторон, поэтому «степень объединения средств производства, формы труда и формы распределения в складствах, артелях и товариществах были самые разнообразные»¹.

В целом, характеризуя систему договоров в период образования Московского государства, можно констатировать, что она отличалась «определенной размытостью, нечеткостью границ между смежными видами обязательств»², например между куплей-продажей и меной, причем «подобное смешение объяснялось не только неразработанностью юридической техники и терминологии. Сам характер имущественного оборота с его чертами натурализации и обусловленности традицией способствовал такому явлению. Дальнейшая формализация договорных отношений способствовала их дифференцированности друг от друга»³.

¹ Маковский Д. П. Развитие товарно-денежных отношений в Русском государстве в XVI веке. Смоленск, 1960. С. 34.

² Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 34.

³ Там же.

Наряду с обязательствами, возникавшими из договоров, гражданскому праву также были известны обязательства из причинения вреда. В частности, при потраве посевов скотом обязанность возмещения ущерба возлагалась на того землевладельца, через чью половину изгороди животные проникли на посеvy. Об ответственности хозяина скота Судебник умалчивал. Если владелец пашни, граничившей с пастбищем, своевременно и надлежащим образом ее не огородил, то в случае потравы никто не подлежал ответственности за причиненный вред (ст. 61).

Как и в более древнюю эпоху развития гражданского права, в анализируемый период имущественные обязательства могли переноситься непосредственно на личность должника. Это касалось как отдельных договоров (найма в услужение и займа), так и ответственности за неисполнение обязательств. Последняя выражалась в том, что должник, не выполнивший своего обязательства перед кредитором, подвергался правёжу, который представлял собой специфическую юридическую процедуру взыскания долга путем физического воздействия на должника, заключаавшуюся в его ежедневном битье батогами по икрам перед приказной избой с целью побуждения к погашению задолженности¹, и если после правёжа он по-прежнему не удовлетворял имущественные требования кредитора, то выдавался ему в холопство пожизненно или до отработки долга. Еще одной особенностью обязательственного права было то, что ответственность могла возлагаться не только на непосредственного должника, но и на других лиц: супруга, детей, родителей, холопов, господ.

Чисто имущественными способами обеспечения исполнения обязательств являлись неустойка, поручительство и залог.

Неустойка выражалась или в конкретной сумме, которую должна была заплатить обязанная сторона в случае неисполнения договора, или в форме возмещения причиненных убытков.

¹ Подробнее о процедуре правёжа см.: Рожнов А. А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв.). М., 2012. С. 461–465.

Сущность гражданско-правового поручительства состояла в том, что несколько поручителей ручались за исполнение должником обязательства, а при его неисполнении они отвечали перед кредитором своим имуществом. При заключении письменного договора поручительство включалось в его содержание, причем имена «порук» перечислялись в начале договора, после чего указывалось, в исполнении какого именно обязательства должника они ручались.

В подавляющем большинстве случаев залог (заклад) являлся способом обеспечения исполнения заемных обязательств, именно договор займа был «любимейшим спутником залога», поэтому «в общественном сознании закладная преимущественно означает заемное или другое долговое обязательство, залогом обеспеченное»¹. Предметом залога могло выступать как движимое, так и недвижимое имущество за некоторыми исключениями, например запрещалось закладывать предметы культа или поместья. По заемным обязательствам, обеспеченным залогом недвижимости, она могла оставаться на срок залога у заемщика, который уплачивал кредитору проценты по договору, либо переходить во владение и пользование кредитора. В этом случае он получал право в качестве процентов извлекать из заложенного имущества соответствующие доходы, например, «за рост» косить пожню, сечь лес и т. п. При неуплате долга в срок предмет залога переходил в собственность кредитора, а закладная превращалась в купчую. Альтернативой с менее тяжелыми для должника юридическими последствиями являлось продление бессрочного (до выкупа) владения кредитора заложенным имуществом.

Для крестьянских закладных было характерно сохранение за крестьянами заложенной земли на время залога, что «вполне понятно: крестьянское хозяйство не могло существовать, если крестьянин передавал кредитору право пользования своей землей на срок залога (т. е. примерно на год). Для него в таком случае было выгодно совсем продать землю,

¹ Мейер Д. Древнее русское право залога // Юридический сборник, изданный Дмитрием Мейером. Казань, 1855. С. 231–232.

выручив за нее большую сумму. Другое дело – залог, при котором крестьянин продолжал владеть своей землей и терял ее лишь в случае неуплаты долга в срок. Здесь крестьянин сохраняет свое хозяйство и вместе с ним надежду выкупить заложенную землю в срок»¹.

Главным основанием прекращения обязательств являлось их исполнение. Также обязательства могли прекращаться по обоюдному согласию сторон, в результате прощения долга кредитором, в связи со смертью должника в личном обязательстве и т. д.

В сфере наследственного права ведущую регулирующую роль играли нормы канонического права, а их применение осуществлялось Церковью. Это выражалось в трех ключевых аспектах. Во-первых, главным источником правового регулирования наследственных отношений являлись постановления, содержащиеся в Кормчих книгах. Во-вторых, завещание составлялось, как правило, в присутствии духовного отца завещателя и затем подлежало утверждению епархиальным архиереем. Наконец, споры о наследстве относились к подсудности церковного суда.

Наследственному праву рассматриваемой эпохи были известны оба основания наследования – и завещательное, и законное, однако главным из них являлось наследование по завещанию. Готовясь к переходу в Вечность, умирающий считал своим нравственным и юридическим долгом сделать «последний расчет со своими мирскими отношениями», поэтому, составляя завещание, «объявлял по совести, кто и чем ему должен и кому и чем он сам должен; принимал меры для устройства судьбы своего семейства; оставлял отказы в пользу тех или других лиц и тем свидетельствовал свое расположение или, может быть, благодарность к ним; отделял часть своего имения для богоугодных целей и особенно на поминование своей души»². В условиях широчайшего распространения завещательных распоряжений насле-

¹ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 70.

² Неволин К. А. История российских гражданских законов. Ч. 3. С. 263.

дование по закону, естественно, носило не более чем дополнительный, вспомогательный характер и имело место только при отсутствии «духовной грамоты» («рукописания») или в случае, если завещание было признано недействительным. Также законный порядок наследования мог быть применен к имуществу наследодателя, которое не было упомянуто им в завещании. Приоритет завещательного основания наследования над законным нашел отражение и в Судебнике, который регулировал порядок перехода имущества по наследству лишь в ситуации, когда «которой человек умрет без духовные грамоты» (ст. 60).

В качестве завещателей могли выступать все свободные лица, т. е. любые лица, кроме холопов, обладавшие имуществом, в отношении которого они имели право распоряжения. При составлении завещания наследодатель должен был достичь совершеннолетия, находиться в здравом уме и твердой памяти и иметь возможность формулировать свою последнюю волю свободно, без принуждения. Наследниками также могли быть любые индивидуальные лица и коллективные образования, которые были вправе приобрести соответствующее имущество в порядке наследования. В подавляющем большинстве случаев завещатели передавали наследство членам семьи: жене, мужу, нисходящим, восходящим, боковым родственникам до четвертой и иногда до пятой степени родства, – устраивая таким образом «будущую судьбу всей своей семьи или рода, не довольствуясь передачей своих прав одному ближайшему лицу»¹. При этом наследодатель назначал наследников исключительно по своему усмотрению и «не стеснялся какими-либо правами детей своих на имущество»². Часть имущества обязательно завещалась в пользу Церкви. Посторонние лица редко являлись главными наследниками.

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 571–572.

² Мысли графа М. М. Сперанского // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1858. Кн. 1. С. 27.

Центральное место в духовной грамоте занимали распоряжения завещателя о том, «кому ми что дати и на ком ми что взять». Подробно перечислялись долги, заплаченные наследодателем и, следовательно, уже не подлежащие уплате наследниками, и те долги, которые, не будучи погашенными, переходили к ним. Также завещатель тщательно определял юридическую судьбу своих имущественных активов, скрупулезно отмечая в духовной, кому именно он передавал соответствующее движимое и недвижимое имущество, холопов и деньги. Помимо чисто имущественных распоряжений, завещания предусматривали те или иные предписания религиозно-нравственного характера: об упокоении души завещателя, о возложении на конкретных лиц обязанности заботиться о его вдове и детях, об отпуске на волю холопов, о прощении долгов и т. п.

По форме завещания могли быть как устными, так и письменными. Изначально преобладали первые, однако по мере распространения письменной формы сделок, примерно с XIV в., завещания все чаще стали излагаться письменно. Впрочем, устные завещания, заключавшиеся в изъявлении завещателем своей последней воли перед духовным отцом, признавались имеющими юридическую силу на протяжении всего «московского» периода. Что касается письменных завещаний, то они, как правило, составлялись на дому и писались либо завещателями собственноручно, либо, что встречалось чаще, другими лицами: дьяками, священниками, монастырскими служками и т. д. Формуляр духовной грамоты был типовым. Вводная часть завещания начиналась словами «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», затем следовало указание завещателя («Се яз раб Божий...»), составлявшего духовную «при своем животе» или «отходя сего света», причем обязательно подчеркивалось, что он формулировал свою последнюю волю «целым умом и разумом». В основной части содержались завещательные распоряжения, в том числе назначение одного или нескольких душеприказчиков из числа родственников или иных лиц, от которых требовалось, чтобы они не были пьяницами или расточителями и не имели

вражды с завещателем. Если наследодатель не назначил своих душеприказчиков, то его последнюю волю исполняли сами наследники. В конце грамоты перечислялись духовный отец завещателя, послухи (обычно 2–4) и лицо, писавшее текст завещания. Грамота скреплялась подписями и печатью (последняя имела не всегда). Дата составления завещания (год) стала обозначаться в духовных с начала XVI в.

Для подтверждения подлинности и правомочности духовной грамоты ее надлежало «явить» епархиальному архиерею, что делалось либо самим завещателем, либо, после его смерти, душеприказчиком. Во втором случае производился допрос духовного отца завещателя, свидетелей и писца, которые должны были подтвердить, что во время составления рукописания завещатель был дееспособен, действовал без принуждения, а форма и содержание завещания полностью соответствовали последней воле умершего. Если грамоту признавали законной, то ее удостоверяли епископ и дьяк, после уплаты пошлин возвращали душеприказчику, а копия с нее хранилась в архиерейском архиве. Если же завещание было составлено с нарушением требований к форме и (или) содержанию, то оно считалось недействительным, и в этом случае в силу вступал законный порядок наследования.

Норма Судебника о наследовании по закону, несмотря на ее лаконичность, достаточно четко отражала сущность данного основания наследования. После смерти наследодателя имущество переходило к его сыну, а при его отсутствии «статок весь и земли» передавались дочери. Следовательно, Судебник, так же как и Русская Правда (ст. 91 Пространной редакции), стоял на позиции, что «сестра при брате не наследница». Если же у умершего детей не было, то наследство получал его ближайший родственник. Таким образом, в Судебнике получили законодательное закрепление только общие начала наследования по закону, а различные юридические нюансы наследования восполнялись иными юридическими источниками. В силу этого при наличии у наследодателя нескольких сыновей имущество наследовали, скорее всего, лишь те, кто при жизни родителя не отказался содержать его

(по крайней мере, такое правило было предусмотрено ст. 53 Псковской судной грамоты). Под ближайшими родственниками покойного, вероятно, понимались его родные братья, их дети и внуки. Наследственная масса распределялась между несколькими наследниками (сыновьями, дочерьми, боковыми родственниками) поровну.

Наследники имели право отказаться от принятия наследства и, соответственно, от исполнения обязательств по долгам наследодателя.

Если у умершего, не оставившего завещания, не было родственников, которые могли ему наследовать по закону, то имущество считалось выморочным и поступало в пользу Церкви.

В связи с тем, что неполнота и недостаточная определенность законного порядка наследования на практике порождала спорные ситуации, впоследствии законодатель стал уделять вопросам правового регулирования наследования по закону гораздо больше внимания, чем это было до середины XVI в.

Юридическая природа и специфика классификации частноправовых актов XVII в.

В статье рассмотрены основные виды частноправовых актов XVII века, которыми оформлялись переходы субъективных прав на имущество, сделки и обязательства: купчие, меновные, вкладные (данные), закладные, полюбовные разъезжие, мировые и другие грамоты. Выявлены специфические черты таких актов, представлена классификация актов.

Ключевые слова: частноправовые акты, данные грамоты, купчие грамоты, меновные грамоты, закладные грамоты, полюбовные разъезжие грамоты, мировые грамоты (записи), духовные грамоты, заемные грамоты, полные докладные грамоты, служилые кабалы, порядные грамоты, ссудные грамоты, жилые записи, кортомные грамоты.

Olga Yu. Elchaninova

Legal nature and features of private-legal acts classification by the 17th century

The paper deals with the main types of private legal acts of the 17th century, with which the transitions of subjective rights to property, transactions and obligations were formalized: letters of commerce, exchange certificates, deposit (data) certificates, mortgage, amicable travel documents, letters of commendation and other documents. Specific features of such acts are revealed, the classification of acts is presented.

Keywords: private legal acts, deposit certificates, letters of commerce, exchange certificates, mortgage letters, amicable travel documents, letters of commendation (letters), spiritual letters, loan certificates, full reports, service bonds, ordinances, loan documents, residential records, cortemy certificates.

Ельчанинова Ольга Юрьевна (Самара) – ФКОУ ВО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», начальник кафедры теории и истории государства и права; кандидат исторических наук, доцент.

Olga Yu. Yelchaninova – Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service, Head of Department of Theory and History of State and Law; Associate Professor, Ph.D. (History).

olga220169_69@mail.ru

© О. Ю. Ельчанинова, 2018

В истории Российского государства XVII век можно назвать веком старых традиций и новых веяний, когда многовековой уклад и ростки новых преобразований соседствовали друг с другом. В это время продолжился процесс централизации государства, который нашел отражение в укреплении позиций служилого сословия, росте бюрократического аппарата. После Смуты фактически пришлось заново восстанавливать царскую власть и всю систему государственного управления в России. Власть царя как главы государства в целом укреплялась, однако пришлось приложить немало усилий для того, чтобы доказать европейским дворам законность прав Романовых на русский престол. Авторитет царя поддерживался представлением о божественном происхождении его власти, о том, что она является единственным источником права и справедливости. По мере дальнейшего развития феодальной экономики, формирования новых типов и форм собственности происходил количественный рост гражданско-правовых сделок и неуклонное увеличение числа частных актов, отдельные виды которых уже имели многовековую практику, другие же стали порождением XVII в.

К числу документов частноправового характера относились:

- акты на объекты движимого и недвижимого имущества, деньги и несвободных людей – духовные грамоты, рядные-сговорные грамоты, заемные грамоты, закладные грамоты;
- акты на землю – данные (вкладные) грамоты, купчие (продажные, отступные) грамоты, меновные грамоты, закладные грамоты, полюбовные разъезжие грамоты, мировые грамоты (записи);
- акты на холопов – полные докладные грамоты, служилые кабалы;
- акты имущественного найма – кортомные грамоты;
- акты крестьянского порядка – порядные грамоты, ссудные грамоты, жилые записи; и другие.

Купчие, меновные, вкладные (данные), закладные, полюбовные разъезжие, мировые грамоты фиксировали переход земли от одного владельца к другому. Если земля даровалась, то заключалась сделка, которая оформлялась вкладной (данной) грамотой. В качестве дарителя могли выступать светские лица, одариваемого – монастыри, церкви. Именно вклады (отсюда и название грамоты – вкладная) и были одним из основных источников формирования монастырского и церковного землевладения. Как правило, такие грамоты начинались с формулы *«Се яз (такой-то) дал есми в дом (название монастыря) игумену с братьею...»*. Например: *«Се яз, Василей Ромавовичь Куломзин, дал есми по своих родителей душе и по своей душе в дом живоначальной Троице и святому апосталу Филипу и святому священому мученику Иеупатью свою вотчину селцо Кузмищово, да деревню Малюгино, да пустошь Теребихино с всем с тем, што к маей вочине к селцу х Кузмищову и к деревне ж к пустоши истари потягло и с лесом и с пожнями и с луги и с наволоки и со всеми угодии, куды плуг, соха, топор, коса ходила.*

*А на то послуши: Семен Дмитриев, да Василей Иванов сын. А даную писал сам Василей Романович своею рукою»*¹.

Купчие грамоты фиксировали в письменной форме переход недвижимой собственности (земли, промысловых угодий, построек) из рук в руки посредством оформления сделки купли-продажи. Суть сделки в тексте купчей грамоты передавалась следующей формулой: *«Се яз (такой-то) купил есми (то-то)...»*.

Текст купчих грамот позволяет в них выделить несколько клаузул. Первая начиналась со слов *«се яз... купил есми»* и включала, кроме указанной диспозитивной формулы, еще и имена контрагентов, описание объекта сделки: *«Се аз, Емельян Иванов сын Павлова Хлызов кожевник Пустынский волости, продал есми братьям своим Григорью да Ивану*

¹ Текст воспроизведен по изданию: Две данных грамоты XV–XVII вв. Костромскому Ипатьевскому монастырю // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М.: АН СССР, 1961.

Ивановым же детям Павлова Калсина по купчей матери своея Ирины Дементиевы дочери Мустачины, что купила мати моя Ирина у своего свекра, а у моего деда у Павла Григорьева сына Калсина, на свои на приданные денги, половину деревни Горные в Пустыне, земля на горе. И яз, Емельян, продал братьям своим Григорью да Ивану ис тое материны половины два жеребья, а трети ис тое половины земли, и двора, и гумна, и овина, и бани, и поскотины не продал, Омельян, а два жеребья тое половины земли и двора, и поскотины горные и подгорные братьям Григорью да Ивану продал. А межи той деревне земле по прежним купчим деда нашего Павла Григорьева сына Калсина по старым межам. А та земля и двор з баткой с нашим, с Иваном, не в делу»¹.

Сумму сделки, права покупателя и его потомков на неограниченное распоряжение предметом купли-продажи, обязательства продавцов охранять права покупателя определяла вторая клаузула: «А взял яз, Омельян Иванов сын, у братьей у своих у Григорья да у Ивана у Ивановых детей, по сей купчей на той земле, и на дворе, и на поскотинах, и в гумне, и в бане, как в сей купчей написано, восемь рублей денег московских ходячих и пополнок в той же цене. А продал в дертные без выкупа. И владети впредь по сей купчей землю, как в купчей написано, Григорью да Ивану. А мы, Григорей да Иван, купили у брата своего бошово у Емельяна по ево материне купчей ис половины два жеребья земли, и поскотины, и двора, и гумна, и денги восьм рублей дали у сея купчия. А купили есмя мы, Григорей да Иван, тое землю у Емельяна брата також на приданные денги матери нашия Федоры Павловы дочери, а купили без выкупа. А Оринина купчая писма Нефёда Григорьева сына, Пустынского дьячка. И в очищенье своей продаже во всем яз, продавец»².

¹ Купчая на часть деревни Горные в Пустынском погосте, купленной Григорием и Иваном Ивановыми сыновьями Калсина у старшего брата Емельяна Иванова сына Хлызова от 13 июля 1613 г. (см.: Воскобойникова Н. П. Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых-Хлызовых // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 124).

² Там же.

В третьей клаузуле закреплялись имена послухов, присутствовавших при оформлении грамоты: имена присутствовавших «на заводе» земли, имя лица, стоявшего у печати, имя лица, который «заводил» землю, т. е. указывал ее границы, вводил покупателя в права владения при свидетелях, имя писца грамоты: «А на то послухи у купчие сидели: Матфей Иванов сын Кобыликов, да Омелян Пятой Ондреев сын Пестин, да Полудница Семенов сын. Писал купчую в Пустыне Ондреец Внифантiev сын. Лета 7121-го года июля в 13 день»¹.

В купчих грамотах встречаются также факты закрепления обязанности продавца «очищать» землю, т. е. при возникновении претензий третьих лиц на землю доказывать свое право на ее продажу и освобождать покупателя от судебных издержек. Это обязательство свидетельствовало о многократной смене землевладельцев и желании покупателя обезопасить себя в случае появления третьих лиц, претендовавших на купленную землю. «...А у кого выляжет на ту н[а]шу вотчину [к]упчая или кабала, или запис[ь], или иная какая крепость нибу, и нам та своя вотчина очищати, а протопопа Григор[ь]я з брат[ь]ею в той своей вотчине не довести ни которого убытка. что ся протопопу Григор[ь]ю з брат[ь]ею в той н[а]шей вотчине учинит убытка, и нам ему те убытки платити»². Также в тексте купчих грамот можно встретить запись о закреплении права покупателя поступать с землею по своему усмотрению или об отчуждении продавца от этой земли навечно.

В меновой грамоте закреплялся юридический факт обмена земли. Характер такой сделки передавался формулой: «Се менишась (такой-то) с (таким-то) землею на землю». Меновые начинаются с формулы «се менися» («се менишась»). Затем следовало обозначение контрагентов сделки и общее определение предмета сделки. Иногда добавлялась формула, объявлявшая о неподвижности сделки («А сия им мена неподвижна»), а иногда появлялись формулы, хорошо

¹ Там же.

² Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956. С. 34–35.

знакомые по купчим: *«чем владел (такой-то), тем владети (такому-то)»*.

Закладные грамоты, известные еще с XV в., также получили дальнейшее распространение. Ими оформляли одалживание денежной суммы под заклад (залог) земли. Такие грамоты обычно начинались формулой: *«Се яз (такой-то) занял есми у (такого-то) столько-то денег, а в тих деньгах заложил есми (описание объекта недвижимости)...»*. Заемщиками могли выступать представители феодалов, духовенства, крестьянства. Существенным условием сделки был срок, на который брались деньги взаймы. Как правило, этот срок привязывался к какому-нибудь религиозному празднику. Кроме того, обязательным было обозначение размера «роста» (процентов), способ их выплаты, права кредитора во время залога и последствия для сторон в случае нарушения срока выкупа должником своей земли: *«Се аз Евдоким Иванов сын Литвинова занял есми у Василья Васильевича Ржевского, у Григорья Ивашкина сына Шаблакина государей серебра три рубля денег московских ходячих августа от 25 числа до того ж дня на год. А за рост мне у государей и у Василья Васильевича служить на его дворе по все дни. А полягут деньги по сроку, и мне у государей, у Василья Васильевича, за рост по тому ж служить во дворе по все дни. А на то послух Безсон Иванов сын Козин. Кабалу писал Васька Степанов сын июля в 20 день лета 7108 (18) году»*¹.

Полюбовные разъезжие во многом напоминали так называемые раздельные, или дельные, грамоты, широко распространенные с XV века, и начинались формулой: *«Се яз (такой-то) да яз (такой-то) поделилися есмь (тем-то)»*. В них описывалось происхождение делимого имущества, т. е. от какого родственника и по какому основанию оно дошло до участников дележа: *«Се яз, игумен Деонисей Александровы пустыни Сверскаго, да яз, келарь Корнилей, да яз, казначей Герасим, да конюшей старец Пафнотей, да старец Герман, да старец*

¹ Закладная грамота 1603 г. из архива Иосифо-Волоколамского монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 4 / Рос. гос. арх. древ. актов; отв. ред. А. В. Антонов. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 22–32.

Ефрем, да старец Лаврентей и вся братья Александровы пустыни Сверскаго дали есмя на себя запись государевым крестьяном дворцовые волости Пиркинского погоста Кондушские волости старосте Заветному Максиму сыну, да волостным людям Василью Онанину, да Терентью Кузьмину, да Григорью Карпову, <...> и всем государевым крестьяном Пиркинского погоста в острову в Мандраском, что пожаловал нас государь царь и великий князь, дал мне, игумену з братьею, на паишу пустые земли в Пиркинском погосте и в Кондушах в девяносто осьмом году дватцать обеж со всеми угодыи...»¹.

Актами примирения сторон на этапе досудебного разрешения конфликта были мировые грамоты, которые начинались формулой «...били челом... и, договорясь, полюбовно... помирились». В тексте мировых грамот, как правило, дается описание сути и предмета конфликта. Мировые были довольно разнообразными, но все они обязательно содержали обозначение участников сделки и ее характера, повод к мировой сделке, содержание сделки, условия нерушимости мирового соглашения. Обязательным также было наличие свидетелей (послухов) сделки, писца: «...том вн... в 23 день били че[лом..., в Ерен]ском городке в съезжей избе подавали челобитную воеводе Ивану Ивановичу Чагину я, Еремка Козьмин, с товарищы на меня, Мишку Иванова, в сильном владенье, в земляной перепашке, и в сенных покосех, и в огородах в полевых в опчих, и в перелогах, и в закрайках. И в том я, Михайло, с ними договорясь полюбовно, сыскав в сердцах своих правду, помирился...»².

Духовные грамоты в XVII в. содержали в себе не столько распоряжения наследодателя по имуществу, сколько изложения его душевных желаний, отчего их нередко называли

¹ Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России: в 4 т. / сост. А. А. Федотов-Чеховский. Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1860. Т. 1. № 33. С. 34 а.

² Мировая запись о полюбовном разделе земли между крестьянами Чакульского погоста Михаилом Ивановым сыном Артемьевым и Еремеем Козьминым сыном Капустиным с товарищами от 23 июля 1669 г. (см.: Воскобойникова Н. П. Родовой архив крестьянской семьи... С. 384–406).

«душевные». Поскольку составлялись духовные грамоты от имени одного субъекта правоотношения, то их можно считать односторонними сделками. Хотя по существу они фиксировали отношения завещателя с целым рядом контрагентов. Как правило, в составе формуляра этих актов можно выделить несколько клаузул. Начинались духовные грамоты с посвящения Богу в словах *«Во имя отца и сына и святого духа, святые живоначальные Троицы. Се аз, Иван Ортемьев сын Божи́на, пишу себе сию духовную грамоту своим целым умом и разумом, отходя сего света, кому мне что дати и на ком что взяти»*¹.

В следующей клаузуле определялся наследодатель, указывался объект акта и распоряжения относительно наследственной массы по существу между сыновьями и другими родственниками: *«Дати мне Прокопью Онфимову сыну Задорина грош денег; дати мне по кабале Матфею Балушкину сыну три рубля; дати мне к Соле Вычегоцкой Семену Иванову сыну Коротково десять алтын безкабално; дати мне, Олексию Парфеньеву сыну, две гривны денег; дати мне по сыновне кабале покойново Григорья займу Матрене Леонтьеве дочери, а Еремиевской жене Мосиева рубль денег; дати мне безкабално старосте церковному Родиону Михайлову сыну за Николино за домовое за сено сорок алтын. А боле того на мне нет долгу кабалново и безкабалново. А что у меня, у Ивана, верхняя деревня батюшка моего бла[го]словление упокойново Ортемья Анисимова по правожной грамоте и по купчим грамотам, и пожни тое деревни, и двор и со всема хоромы и с мельницею, что на подкрежном истоке, и с подворными местами, да другая, нижняя деревня Матфиевская, и с пожнями по купчей грамоте, и двор, и со всема хоромы, без вывода и по деловой грамоте, что мне, Ивану, от племянников от Федора, и от Михаила, и от Тимофея Филипьевых дитей з делу досталось, и что в деловой и имянно говорит по старому полюбовному делу, и что яз, Иван, купил за Глубоким ручьем у Федора*

¹ Духовная крестьянина Чакульского погоста Ивана Артемьева сына Божи́на от 25 февраля 1621 г. // Воскобойникова Н. П. Родовой архив крестьянской семьи... С. 384–406.

Филиппева сына, у племянника своего. И яз, Иван, после своего живота тем всем, что в сей духовной имянно писано, по правожной грамоте и по купчим по коренным /л. 2/ путям обшима деревнями, и дворами, и подворными местами, и мелницею, и всем своим животом, и скотом, конми, и коровами, и телятами, и овцами благословляю дитей своих Ивана и Якова. Дати им и взяти и по душе моей править»¹.

Отдельно указывалось на определение выдела представителям женской половины семьи (дочерям, супруге и др.): «...А что у меня оставаются две Анны внуки, Григорьевы дочери менишево сына, и им тем моим внукам, дати из моего же живота наделка и матери их за приданое, сестре по четыре рубли, обшим восемь рублей денег московских ходячих за все про все. А до земель им, и до пожен, и до всего моего живота, и до скота тем моим внукам Аннам дела нет»².

Встречались в духовных грамотах и приказание отделить известную часть имущества в пользу церквей и монастырей и отпустить на свободу холопов, иногда с придачею им «сельца-купли» и др.: «...А пути коренные купчие и правожная грамота у Федора Филиппева сына Ортемьева, а иные коренные купчие у меня, у Ивана. А отцу моему духовному, Чакулския волости попу Василью, и на весь его крилос сорокоуста сорок алтын, да на церковно строенье, на свичи, и на фимьян, и на мед, и на вино восемь алтын две денги»³.

Удостоверительная часть грамоты носила обязательный характер: «Духовную писал Чакулския волости церковной дьячек Федотко Евстафьев сын Иконников. Лета 7129-го году февраля в 25 день. На обороте: Игумен Еремей сорокоуст взял и руку приложил. По сей духовной заплатил Яков Иванов Прокопью Анфимову четыре денги. На духовной подписал Пронка сам своею рукою, лета 7133-го году мая в 25 день. По сей духовной заплатил Яков Иванов церковному старосте Родиону Михайлову сыну Николиных денег, за сено за Николино, двадцать алтын денег московских. Платеж на

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

духовной подписал Гуляйко Дмитриев сын Титовых, лета 7130-го году мая в 20 день. Отец духовной у духовные седел поп Василей Яковлев, и руку приложил. Заплатил Яков Иванов досталь старосте церковному Суньке Жданову Николиных домовых досталь двадцать алтын»¹.

С духовными были тесно связаны деловые (дельные) грамоты, которые фиксировали раздел вотчины светского феодала между его наследниками. Однако в дельной грамоте раздел мог быть расписан более подробно, чем в духовной: «...з делу досталось две коровы, одна шерстью черна, а другая редра, да бык трех годов шерстью бел, да два телети, бычек да телушка, да четыре овцы, да баран. Да мне же, Ивану, от Якова досталось две лошади, два мерина шерстью одна сива, а другая коура. Да мне, Ивану, от Якова досталось изба в болишей деревне в верхней, и с нутром, и с кровлею, да против избы сарай, и с повытью, и з заплотинами, и с воротаы, да синница подле избу и с хлевом. А мне, Якову от Явана з делу досталось против тое избы полтора рубли денег, да синник против избы и с подклетом, да другой синник с перерубом и с хлевами, и с сараем, и с повытьми, и с кровлею и з заплотинами со всем без вывода с сиверную сторону; да и житница Якову же. А баня у нас вмисте...»².

Рядные/сговорные грамоты можно классифицировать по предмету, когда они касались или соглашений по имению, или брачных соглашений. Именно на такие виды эти грамоты разделял К. А. Неволин³. Первого вида грамоты близки к купчим, а особенностью вторых (брачных) было указание имен жениха и невесты и срока, к которому должна быть совершена свадьба. По мнению других исследователей,

¹ Духовная крестьянина Чакульского погоста Ивана Артемьева сына Божина от 25 февраля 1621 г. // *Воскобойникова Н. П.* Родовой архив крестьянской семьи... С. 384–406.

² Деловая братьев Ивана и Якова Ивановых детей Артемьевых на деревни Захаровскую и Матвеевские в Чакульском погосте от 29 апреля 1628 г. (см.: *Воскобойникова Н. П.* Родовой архив крестьянской семьи...).

³ *Неволин К. А.* Замечания на исследование пр. Срезневского «Рядная запись XIII века» // *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 6: Исследования о различных предметах законовещения. СПб., 1859. С. 565.

это слишком упрощенный подход к классификации рядных грамот. Например, М. Б. Свердлов считал, что этот вид грамот охватывал более широкий спектр сделок с имуществом: сделки раздела, выкупа, купли-продажи, обмена и др. Рядные грамоты сближает с мировыми имеющийся конфликт интересов и оформление «мирового соглашения»¹. Но подобное соглашение могло быть заключено как в досудебном порядке, так и в ходе уже судебного разбирательства.

Заемными грамотами оформлялись беспроцентные или процентные («ростовые») займы. Заемщик мог отработать проценты службой у кредитора: *«Се аз Евдоким Иванов сын Литвинова занял есми у Василья Васильевича Ржевского, у Григорья Ивашкина сына Шаблакина государей серебра три рубля денег московских ходячих августа от 25 числа до того ж дня на год. А за рост мне у государей и у Василья Васильевича служить на его дворе по все дни. А полягут деньги по сроку, и мне у государей, у Василья Васильевича, за рост по тому ж служить во дворе по все дни. А на то послух Безсон Иванов сын Козин. Кабалу писал Васька Степанов сын июля в 20 день лета 7124 года»*².

В рассматриваемый период получили широкое распространение сделки, объектами которых были холопы и крестьяне, а формами являлись полные докладные грамоты, служилые кабалы, порядные, ссудные грамоты, жилые записи и др.

Полная докладная грамота оформляла акт добровольной продажи себя в холопство (т. е. «в полницу») в присутствии кормленщика, послухов и покупателя. Суть данной сделки передавала фраза *«Се аз (такой-то) купил есмь (такого-то) в полницу себе и своим детем... на нем полтора рубли. А продал есми по своей воле без пристава...»*. Таким образом, докладными назывались полные грамоты о самопродаже людей «в полницу», совершенной с доклада наместнику.

¹ Свердлов М. Б. Древнерусский акт X–XIV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 8. Л., 1976. С. 61.

² Ельчанинова О. Ю., Оспенников Ю. В., Ютяева Л. Е. Источники русского права X–XVIII вв.: научно-методический практикум. Самара: АСГАРД, 2014. С. 287.

Этот вид грамот должен был содержать имя покупателя и продающегося в полное холопство, размер денежного вознаграждения за продажу в холопство, указание на то, что наместник взял плату за совершение этой сделки, имена послухов, в конечном протоколе имя писца и дату заключения сделки: *«А на то послуи Иван Ларионов, да Иван Лиховид Износков сын, да... Василеи Билзимеров, да Ондреи Ортемов сын, да Василеи Дураков. А грамоту писал дияк ямьской Василеи Халтура лета семь тысящиь втораго месяца маия 23»*¹.

Заклячая служилые кабальные грамоты, заемщики для отработки долга нанимались работать у кредитора. Кабала составлялась по определенному образцу. Ее оформлял писец по поручению заемщика с указанием имени, сословия и места жительства. Обязательно указывались срок возврата займа и проценты по нему. Могли оговариваться и другие условия, в частности оплата заемщиком судебных издержек в случае суда по кабале. На обороте служилой кабальной грамоты заемщик ставил подпись, удостоверяя свое согласие с условиями кабалы. Например: *«Се аз Евдоким Иванов сын Литвинова занял есми у Василья Васильевича Ржевского, у Григорья Ивашкина сына Шаблакина государей серебра три рубля денег московских ходячих августа от 25 числа до того ж дня на год. А за рост мне у государей и у Василья Васильевича служить на его дворе по все дни. А полягут деньги по сроку, и мне у государей, у Василья Васильевича, за рост по тому ж служить во дворе по все дни. А на то послух Безсон Иванов сын Козин... Кабалу писал Васька Степанов сын»*².

Оброчные грамоты оформляли отношения между феодалом и крестьянином, который получил от этого феодала землю для обработки. Этот вид сделок появился еще в конце XV в. Грамота начиналась формулой *«Се яз (такой-то) дал есми на оброк...»*. Далее описывалась земля и размер ренты,

¹ Валк С. Н. Грамоты полные // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 11–12.

² Акты феодального землевладения и хозяйства. С. 54–55.

которую должен был выплатить крестьянин феодалу с этой земли.

Порядная грамота оформляла вступление безземельных и обедневших крестьян в феодальную зависимость от землевладельца. Такие же грамоты составляли священнослужители (попы, дьяки). Порядчик был обязан освоить выделенный ему надел земли и нести повинности в пользу его хозяина. Формуляр грамоты содержал информацию о субъектах правоотношения, об участке земли, о сроках действия договора, об условиях эксплуатации участка, о видах и размерах повинностей и податей в пользу землевладельца, о видах и размерах повинностей в пользу государства, о размерах неустойки в случае нарушения условий сделки. Порядные записи могли составляться в двух экземплярах. Сначала оформлялась порядная от лица монастырского собора, затем крестьянский «противень» порядной:

«Се аз, Холмовского уезду Хвалитицкого стану села Буру, стольник Костянтин Устинович Ардин-Нащокин, в нынешнем [7]149-м году [дал сию запись] в том, что порядил я, Костянтин, за себя во крестьяне на изделья вольного человека Василья Иванова, сына Дворяшенкова, Белого Голуба. [И] впредь мне, Костянтину, ево, Василья, не называть старым своим крепосным крестьянином, ни помесным ни купленным, ни поступным, ни выменным, ни закладным, ни найденьшем своим ни вскормленником своим. Я, Костянтин, ему, Василью, подмоги не даывал ни денежной, ни хлебной, ни животиной, и ссудной и рядной памяти на него Василья не взял. Жить ему, Василью, за мною, Костянтином; быть ему, Василью мне Костянтину, во всем подручну и послушну, а мне, Костянтину, ево, Василья, [от] сторон оберегать, никому в обиду не давать. И перед своею братьсю изделья [и] иных наметов на меня, Василья, не прибавливать, и столового запасу с меня, Василья, ему Костянтину, не имать. Да мне, Костянтину, и жене моей, и детям моим, и внукам моим, и родственникам моим ево, Василья, и жену ево, и детей ево, и внучат ево, Васильевых, во крестьяне, ни в холопы, не крепить, ни на сени не брать, ни в приданые,

ни в даные ни в поступные, ни продавать, ни променивать, ни в заклад закладывать. А не похочет он, Василей, жить за мною, Костяннтином, или за женою моею, или за детям моим, или за внучатам моим, Костянтинковым, [и] он, Василей, жить не станет, или жена ево, или дети ево, или внучата ево, Васильевы. После живота моего Костяннтинова, жене моей, и детям моим, и внучатам моим, и родственником моим, Костянтинковым, за ним, Васильем, и за женою ево, и за детям ево, и за внучатам ево, Васильевым, не гонятица, ни сильно их не крепить и не кабалить, и в книги не записывать; ни которыми дела в них не вступатица. В том я, Костянтин Устинович Ардин-Нащокин, ему, Василью Иванову, сыну Дворяшенкову, Белому Голубу, и память дал, и рядную запись. А сия запись и впредь в запись. А подлинную писал запись никольский дьячек Матюшка Иванов по велению Костянтина Устиновича Ардина-Нащокина лета 7149-го году декабря в 8-й день. У подлинной памяти, порядной записи, николаевского попа Василья Иванова вместо Костянтина Устиновича Ардина-Нащокина по его веленью руку приложил»¹.

Вместе с порядной грамотой крестьянин должен был составлять документ, исходящий от него самого, – покладное письмо как гарантию его субъективных прав и принятых обязательств, которое можно было предъявить в случае отказа крестьянина от условий договора («ряда») или утраты «противня». Появление покладного письма как документа, устанавливающего факт заключения порядной и некоторые новые условия, касающиеся самого документа (например, не прятать порядную, в случае необходимости показать ее монастырю), отражало стремление феодалов фиксировать информацию о сделках как можно в большем числе документов, чтобы затем использовать их для удержания крестьянина в зависимости.

Ссудными грамотами оформлялась выдача денежной ссуды лицу, приступавшему к крестьянскому труду. Получив

¹ Текст воспроизведен по изданию: Гейман В. Г. О некоторых своеобразных юридических документах XVII в. // Исторический архив. 1962. № 3. С. 185–192.

ссуду, подрядчик должен был «жить... безвыходно», т. е. без отсрочек платить подати, нести повинности в пользу хозяина.

Эволюционировал и такой вид грамот, как поступные (от слова «поступиться», т. е. уступить). В них владелец беглых крестьян уступал их другому феодалу, у которого крестьяне жили «в бегах». Эти сделки оформлялись в купчих на крестьян:

«Се яз, Ерем Козмин сын Капустин, Чакулской волости, крестьянин, поступился есми Ивану Иванову сыну Хлызову свой пай в гумне и с половою, что мне, Еремию, от складников з делу досталось. А против тово я взял у него, Ивана, земли у Середнево ручья, от Ивановы полосы к своей полосе крюком. А то гумно у Ивана стоит за Водопойным ручьем на припашной земле. А впредь мне, Еремию, в то гуменное место у Ивана не вступатца. А мне, Ивану, тако ж де у Еремия, что поступился земли против гуменного места у Середнево ручья, не вступатца же. В том Еремий Ивану и поступную дал. Послух на то Андрий Петров сын Калинин. А поступную писал по Еремиеву велению Чакулский дьячек Микифорко Иванов. Лета 7175-го году мая в 27 день»¹.

В XVII в. стали оформляться отпускные грамоты, которые освобождали кабальных людей, холопов, крестьян от личной зависимости. Этот вид грамот наряду с купчими просуществовал вплоть до отмены крепостного права в 1861 г.

Распространение получили жилые записи, которые стали предтечей договора найма рабочей силы. В условиях крепостнических отношений наём носил полукабальный характер. В текст жилой записи включались, как правило, сведения о сумме денежной оплаты труда человека, дававшего на себя записать, и срок, в течение которого хозяин будет пользоваться его трудом. Кроме того, записывались обязательства нанимавшегося выполнять оговоренную в жилой записи работу, не приносить хозяину убытков. Самостоятельными пунктами условий были характер

¹ Ельчанинова О. Ю., Оспенников Ю. В., Ютяева Л. Е. Источники русского права... С. 293.

дополнительного вознаграждения труда, а также неустойка в случае неисполнения договора¹.

Акты имущественного найма также получают дальнейшее развитие. Разновидностью акта, закрепляющего договор аренды имущества, стали кортомные грамоты², в которых обязательно указывались имена арендатора и арендодателя, вид имущества и место его нахождения, размер и сроки внесения арендной платы, размер и вид неустойки в случае нарушения условий сделки, имена послухов, в конечном протоколе имя писца и дата заключения сделки:

«Се аз, Иван Васильев сын Христофоров... дал есми на себя сию запись Захару Патрикееву сыну Кваснику в том: взял я, Иван, у него, Захара, в кортому харчевую ево избу с нынешняго [7]187-го с Покрова Пресвятыя Богородицы да до Николина дни вешняго. А та ево Захарова изба на Вологде на площади на Афонасьевском рву в межах... А кортому рядя, я, Иван, ему, Захару, от той харчевой избы рубль денег, и те кортомные деньги платить мне ему, Захару, на два на сроки: на Рождество Христово заплатить полтину на первой збор, Великой пост – последние деньги заплатить полтину ж, а те оба сроки в нынешнем во [7]187-м году. А не стану я, Иван, в той своей харчевой избе сидеть, и не сядя тое избу чем опустошу, или тех кортомных денег на сроки не учну пла[ти]ть, или до сроку тое избу впусе покину, и на мне, Иване, взяти ему, Захару, по сей записе те кортомные деньги сполна и сделки...»³.

Подытоживая сказанное выше, отметим, что в рассмотренных видах актов вещи как гражданско-правовой институт становились предметом целого ряда правомочий,

¹ См.: Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: в 3 т. СПб: тип. Императорской академии наук, 1857. Т. 1. С. 361.

² Там же. С. 365.

³ Кортomная запись вологжанина Ивана Васильева сына Христофорова Захару Патрикееву сыну Кваснику на харчевню в г. Вологде // Старая Вологда, XII – начало XX в.: сб. док. и материалов / Упр. по делам арх. Вологод. обл., гос. арх. Вологод. обл.; [гл. ред. Ф. Я. Коновалов; отв. сост. Л. Н. Мясникова]. Вологда: Легия, 2004. С. 322.

отношений и обязательств; оформлялось понятие нерушимости договоров; расширялось применение договора личного и имущественного найма; детальной регламентации подвергся порядок возмещения ущерба, причиненного чужой собственности; дальнейшее развитие получило обязательственное право. В XVII в. при составлении разных видов частноправовых актов (грамот, записей) формальная сторона документа уже играла весьма важную роль. Сделки приобретали законную основу в силу их обязательного формализованного порядка заключения, немаловажное значение имела удостоверительная статья грамот, в которой перечислялись свидетели (послухи) сделки, писец, заверение печатью официальной инстанции.

Брак и формы его заключения в Московской Руси

В статье раскрыты социальные факторы, влиявшие на развитие института брака в Московской Руси XV–XVII вв., и процессы формирования источников брачного права (трансформация древних семейно-брачных обрядов в правовую обычай, узаконение решений органов церковной власти, опиравшейся на византийское брачное право, создание правовых норм светской власти, регулировавших отношения в сфере семьи и брака). Автор считает, что в этот период нормы позитивного права регулировали относительно небольшую часть отношений в сфере семьи и брака, а нормы обычного брачного права, включавшего в себя и свадебные ритуалы, под влиянием распространения христианства и рецепции византийского законодательства вытеснялись постепенно и довольно медленно.

Ключевые слова: история права, право Московской Руси, семья, брак, источники права, светское право, церковное право, семейное право.

Nadezhda St. Nizhnik

Institute of marriage in Middle Ages' Russian (Moscow) law

The paper reveals the social factors that influenced the development of the institution of marriage in Moscow Russia, 15th–17th, and the processes of the formation of sources of marriage law (the transformation of ancient family-marriage rites into a legal custom, the legalization of the ecclesiastical authority's decisions, which relied on Byzantine marriage law, the creation of family and marriage legal norms by secular power).

The author shows that during this period the legal norms regulated a small part of the family and marriage relations, and the norms of common marital law, which included wedding rituals, were displaced gradually and slowly under the Christianity influence and the reception of Byzantine legislation.

Нижник Надежда Степановна (Санкт-Петербург) – ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», начальник кафедры теории и истории государства и права; доктор юридических наук, профессор.

Nadezhda St. Nizhnik – St. Petersburg University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Theory and History of State and Law; Dr. (Law), Professor.

n.nishnik@bk.ru

© Н. С. Нижник, 2018

Keywords: history of law, the Russian (Moscow) law, family, marriage, sources of law, secular law, church law, marital law.

Русская семья в Московском государстве была сложным полифункциональным социальным организмом, основанным на родственных связях и хозяйственно-экономических отношениях. Супружеская пара, не имевшая детей или с малолетними и/или взрослыми, но еще не женившимися, сыновьями, составляла малую семью. Более сложную семейную организацию – неразделенную семью двух видов (отцовскую и братскую) – составляли родители с женатыми сыновьями¹.

Основную часть населения Московского государства составляли крестьяне (именно такое название закрепилось за сельскими жителями с XIV в.). Крестьянская семья в Московской Руси существовала во всех вышеуказанных формах: и как малая семья, состоявшая из двух поколений (родители – дети), и как неразделенная – отцовская, состоявшая из трех-четырех поколений (отец – сыновья – внуки; дед – отцы – сыновья – внуки), либо братская, состоявшая из нескольких нераздельно проживавших братьев со своими женами и детьми, либо семья, члены которой находились между собой в боковом родстве (дяди – племянники)². Неразделенная семья являлась родственным коллективом, который вел общее хозяйство, сообща реализовывал право собственности на семейный участок земли и общее хозяйственное имущество при личной уголовной и имущественной ответственности своих членов и свободе семейного выдела. Неразделенная семья существовала в период господства малой семьи и регенерировалась на ее основе в разных видах: родители – женатые дети – внуки; женатые братья – дети – племянники; дяди – племянники³.

¹ Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 88–89.

² Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. / отв. ред. В. А. Александров. М., 1981. С. 49.

³ Свердлов М. Б. Семья и община в Древней Руси // История СССР. С. 105.

В условиях освоения северных земель, отличавшихся суровой природой и ограниченными возможностями ведения хозяйства, формировались семьи-союзы (семьи-дворы, складнические семьи), в составе которых также сосуществовали семьи разного типа¹. Скорее всего, именно о такой семье писал Н. И. Костомаров, сообщавший, что крестьяне в XVI–XVII вв. жили большими семьями, которые состояли из детей, братьев и племянников во главе с хозяином. Большая семья делилась на две, три или четыре семьи с общим достоянием (не в разделе). Часто хозяйская семья жила вместе с несколькими неродственными семьями работников или подсоседников, которые не имели своего угла, жили по найму и в юридическом отношении составляли вместе с хозяйской семьей одну единицу². Каждый из членов семьи занимал строго определенную экономическую ячейку, обеспечивая тем самым условия для выживания всей семьи и самого индивида³.

Семья как социальная группа на всех этапах российской государственности основывалась на фактах заключения брака, родства. Именно из брака возникал супружеский союз, предполагавший затем определенные юридические – личные и имущественные – отношения между мужем и женой, между родителями и детьми; при том, что во внутрисемейных отношениях право главенствующей роли в системе регуляторов семейных отношений не имело.

Брачные и семейные отношения в Московском государстве имели не только частный, но и общественный характер: участие в крестьянской свадьбе принимали почти все односельчане; девственность невесты удостоверялась публично; раздел имущества, неподчинение детей родителям и важные семейные конфликты разбирались на общинных сходах;

¹ На путях из Земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. / отв. ред. В. А. Александров. М., 1989. С. 179.

² Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 49.

³ См.: Носкова А. В. Эволюция социального института семьи в России в IX–XVII вв.: историко-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001. С. 23.

в последний путь провожали коллективно. Публичность межличностных отношений закреплялась в нормах светского и обычного права, в положениях, освященных Церковью, которая играла важную роль в регулировании брачно-семейных отношений в Московской Руси¹.

Структура индивидуальной семьи и ее внутренняя организация, статус мужчины и женщины в семье в это время подвергались активному воздействию христианской веры и в значительной степени регулировались нормами христианской морали, однако в XVI–XVII вв. «русский народ, если и потерял старые формы язычества, но сохранил его дух в самих христианских верованиях»². Не случайно Стоглав 1551 г., отражая позицию Церкви, зафиксировал критику народных праздничных обычаев и обычно-правовых отношений в брачно-семейной сфере. Нормы обычного права, связанные с регулированием брачно-семейных отношений, продолжали действовать, хотя постепенно уступали свои позиции новой концепции брачного союза.

На семейную жизнь в XV–XVII вв. серьезный отпечаток накладывало формирование единого централизованного многонационального самодержавного государства. Языческо-православная нравственная основа брачно-семейных отношений в России сочеталась с патриархальным характером семьи³, сохранявшей отдельные элементы семейной общины и напоминавшей маленькое государство.

Нормы, регулировавшие семейно-брачные отношения в XV–XVII вв., отражали сложившуюся практику и представляли собой сочетание заимствованных из Византии христианских установлений и норм обычного права. Содержательная специфика этих норм находила отражение, прежде всего, в представлениях о брачном союзе, определении пределов

¹ О специфике семейно-брачных отношений в Московском государстве см.: *Нижник Н. С.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 15–110.

² *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. С. 183.

³ См.: *Носкова А. В.* Эволюция социального института семьи... С. 23.

брачного возраста и режима имущества супругов. Брак, который, согласно учению Церкви, должен был носить характер таинства, на Руси сохранял множество договорных элементов: личные отношения супругов определялись «не законом, а частным соглашением»¹; имело место смешение норм семейного права с нормами договорного права, проявлявшееся в широком использовании терминов «семья», «стачка», «заговор», «артель», «сваты» для регулирования и семейно-брачных, и гражданско-правовых отношений².

Важнейшей составляющей русской ментальности в московский период было *отношение к браку и безбрачию*³. Брак рассматривался как важное условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса, а вступление в брак – как моральный долг⁴. Неженатый крестьянский парень в деревне всерьез не воспринимался. Он «малый», находившийся в полном подчинении старших, не имевший голоса в семье. Холостяки вызывали подозрительное отношение окружающих, открыто выражавших свои догадки о физическом уродстве неженатых как причине их внебрачного состояния⁵ и называвших холостяков, по аналогии со старыми девами-вековушами, засиделыми, обойденными невестами парнями, забывшими страх Божий и наставления родителей.

¹ Синайский В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910. С. 47.

² См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 1995. С. 402.

³ Лещенко В. Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб., 2004. С. 164.

⁴ О таких чертах общественного сознания в имперской России писал А. П. Звонков (Звонков А. П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина. Вып. 1. М., 1889. С. 87). Однако, судя по свидетельствам разнообразных источников, эти характеристики были свойственны общественным отношениям и в Московской Руси.

⁵ Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997. С. 13.

«Не женат – не человек. Холостой – полчеловека» – закрепила оценку холостяцкого состояния русская пословица¹. Только после брака «малый» становился настоящим «мужиком» – приобретал права и обязанности полноценного члена семьи и общины. Неоднозначно оценивалась самостоятельность и незамужней женщины («Птица крыльями сильна, жена мужем красна»). Пословица «Жизнь без мужа – поганая лужа» объясняла поведение женщины и ее родственников, предпочитавших девичеству самую плохую партию замужества.

Взгляды крестьян на брак в значительной мере определялись экономическими и правовыми условиями их жизни². Крестьянское хозяйство, предполагающее половозрастное разделение труда, могло нормально существовать лишь при наличии в нем и женских, и мужских рук. Мужчина не должен был делать женской работы, а женщина – мужской: воспитание детей, приготовление пищи, уход за скотиной, бытовое обслуживание семьи считались женскими делами; полевые работы (за исключением жатвы), заготовка дров, уход за постройками лежали на мужских плечах. Только вместе крестьянин и крестьянка могли вести полноценное хозяйство, способное удовлетворять потребности семьи³.

Понимание крестьянами брака как морального долга также обуславливалось их религиозными воззрениями. «Отношения полов, – учила Церковь, – святы и чисты только в таинстве брака... Те, кто волею Божьей принимают решение никогда не вступать в брак, должны воздерживаться от всяких интимных отношений, потому что это было бы изменой Богу... Бог сотворил мужчину и женщину, чтобы они в браке соединили свои жизни как „плоть едина“»⁴.

Брак по страсти богоугодным делом не рассматривался. Он содержал в себе, согласно религиозным представлениям,

¹ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 360.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 161–162.

³ Там же. С. 162.

⁴ Хопко Ф. Основы православия. Вильнюс, 1991. С. 313–314.

что-то греховное, ибо цель брака состояла не в получении плотских радостей, а в устройстве семьи, рождении и воспитании детей¹. Страсти греховны и мешают устройству совместной жизни мужчины и женщины на правильных основаниях, т. е. таким образом, чтобы брак, по словам Иоанна Златоуста, превратил дом в «малую церковь», где Божья благодать существует для спасения и жизни человека, где не страсть, а необходимость оправдывает и одновременно облагораживает брак.

Экономическая и моральная необходимость заставляла крестьян жениться при первом благоприятном случае. При этом в рукописном сборнике «Измарагд» XIV в., получившем широкое распространение в XVI–XVII вв. и содержащем поучения на темы христианской морали для домашнего и монастырского чтения, говорилось, что если женится кто-либо и выйдет замуж, то это – не грех. А не женятся – «Христа ради», «то ни осуди, ни укори», т. к. «каждо во своем чину просияет заповеди Господня сохранение»². Такой подход свидетельствует о неоднозначной оценке безбрачия и «подтверждает неправомочность и необоснованность высказываний некоторых исследователей о ненависти к небрачному состоянию в народно-православной среде»³.

Состояние замужества/женитьбы нашло разнообразное отражение в общественном сознании. Два этапа в жизни женщины – девство и замужество – четко разделялись. Замужество в русской литературе рассматривается как необходимость и одновременно как обеспечение защищенности в будущем. Паремии (притчи для богослужебного и домашнего чтения), использующие метаморфозы жизни и смерти, свидетельствуют о понимании свадьбы для невесты как «синонима феномена смерти и последующего воскресения»⁴. Восприятие брака и безбрачия в назидательной литературе

¹ Там же. С. 323; Миронов Б. Н. Социальная история России... С. 163.

² Цит. по: Лещенко В. Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). С. 164.

³ Там же.

⁴ Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. С. 115–116.

и обыденном сознании могли противостоять друг другу, но они не находились в состоянии взаимоисключения. Для русского книжника брак – это терпимое зло; для мирянина, наоборот, терпимым злом было безбрачие.

Большое значение при заключении брака имели материальные расчеты. Этот факт позволил исследователям рассматривать брак как хозяйственную сделку и отрицать значение взаимной склонности, эмоций и наличия нематериальных соображений у жениха и невесты при создании семьи¹. Однако абсолютизировать материальную сторону заключения брака не следует. Конечно, браки устраивались родителями, которые принимали во внимание прежде всего статус и престиж семей новобрачных, затем – личные качества невесты и жениха и в последнюю очередь – их взаимные склонности. Но по русскому обычаю новобрачные не устраивали отдельного самостоятельного хозяйства, новая семья становилась частью уже существующей семьи отца жениха, в его дом переходила невеста на жительство. Вряд ли правильно считать исключительно меркантильным желание родителей жениха иметь в доме работающую, здоровую, скромную, с покладистым характером, красивую женщину из хорошей семьи, так же как и желание родителей невесты отдать дочь замуж за трудолюбивого, здорового мужчину из хорошего рода, с честным именем. Этот расчет, помимо экономических, включал в себя и психологические, и эстетические, и престижные соображения², поэтому есть основания не рассматривать брак только лишь как хозяйственную сделку.

Брачный союз был важнейшим звеном в общей структуре брачно-семейных отношений. **Институт брака** являлся основой семьи. В традиционном сознании и поведении жителей Московского государства XV–XVII вв. имели место

¹ См., например: *Семевский В. И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устои. 1882. № 2. С. 72; *Богаевский П. М.* Заметки о юридическом быте крестьян // Сборник сведений для изучения быта... С. 12.

² *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. СПб., 1879. С. 27–29; *Мионов Б. Н.* Социальная история России... С. 162–163.

поведенческие стереотипы и обрядовые нормы, касающиеся процесса становления новой семьи.

С момента Крещения на Руси стал распространяться *церковный брак* (и *венчальная форма* его заключения). Он приживался относительно медленно, трансформируясь под влиянием местных условий и традиций.

Оценку брачного состояния содержит «Слово святых отец о женитъбе и о любодееanii...» рукописного «Сборника слов и поучений» конца XVI – начала XVII в.: «...честен брак ложе несквернено угодно господеви. а любодеем и прелюбодеем судит Бог... велит блудным жеиитися, а не посягати ни блудити. жена бо законом совокуплена детеи ради дана есть а блуда и незаконно люте, с неверными осудитсѧ.

⟨...⟩ Аще оженитсѧ отрок, несть согрешил. аще девица замуж поидет несть ей греха, женитва бо законная во царство небесное вводит. а незаконное блужение во ад сводит. аще кто крепок есть и девъствовати хошет, таковыи бо должен есть и мысли с телом удержати. ⟨...⟩ аще ли кто мыслями распалаем то лутче таковому женитисѧ. аще кто до женитвы блуд творит лют суд будет тому. такоже люто есть от своих жен со инеми блуд творити ⟨...⟩ и того ради повелено есть всякому своя жена имети. а женам своего мужа, мужи любите свои жены, а жены покараитесѧ своим мужем и останемсѧ злых дел покаянiем крепким... ⟨...⟩ ...яко рече Иван Богослов глаголя, приидет с небеси серп парѧщ на землю на грешники и зле погубит их. а во оном веце душа их в муку предаии будут, и тогда како имате пред Богом отвещатн. аще во блуде живете незаконно лета своя. о вернии любимицы останемсѧ блужения и убоимсѧ страшнаго будущаго суди и очистимсѧ истинным покаянiем и постом и милостынею и любовию и смирением и братолюбием, да спасемсѧ о Христе...»¹.

В. Ю. Лещенко, анализируя высказывания русского книжника, выделил основные идеи этой модели брачного состояния: 1) Бог одобряет только законный брак и осуждает

¹ Сборник слов и поучений. Рукопись конца XVI – начала XVII в. (Из библиотеки Антониево-Сийского монастыря) // Рукописный отдел Библиотеки Академии наук. Архангельск. Д. 178. Л. 108–110об.

любодеев и прелюбодеев; 2) блудникам следует жениться, а не посягать на чужих жен; 3) жена дана для рождения детей, а не для чувственного блуда; 4) законная женитьба открывает путь в царство небесное, а незаконный блуд ведет в ад; 5) спасение от блуда и распадения плоти находится в женитьбе; 6) блудников неотвратимо ждет Страшный суд¹. Такая модель брачного состояния становится ведущей и господствующей в массовом сознании Московской Руси XV–XVII вв.

Несмотря на признание Церковью единственной формой заключения брака венчание, в XV–XVII вв. наряду с венчальными продолжали существовать *браки, созданные на основе обычно-правовой обрядности*.

Браки, заключенные без участия церкви («без благословенна поповска понялися»), как хорошо известное явление осуждал митрополит Фотий в «Послании о соблюдении церковных законоположений в Новгород» (29 августа 1410 г.). Он предписывал применять к виновным трехлетнюю епитимью как к блудникам и принуждать их к церковному венчанию («с благословением поиматись с женами»). А если они не захотят, то разлучить их насильно, не принимать от них в Церковь приношений и не давать им причастия².

В совершении незаконных браков обвинял мирян митрополит Симон, отмечавший в своем послании (1501 г.), что нормой должна быть жизнь, в которой «женитв бы беззаконных не творили»³.

¹ Лещенко В. Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). С. 154–155.

² См.: Послание митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 4: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. № 33. Стб. 275; Послание митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссией. Т. 1. СПб., 1836. С. 461.

³ Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. 1. СПб., 1841. С. 167.

Новгородский архиепископ Макарий, направляя 25 марта 1534 г. грамоту в Вотскую пятину, сетовал на то, что в Чюди, Ижоре, Вошках, в Ореховском, Корельском и многих других уездах и погостах прихожане, оставив своих жен, живут «законопреступно с жонками и с девками» без венчания, а их жены также без венчания и молитвы живут с мужчинами. Так же ведут себя и неженатые, и овдовевшие обоих полов. Макарий был убежден, что их нужно было заставить оформить брак по церковным нормам, получив предварительное благословение духовника. Виновных следовало принудить к покаянию, а нераскаянных – «извергать из лона церкви». Священнослужители, покрывавшие грешников, также подлежали «извержению»¹. Не допускать браков без венчания ни богатому, ни убогому, ни бедному, ни нищему, ни рабу предписывали заповеди в «Измарагде», убеждая жителей Московского государства, что без венчания женитьба незаконна, неблагословенна и нечестна².

Однако трансформации в общественной жизни происходили медленно, требования архиепископа Макария исполнялись неспешно. Феодосий, став новгородским архиепископом, 8 июня 1548 г. направил в Вотскую пятину новую грамоту. Упомянув о посылке его предшественником Макарием своих людей во главе со священником Ильей³ для наставления населения на стезю православия,

¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической экспедицией Академии наук. Т. 1. СПб., 1846. С. 29–30.

² Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893. С. 147.

³ Архиепископ Макарий, обвинив игуменов и священников в том, что они не пекутся о своих духовных детях, послал им в помощь священника Илью и детей боярских Васюка Палицына и Ивашку Ошманаева, которым приказал разорять и истреблять языческие мольбища, а крестьян наказывать и учить православной вере. Паству следовало наставлять, чтобы она приходила на покаяние к отцам духовным и принимала покаяние «почасту». Духовных детей следовало учить телесной чистоте, постам и молитвам. Детей приносили бы крестить, а свадьбы венчали в церквах на погостах. Непослушных надлежало ловить и наказывать (Дополнения к актам историческим... С. 27–29).

архиепископ констатировал, что за прошедшие годы общая ситуация не изменилась: среди местных жителей широкое распространение получили *пробные браки*, когда совместная жизнь мужчины и женщины продолжалась от недели до полугода, а потом, если девка или вдова полюбится мирянину, то он венчается с ней или со вдовой принимает молитву. Если же сожительница не слюбится, то мирянин отправляет ее от себя и берет новую¹. Для устранения подобных проблем архиепископ Феодосий направил на место священника Никифора, а с ним детей боярских Федчу Прокофьева сына и Семку Мартьянова, которым предписывалось всех нарушителей брачных и иных норм ловить и отправлять в Великий Новгород².

О распространённости браков без церковного венчания свидетельствовали и грамота патриарха Филарета, направленная 11 февраля 1622 г. сибирскому и тобольскому архиепископу Киприану, и рассказы о жизни казаков в XV–XVII вв. На Дону у казаков браки заключались путем объявления мужчиной и женщиной о своем намерении создать семью перед народом на майдане. Жених и невеста приходили вместе в круг, молились и кланялись на все четыре стороны. Жених называл невесту по имени и говорил: «Ты будь мне жена!» Невеста кланялась ему в ноги и говорила: «Будь мне муж!» Затем они целовали друг друга и принимали поздравления от собравшихся. Для подтверждения брака не требовалось

¹ Архиепископ Феодосий сожалел о нерадении духовных пастырей: «...многие деи люди от жен своих живут законопреступно со иными жонками и с девками, также деи жены их распустився с ними живут со иными без венчанья и без молитвы, а иные деи христиане емлют к себе девки и вдовы да держат деи их у себя недель пять или шесть и десять и до полугоду, и живут деи с ними безстыдно в блудных делех, да буде им которая девка или вдова по любви, и они деи с теми венчаются и молитвы емлют, а будет не по любви, и они деи отправляют их от себя, да инде емлют девки и вдовы и живут с ними теми-же незаконными делы...» (Дополнения к актам историческим... С. 58. См. также: *Ступин М.* История телесных наказаний в России от Судебников до настоящего времени. Владикавказ, 1887. С. 11).

² Дополнения к актам историческим... С. 58–59.

никаких других обрядов. Только в случае женитьбы на разведенной женщине новый муж во время нахождения на майдане прикрывал ее полой своего платья¹.

Браки без церковного венчания не были редкостью и на Камчатке, где для обозначения брака до совершения обряда венчания и после него даже была выработана специальная терминология (например, жены до участия в обряде венчания назывались держимыми женами)².

На необходимость преследования дохристианских брачных обычаев обращал внимание игумен Елизарова монастыря Панфила. В своем послании псковскому наместнику (1505 г.) он составил описание купальских праздников, к которым христианская церковь приурочила праздник Иоанна Предтечи. По словам игумена Панфила, «во святую ту ночь, мало не весь град взматется и възбесится, бубны и сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием, и того ради двинется и всяка въстанет неприязненная угодна яко в поругание и в бесчестие Рождеству Предтечеву, и в посмех и в поругание и в коризну дни его; вступит бо град сей и възгремит в нем людие си беззаконием и погибелью лютою, злым прелщением пред богом, стучат бубны и глас сопелий и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание и главам их накивание, устам их неприязнен клич и вопль, всескверненные песни, бесовская угодия свершахуся, и хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание, ту же есть мужем и отроком великое прелщение и падеине, но яко на женское и на девическое шатание блудно и възренье, тако же и женам мужатым незаконное осквернение, тоже и девам растление»³.

¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822. С. 245–246; Корнилович А. Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год. СПб., 1824. С. 200–201; Харузин М. Н. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885. С. 74.

² Лещенко В. Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). С. 216.

³ Дополнения к актам историческим... № 22. С. 18.

Попытки Церкви искоренить брачные обычно-правовые нормы продолжались не только в XV–XVII вв., но и в более позднее время. Половую жизнь вне освященного ею брака и внебрачные связи Церковь стремилась пресекать, утверждая единственной формой совершения брака церковное венчание.

В Московской Руси **церковное венчание** постепенно превращалось в **единственную форму заключения брака**. Исключение составляли лишь повторные браки, когда венчание заменялось простым благословением. Отступлений от основных правил совершения брака в Московском государстве не существовало, т. к. смешанные браки православных с лицами других исповеданий не допускались.

Процедуру подготовки и само венчание обязан был провести священник того прихода, в котором жили жених и невеста. Если они жили в разных приходах, то венчание можно было произвести по выбору в одном из двух. Если бракосочетание в своем приходе по каким-то серьезным причинам было невозможным, оно могло состояться в другом месте, но только при наличии письменного разрешения на брак приходских священников жениха и невесты¹. Ответственность за венчание прихожан не из своего прихода возлагалась на того священника, который совершал обряд².

Венчание могло производиться только священником, обозначенным в венечной записи, в присутствии не менее чем двух свидетелей.

Полного описания церковного венчания дошедшие до нас источники московского периода не содержат. В соответствующих «уставах» и «чинах» требников XV в. можно найти лишь краткое перечисление молитв и церковных обрядовых действий. Большинство описаний свадебного ритуала было составлено не ранее XVI в. Но ряд обрядов оставался

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 7. СПб., 1890. № 2509.

² Цатурова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 26.

практически неизменным на протяжении столетий. Не случайно автор записи о свадебной церемонии бракосочетания Василия Ивановича с Еленой Глинской в 1526 г. подчеркнул, что все свершалось «как велось исстари, при князе великом Симеоне Ивановиче» в XIV в.¹

Венчание проходило только в церкви, прилюдно; тайное венчание было запрещено².

В ходе венчания жених становился по правую руку священника, невеста – по левую, оба получали «по единой свещи горящей». После надевания «перстней» (золотого – мужчине женщиной, железного – женщине мужчиной³) новобрачные «сплетали десныя руки». Священник кадил на них «фимиам» и молился «велми гласно», обратившись на восток, благословлял брак, «жизнь мирну и долголетну», желал «имети чада и внучата, наполнения дому благодатью и красотою»⁴.

Венчание сопровождалось молитвословием. Это условие соблюдалось вне зависимости от того, сколько браков было назначено для венчания в этот день в этой церкви. При заключении повторных браков – второго и третьего – обряд венчания был несколько иным, чем у вступающих в брак впервые: в таких случаях произносилась особая молитва⁵, а при молитвословии для создающих семью в третий раз не упоминалось

¹ Сахаров И. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. Ч. III, кн. 2: Дополнения: Русские свадебные записи. СПб., 1837. С. 120.

² Кормчая книга. М., 1885. Л. 411об.

³ «Посемъ возьмь перстень златый и дасть мужеву а железный невесте и потомъ паки именитася сама онъ железный возьмь а она златый и иемъ поне за десную руку оною и оная держащеся исходита» (Чин венчания и обручения // [Горчаков М.] О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги. Исследование по истории русского церковного права профессора, свящ. М. Горчакова. СПб., 1880. Дополнения. № III. С. 6).

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 27.

⁵ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 174.

слово «брак». Кроме того, при повторном браке назначалась двухгодичная епитимья, а при третьем – пятилетняя¹.

Для совершения венчания требовался особый указ от архиерея на имя того священника, который должен был венчать брак. Этот документ носил название *венечная память*, или венечные знамена, и выдавался на определенное, конкретное венчание² после того, как свадьба была уже намечена. Скорее всего, время возникновения венечной памяти – начало XVI в. Первое известное упоминание о ней находится в жалованной несудимой грамоте, данной Василием III Чухломскому Покровскому монастырю 31 октября 1518 г.³ Хотя возможно, что венечная память существовала и ранее: Стоглав упоминает о ней со времен Ивана III⁴.

В венечную память записывали имена жениха и невесты, требование к священнику провести обыск (опрос, расследование относительно правомерности заключения брака. – *Ред.*)⁵. Приходской священник должен был составить подробный отчет о результатах проведенного обыска.

¹ Стоглав / изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863. Гл. 19, 23.

² Перов И. Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII веках (историко-канонический очерк). Рязань, 1882. С. 26.

³ Акты исторические, собранные в библиотеках... Т. 1. № 125; Акты, собранные в библиотеках... Т. 1. № 195.

⁴ Стоглав. Гл. 46. С. 160–161; Гл. 48. С. 164.

⁵ Например, по указу Рязанского и Муромского архиепископа Илариона в 1662 г. поповским старостой была выдана такая венечная память приходскому священнику: «Крестьянин Степан Федоров понимает в деревне Мардасовой... крестьянку Феклу Иванову, и тебе б про них сыскать, чтоб они были ни в роду, ни в племяне, ни в кумовстве, ни в свойстве, ни в крестном братстве, ни вторым браком, ни от живой бы жены, и, обыскав бы, венчать». «Отрок Иродион Федоров сын села Иванова государев крестьянин понимает девицу Ефимию Афонасьеву дочь села Апушки, – было записано в венечной памяти Дмитриевскому попу Федору в 1677 г., – и тебе б про них обыскать, чтоб ни в роду, ни в племяне, ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в крестном братстве, ни в каком пороке, и, обыскав, венчать» (Перов И. Епархиальные учреждения в русской церкви... С. 205).

За выдачу вечной памяти жениху и невесте взималась денежная пошлина – вечный сбор или *вечная пошлина*¹. Вечная пошлина была дифференцированной². Ее размер зависел от того, в какой по счету брак вступали жених и невеста – он возрастал пропорционально порядковому номеру брака: «с первоженца алтынъ, а с двоеженца два алтына...»³. Стоглав, ссылаясь на законодательные акты Василия III и Ивана III, закрепил размеры вечной пошлины: с тех, кто вступал в брак впервые, брался алтын, те, кто женился и выходил замуж во второй раз, платили по два алтына, с тех, кто заключал брак в третий раз, взимали четыре алтына⁴. Однако сказать, что это установление безоговорочно соблюдалось, нельзя: в разных епархиях размер вечной пошлины отличался⁵ и во многом зависел от колебания цен на рынке. Деньги, собранные за выдачу вечных памятей, являлись доходом церкви и шли на содержание архиерейских домов⁶.

Вечные памяти выдавались или архиереями, или доверенными от них лицами – управляющими духовными делами, поповскими старостами и другими должностными лицами. Непосредственно сбором занимались священники из числа «старост поповских» и десятских. Рядовые священники должны были без утайки сообщать о числе совершенных браков и полученных с них вечных пошлин. Как устанавливал Стоглав, уличенный в обмане священник должен был заплатить в церковную казну крупный штраф, составлявший два рубля, четыре алтына и полторы деньги⁷.

¹ Перов И. Епархиальные учреждения в русской церкви... С. 206.

² См.: Крыжановский [П. С.] Вечные памяти и пошлины. [СПб.,] 1859.

³ [Розанов Н. П.] История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821). Сочинение Николая Розанова. Ч. 1. М., 1869. С. 109.

⁴ Акты исторические, собранные в библиотеках... Т. 1. № 125; Акты, собранные в библиотеках... Т. 1. № 195.

⁵ Стоглав. Гл. 46. С. 160.

⁶ Перов И. Епархиальные учреждения в русской церкви... С. 93.

⁷ Стоглав. Гл. 69. С. 214.

⁷ Стоглав. Гл. 34. С. 145–146.

Духовенство принимало решительные меры по предотвращению браков без венчания, а следовательно, без венечных пошлин. Патриарх Филарет в грамоте 1622 г. к сибирскому архиепископу Киприану требовал от него запретить черному и белому духовенству венчать «без знамен не по хрестьянскому закону»¹. Эта проблема сохранится еще долгое время. Сожаление о том, что священники не вносят установленных венечных пошлин, будут высказывать и патриарх Никон в своей грамоте костромскому воеводе в 1657 г.², и архиепископ Вологодский и Белозерский Маркел в грамоте протопопу Авраамии от 10 мая 1658 г.³ Архиепископ Вологодский и Белозерский Маркел требовал собирать и ведать архиепископской венечной пошлиной с приходских церквей. При этом венечные пошлины были тем больше, чем предосудительнее, с точки зрения церкви, был брак. Архиепископ приказывал брать «с первого браку с отрока и с отроковицы по пяти алтын и по две денги, а со второго браку со вдовца и со вдовы против того вдвое, по десяти алтын и по четыре денги, с третьего браку со вдовца и со вдовы против того втрое, 16 алтын...»⁴. Он предписал также вести во всех приходах розыск крестьян, которые «живут не по правилам святых Апостол и святых отец, а держат у себя наложницы без молитвы...» (живут в гражданском браке без венчания), и требовал доносить о них в Вологду⁵.

Подробная регламентация денежных сборов в виде венечных памятей, неусыпный контроль за их соблюдением свидетельствуют о том, что церковная регистрация брака в течение столетий являлась одним из твердых источников денежных доходов Русской православной церкви⁶ вплоть до отмены

¹ Собрание государственных грамот... С. 246.

² Акты исторические, собранные в библиотеках... Т. 4. СПб., 1842. № 107. С. 249–250.

³ Акты, собранные в библиотеках... Т. 4. СПб., 1836. № 105. С. 145.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Леценко В. Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). С. 191.

венечных памятей и пошлин указом Екатерины II от 20 июня 1765 г.¹

Несмотря на усилия Церкви закрепить в правосознании своих «сынов» и «дщерей» представление о заключении брачных уз как об акте исключительно религиозном, сама церемония заключения брака, бытовавшая в Московской Руси, показывала, что население продолжало относиться к браку как к гражданскому акту, лишь освящаемому церковным благословением. Об этом говорят такие важные детали предсвадебной церемонии, как брачный сговор (ряд, гражданский договор), свадебное пиршество и др.

Таким образом, процесс институционализации русского семейного права в Московской Руси XV–XVII вв. шел через трансформацию древних семейно-брачных обрядов в правовой обычай, через узаконение решений органов церковной власти, опиравшейся в своих действиях на византийское брачное право, и создание правовых норм светской власти, регулировавших отношения в сфере семьи и брака. После Крещения Руси и присвоения Церковью монопольного права утверждения брака начали складываться нормы брачного права, включавшего в себя и свадебные ритуалы. Христианство распространялось на Руси постепенно, нормы обычного семейного права византийским законодательством вытеснялись медленно. Правовые нормы регулировали относительно небольшую часть отношений в сфере семьи и брака.

В нормативном регулировании семейных отношений церковное право определяло «вечные» идеи брака, обычное право – правовые действия (обряды, соглашения) при заключении и расторжении брака, светское право – принципы и правила реализации идей в обыденном поведении людей². Развитие семейного права определялось тем, как разрешались

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. [Собр. 1-е]. Т. 17. № 12433. С. 189–190.

² См.: Левшин Э. М. Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.

основные правовые противоречия: между традиционными воззрениями на брак и необходимостью учитывать христианские нормы, между каноническими нормами и светским законом, между буквой закона и судебной практикой; между обычным брачным правом и светским законодательством.

Именно в период Московской Руси малая семья – союз супругов, родителей и детей – стала самостоятельным субъектом социальных и правовых отношений, а также объектом правового воздействия со стороны государства и Церкви. Регулируемые нормами светского права отношения в семье должны были обеспечить стабильные условия воспроизводства как общества, так и государственной власти.

Формирование системы кредитных отношений в Московской Руси (XV–XVII вв.)

Статья посвящена историко-экономическому анализу эволюции кредита и кредитных отношений в Московском государстве XIV–XVII вв. Автор исследует основные аспекты этого процесса (развитие практики коммерческого кредитования, виды ссудных сделок, ограничение ростовщичества, закрепление правил кредитования в нормативных правовых и правоприменительных актах) и приходит к выводу о том, что в этот период в государстве началось юридическое оформление системы кредитных отношений.

Ключевые слова: рост, заем, ссуда, кабала, торговля, коммерческий кредит, кредитные сделки, монастырские кредиты, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное Уложение 1649 г., ростовщичество, ограничение процента.

Alexander VI. Kanaev

The formation of the credit relations system in Moscow state (15th–17th centuries)

The article is devoted to the historical and economic analysis of the evolution of credit institute and credit relations in the Moscow state of the 14th–17th centuries. The author explores the main aspects of this process: the development of commercial credit practices, types of loan transactions, the restriction of usury, the consolidation of lending rules in regulatory legal and law enforcement acts. It's shown that the state legal framework of the credit relations system began in this period.

Keywords: interest, loan, credit, debt bondage, trade, commercial credit, loan transactions, monastery loans, Sudebnik 1497, Sudebnik 1550, Sobornoe Ulozhenie (Council code) of 1649, usury, interest restriction.

Александр Владимирович Канаев (Санкт-Петербург) – ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра теории кредита и финансового менеджмента, профессор; доктор экономических наук, доцент.

Alexandr VI. Kanaev – St. Petersburg State University, Department of Credit Theory and Financial Management, Professor; Dr. (Economics), Associate Professor.

av_kanaev@mail.ru
© А. В. Канаев, 2018

И мы заплакавъ да розошлися кои
куды: у кого что есть на Руси, и тот пошеть
на Русь; а кой должень, а тот пошеть куды
его очи понесли...

*Хождение за три моря
Афанасия Никитина (1468–1474).
Троицкий список (конец XV в.)*

Usura communis est: quam licet
magnum peccatum esse dicant, ab ea tamen
nemo ferre abstinens.

Ростовщичество у них в обычае, хотя
они и говорят, что это большой грех,
никто почти от него не воздерживается.

*Сигизмунд фон Герберштейн
«Записки о Московии»
(Rerum Moscoviticarum
Commentarii, 1549 г.)*

Введение. Период с конца XV в. до середины XVII в. – по историческим меркам относительно краткий, но чрезвычайно насыщенный событиями и судьбоносными свершениями отрезок отечественной истории, ставший связующим звеном между Древностью и Новым временем. Он включил в себя падение монголо-татарского ига и начало строительства независимого Московского княжества, ставшего на путь создания централизованной европейско-азиатской державы, хозяйственный подъем и многолетний экономический кризис, учреждение патриаршества (1589 г.), демографическую катастрофу и разрушения, вызванные разгулом опричнины (1565–1572 гг.) и Ливонской войной (1558–1583 гг.), период Смуты (1604–1612 гг.) и восстание И. Болотникова (1606–1607 гг.), начало освоения Сибири (с 1582 г.) и выход к Дальнему Востоку (1649–1652 гг.), положившие начало формированию России в ее современных границах.

В политико-экономическом плане этот период ознаменовался переходом от вотчинного к поместно-крепостному типу хозяйства служилого сословия, ставшего опорой московского царя и создаваемой им централизованной

державы; закрепощением крестьянства и посадского люда, а также ограничением церковного землевладения и ростом городского хозяйства, международной и внутренней торговли.

В юридическом плане этот период открывается выходом Судебника Ивана III (1497 г.), которому на смену был издан более развитый Судебник Ивана IV (1550 г.), а заканчивается Соборным Уложением царя Алексея Михайловича (1649 г.) – правовым памятником, действовавшим в России на протяжении более чем двух веков и ставшим основой Свода законов Российской империи.

В совокупности эти сложные социально-экономические и политические процессы вызвали кардинальные сдвиги в хозяйственном укладе города и деревни, в том числе способствовали дальнейшей эволюции кредитных отношений, которая, в свою очередь, не только отразила общие тенденции развития средневекового российского общества, но и в определенной степени обусловила его характер и динамику. Эволюция кредитных отношений в этот период перешла в стадию, для которой характерны многообразие кредитных сделок, наличие широкого состава их участников, развитие письменной формы оформления обязательств, обусловленных постепенным усложнением хозяйственных процессов (взаимодействие сельского и городского товарного производства с внутренней и международной торговлей), а также выработка и юридическое закрепление хозяйственных правил и норм, регулирующих эту сферу деятельности. На данном этапе образовался «каркас» системы кредитных отношений, представляющий развитые коммерческий и денежный кредит, процент и ростовщичество, государственное регулирование ставки процента.

Хозяйственный быт и кредит Московской Руси. Можно выделить ряд явлений и процессов, которые наглядно характеризуют уровень развития кредита и кредитных отношений в изучаемый период отечественной истории.

Развитая лексика как свидетельство укорененности кредитных отношений. Обращение к данному явлению

бытовой и правовой культуры средневекового русского общества очень важно, поскольку лексические единицы, сформировавшиеся в недрах обыденной жизни Московской Руси, продолжают верно нести свою культурно-хозяйственную функцию и по настоящее время.

Заём и ссуда. «Заём» является общеславянским словом: старославянское *zajemъ*, древнерусское *заимъ*, чешское *zajet*, верхнелужицкое *zajit*, болгарское *заем*, македонское *заем*, сербохорватское *zájam*, словенское *zajet*¹. Слово *заимъ* образовано путем добавления окончания *-ъ* к старославянскому глаголу *заимати* (*заѣати*) «брать, заимствовать», являющегося однокоренным с глаголами *имети* (*имѣти*) в значении «владеть, обладать», выражающим состояние, и *имати* со значением активного действия «брать»². Оба глагола имеют общеславянскую основу и восходят к праславянскому глаголу **jьmati*, означающему «брать» в качестве продолжительного действия³.

Ссуда (древнерусское *съсуда*, *съсудити*). По мнению славистов, слово «ссуда» в значении предоставления денег или вещей в долг, а также самих этих вещей или денег имеет более позднее происхождение. Древнерусское *съсуда* образовано посредством добавления окончания *-а* к глаголу *съсудити*, который, в свою очередь, образовался от глагола *судити*, означающего «судить, присудить». Первоначальное значение слова – «наделение, присуждение»⁴. Общеславянская этимология слова неясна. Вместе с тем можно проследить близкую связь русской *ссуды* с хозяйственной лексикой южнославянских языков: словенские *posódit*, *posòjevàti* (одолжить, давать

¹ Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. Т. 2. Вып. 6. М., 1975. С. 30.

² Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1989. С. 58, 155–156.

³ Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 8. М., 1981. С. 224–227.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М., 1987. Т. 3. С. 741.

взаймы), *posóda* (ссуда); сербохорватские *posúdit* (ссужать, давать взаймы), *pòsúdim* (заимствовать), *pòsuda* (ссуда)¹.

В документах слово *ссуда* устойчиво фиксируется с XV в. Например, оно неоднократно упоминается в тексте Псковской судной грамоты (1467 г.). Вместе с тем в данном документе часто «ссуда» и «заем» используются как синонимы. Так, ст. 30 гласит: «Если кто-либо станет давать деньги взаймы («дават серебро в заим»), то без залога и без записи [следует] давать не более рубля, свыше рубля без залога и записи не давать. Если же кто-либо будет взыскивать денежную ссуду («ссуда серебра») свыше рубля, не обеспеченную залогом по доскам, то такие доски ко взысканию не принимать, а того, к кому предъявлен иск, оправдать»².

С начала XVI в. данный термин, обозначающий натуральный заем (реже – денежный), становится общепотребительным и в Московской Руси, а с середины XVII в. в русском праве появился договор о временном пользовании чужим имуществом – *подержание*. С этого времени ссудой стали называть не только денежные долги, но и полученное во временное пользование имущество, например платье. Так, в ст. 273 Соборного Уложения 1649 г. было установлено, что если платье, данное в ссуду («а будет кто у кого возмет к которому нибудь времени на ссуду платье»), будет по нерадению испорчено, то оно остается у того, кто испортил, а хозяин удовлетворяется деньгами³. К XIX в. кредитная лексика значительно расширилась, что и было зафиксировано словарем В. И. Даля (1801–1872): *ссуда* – все, что дано взаймы или на подержанье, деньги и вещи; *подержанье* означает временное пользование, прокат; *посудиться* (посужаться, посуждаться чем) – давать взаймы или на подержанье, ссужать,

¹ Этимологический словарь русского языка / сост. А. Преображенский: в 3 т. М., 1910–1914. Т. 2. С. 369.

² Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси: XII–XIV вв. / сост. А. А. Зимин. М., 1953. С. 290, 308.

³ Памятники русского права. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. С. 141.

одолжать чем-либо других¹. Наиболее прочно данный термин закрепился в банковской практике, где он благополучно конкурирует с терминами «кредит» и «займ» по сей день.

Лихва, рез и рост. Исконно русским термином для обозначения процентов по кредиту является *лихва*. Первоначально в значении «избыток» или «излишек», позднее для обозначения всякой корыстной, чрезмерной прибыли при денежных расчетах. Слово из общеславянской лексики, имеющее древние корни. Образовано с помощью суффикса -v-(a) к праславянской основе **lichъ* – «превышающий меру», «чрезмерный», «злой» (сравни древнерусское *лихъ* – «лишний», «излишний», «плохой»). Вполне вероятна связь последнего с индоевропейским корнем **leik-so* «остаток» (от **leik-* в значении «оставлять»)².

В дополнение к церковной «лихве» в активной бытовой лексике употреблялся термин «рѣзь», появление которого, видимо, связано с появлением Пространной редакции Русской Правды (далее – РП). Статья 50 этого документа так и названа – «О рѣзе». В ней для натуральных займов использованы аналоги данного термина – «настав» для меда и «просоп, присоп» для зерна: «Аже кто дасть куны в рѣзь, или наставъ в мед, или жито во просопъ»³.

Позднее, в XII–XV вв., в купеческой среде появился термин «гостинец» как обозначение прибыли по сделкам, но чаще всего использовался термин «рез» (отсюда *срезить*, что означало «заработать процентами»). С конца XV в. (ст. 50 Судебника 1497 г.: «платити исцеву истину без росту») указанные термины стали вытесняться *ростом*. Последний стал корневой основой юридического и бытового слова «ростовщичество».

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: С–V. СПб.; М.: Тов. М. О. Вольф, 1909. С. 491; Т. 3: П–Р. СПб.; М., 1907. С. 910, 440.

² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., стереотип. М., 1999. С. 486.

³ Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства: X–XII вв. / сост. А. А. Зимин. М., 1953. С. 113.

С «ростом» и долговой зависимостью связан еще один термин-долгожитель – **кабала**. Первоначально в качестве нового русского бытового и правового понятия это слово обозначало «долговое обязательство», «расписку должника, данную заимодавцу». Впервые оно фиксируется в Троицкой летописи под 1379 г. Позже, в XV–XVII вв., в Московском государстве термин получил новый смысл – долговое обязательство, предусматривающее утрату должником личной свободы, закрепощение его заимодавцем в случае неуплаты долга, которое оформлялось особой служилой кабалой. Современное значение появляется позже, по-видимому, в XVIII–XIX вв. Кабала стала обозначать «тяжелое, подневольное, граничащее с рабством положение человека»¹. В таком значении оно имеет аналог в других языках (англ. debt bondage; франц. servitude pour dettes). Этимология данного слова не вполне ясна, но большинство исследователей склоняются к мнению, что оно попало в русский язык из татарского, который заимствовал его из арабского языка: *gabāla* – «порука», «поручительство», «гарантия», «ответственность», «обязательство», «контракт», «соглашение»; *gabalia a* – «принимать», «получать», «соглашаться», «одобрять» (см. также *gabila a (gabala i)* – «гарантировать», «поручаться»; *gabasa i* – «приобретать», «заимствовать» и «давать займы»)².

Коммерческое кредитование как основа формирования системы кредитных отношений. В экономических рукописях 1858–1862 гг. К. Маркс сформулировал важное положение, касающееся связи торговли и кредита: «...коммерческий кредит, то есть кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства. Он образует основу кредитной системы. (...) Каждый дает кредит одной рукой и получает кредит другой»³. Он также особо отметил

¹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь... Т. 1. С. 363.

² Wehr H. A dictionary of modern written Arabic / ed. by J. Milton Cowan. 3d ed. New York, 1976. P. 438–441.

³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 25, ч. 2. С. 21.

роль международной коммерции на ранних этапах экономического развития: «...заморская торговля, например, Венеции и Генуи, вообще составляет один из источников происхождения самой системы кредита»¹.

Данные положения полностью подтверждаются фактами из истории российской внешней и внутренней торговли, касающимися организации торгового предпринимательства. Так, распространение коммерческого кредитования можно проследить по ряду статей ПРП. В ст. 55 «О долзе» говорится: «Аже кто многим должен будеть, а пришед гость из иного города или чюжеземець, а не ведая запустить за нь товар, а опять начнеть не дати гости кун... паки ли будуть княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прокъ в дѣль; аже кто много рѣза ималь, то тому не имати»².

Интересно отметить, что в Судебнике 1497 г. в статье под тем же номером речь идет конкретно о займе денег и товаров, взятых на реализацию, но теперь уже и с уплатой процента: «О займех. А которой купецъ, идучи в торъговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утерается товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печятию, платити исцеву истину без росту»³. А в близкой по времени Псковской судной грамоте прямо говорится о «торговых деньгах по доскам»⁴.

Интересно, что в XIV–XV вв. в условиях острого дефицита серебра достаточно широко применялась такая простейшая форма коммерческого кредитования, как *кредитная мена* (обмен с отсрочкой встречного предоставления товара) в торговле новгородцев, купцов Северо-Западной и Западной

¹ Маркс К. Капитал. Т. 2, кн. II: Процесс обращения капитала // Там же. М., 1974. Т. 24 С. 284.

² Правда Русская. Ч. I: Тексты / под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. С. 355.

³ Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования централизованного государства: XIV–XIV вв. / сост. Л. В. Черепнин. М., 1953. С. 355.

⁴ Памятники русского права. Вып. 2. С. 291.

Руси с ганзейскими купцами. Кредиторами в данной торговле выступали обе стороны. Русские купцы были кредиторами даже чаще иноземных в силу того, что Ганзейский союз несколько раз в XIV–XV вв. вводил запрет на торговлю в кредит с Русью. Однако эти ограничения часто нарушали сами ганзейцы. Особенностью ряда кредитных сделок было несовпадение мест первоначальной передачи товара и окончательного расчета, вызванное, по мнению исследователей, вводимым со стороны Ганзы запретом. Такие сделки велись вне городов Ганзейского союза и Новгорода. Подобное «отделение мест продажи и расчета свидетельствует о сложности и разности системы кредита в русско-ганзейских отношениях»¹.

Однако потеря Новгородом независимости и включение его в состав Московского государства (1478 г.) привели к перестройке торговых отношений. Теперь уже Москва превращается в центр важнейших сухопутных и речных путей России. Расширение территории страны, возникновение новых рынков привели к появлению новых направлений торговых путей, которые, как и старые, все более тяготели к административному центру страны. Под контролем Москвы оказался Волжский путь на всем его протяжении, что благоприятствовало оживлению торговли через Каспийское море с восточными странами, а начало освоения Сибири в XVI в. способствовало расширению и внутреннего рынка.

С начала XVI в. происходят существенные качественные сдвиги в составе купечества и характере его торговой деятельности. Возникают более сложные формы торгового предпринимательства, формируется новый тип купца – возглавляющего обширное торговое предприятие и ведущего торговлю через многочисленных агентов-приказчиков, часто с использованием кредита. Эти предприятия представляли собой торгово-агентурные конторы (дома), которые из-за крупных масштабов их деятельности и наличия отдельных помещений называли «дворами». Характерным примером

¹ Хорошкевич А. Л. Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // История СССР. 1977. № 2. С. 137.

может служить деятельность торгового дома ярославского гостя Надеи (Епифания) Андреевича Светешникова, поставщика и торгового агента царя Михаила Федоровича. Помимо прочего, купец широко практиковал кредитование служилых и промышленных людей в сибирских городах, где особенно остро чувствовался недостаток в деньгах¹.

Еще более поражает воображение деятельность дома купцов Строгановых в Вологде, которые создали торговую империю, включавшую в свой состав многочисленные отделения – торгово-промышленные конторы, охватившие цепью Верхнее и Среднее Поволжье, Приокский край, Поморье и Пермь Великую. Таким образом, «многомочные купцы», а с начала XVII в. именитые люди Строгановы выступали в первых рядах деятелей, способствовавших образованию всероссийского рынка и зарождению российского класса предпринимателей. Именно к ним 24 мая 1613 г. воззвал царь Михаил Федорович: «Да у вас же мы приказали просить займы для христианского покою и тишины денег, хлеба, рыбы, соли, сукон и всяких товаров, что можно дать ратным людям; а сколько чего займы дадите, деньгами, хлебом и товаром, и то приказали мы записывать в книги...»².

В международной торговле дела шли не так хорошо. Торговые связи России со странами Запада почти целиком были сосредоточены в руках иностранных купцов. Это было вызвано отсутствием у Руси открытых выходов к морям. Но и здесь широко использовалось коммерческое кредитование, часто в весьма специфической российской форме. Адам Олеарий в конце первой трети XVII в. свидетельствовал о хитрости и изворотливости русских купцов, основанных на смекалке и интуиции: «Они обыкновенно покупают у английских купцов, ведущих большой торг в Москве, сукно,

¹ Верецагин А. С., Хайртдинов Р. Х. История российского предпринимательства: от истоков до начала XX века: учеб. пособие. Уфа, 2009. С. 157–158.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 9. М., 2001. С. 16.

по 4 талера за локоть, и перепродают тот же локоть за 3½ или 3 талера и все-таки не остаются без барыша. Делается это таким образом: они за эту цену покупают один или несколько кусков сукна с тем, чтобы произвести расплату через полгода или год, затем идут и продают его лавочникам, вымеривающим его по локтям, за наличные деньги, которые они потом помещают в других товарах. Таким образом они могут с течением времени с барышом три раза или более совершить оборот своими деньгами»¹.

Новым центром международных торговых контактов стал основанный в 1584 г. Архангельск. Именно здесь возникли тесные торговые отношения между Россией и Англией и действовали с 1551 г. представители-факторы «Московской компании» (*Muscovy Company*). Кроме непосредственного ведения торговли, они занимались взысканием долгов русских купцов, которые упоминались во многих сохранившихся жалобах на их неуплату и ходатайствах от английских посланников, «чтобы должные по кабалам российских купцов англичанам деньги заплачены были из казны»².

Но отдельные неудачи не останавливали иностранцев. При царе Алексее Михайловиче (1645–1676) торговля с иностранными купцами велась на основе кредита сроком на год, но не потому, что русские купцы пользовались особым доверием иностранцев. Наоборот, все иностранцы в один голос жаловались на недобросовестность и нечестность русских купцов. И тем не менее иностранные купцы отпускали русским купцам свои товары в кредит на долгий срок в силу очевидной экономической необходимости: наличных денег у русских купцов было мало, и они могли расплатиться за товары лишь после их продажи внутри России. Долгосрочный характер кредитования объяснялся трудностями реализации,

¹ Олсариий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно (1647 г.) / пер. с нем. А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 206–207.

² Любименко И. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1916. С. 151.

связанными с обширностью территории страны и плохими путями сообщения¹.

Кредитные сделки и их субъекты. Появление в русском хозяйственном обиходе кабалы как письменного правового документа стало важной вехой в эволюции кредитных отношений. Получили самое широкое распространение следующие формы этого документа: 1) заемная кабала, оформляющая денежный долг («серебро»); 2) закладная кабала, оформляющая заем с залогом недвижимости; 3) ростовая кабала, предполагающая уплату процента в натуральном выражении; 4) служилая кабала, оформляющая обязательство отработки только процентов («за рост служить»).

Особенностью закладной кабалы было то, что она одновременно была и купчей на землю и иную недвижимость, но только в случае, если должник не расплачивался в срок. Так, в кабале 1496 г. речь шла о закладе двух деревень в Ростовском уезде по займу на обычных условиях: «а на то ми ему серебро дати рост по расчету, как идет в людях, на пять шестой» (20%). При этом: «А не выкуплю... свое земли на срок, и ся кабала и купчая грамота»². Закладная кабала также часто предполагала использование недвижимости в качестве погашения процентов: «за рост пахать», «за рост косить», а если дело шло о пожнях – «за рост владеть»³.

Служилая кабала предполагала иной порядок расчетов. Здесь отрабатывался только процент: «за рост служите по вся дни во дворе», «а за рост им на те денги у государя своего... служить во дворе по вся дни и всякое дело делать». Специфической особенностью кабального договора было право заемщика освободиться от зависимости по истечении года посредством выплаты долга, а в начале XVI в. – и до истечения года, если кабальный возвращал не только долг, но и принятые в хозяйственной практике 20% роста. Но позднее

¹ Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. М., 1909. С. 423.

² Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 65.

³ Там же. С. 66.

это право было отменено Уложением 1597 г. Поэтому такие кабалы стали одним из основных источников кабального холопства, через которое шло окончательное закрепощение русского крестьянина – превращение его в крепостного.

«Серебро» (денежный заем) было ростовое и издельное. Первое предполагало обычную практику уплаты процентов, а второе – уплату роста работой крестьянина на кредитора, называемой «изделием». Серебро ростовое обычно брали и у своих землевладельцев, и на стороне, а издельное давали только своим крестьянам. Серебреники в этом смысле были близки к холопам по служилой кабале, но это была не служба во дворе, а работа в поле и хозяйстве кредитора. Так, в датируемой 1432–1445 гг. данной грамоте Анны Ильиной игумену Зиновию Троице-Сергиева монастыря читаем: «отдала есьм... село Городище... да и Перхурьевское... да и которыѣ к ним потанули... деревни... и съ житом и с-ыздѣльным серебром, а издѣльного серебра семь рублев...»¹.

В целом следует согласиться с мнением Л. В. Милова: «Не менее важным выводом, вытекающим из наблюдений над актовым материалом такого рода, является утверждение, что пахота земли феодала и весь комплекс работ по севу, жатве и уборке урожая были основным содержанием серебреничества»².

Участниками кредитных сделок среди крестьянского люда были также половники и окупленные люди. Половники получили свое название от размера отчислений от полученного урожая в пользу владельца земли – помещика: они всегда отдавали семена господину, а остальное делили «на полы» (отсюда «ис половиья», «исполовя»). Это были крестьяне-издольщики, т. е. крестьяне, уплачивающие натуральный зерновой оброк, равный половине чистого урожая (без семян). Очень часто половники брали денежные и натуральные

¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: в 3 т. Т. 1. М., 1952. № 90. С. 74.

² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 476.

ссуды у помещиков и монастырей. Они же входили в группу так называемых перезываемых крестьян, которых «перетягивали» при переселении в хозяйство новых господ различными льготами по платежам и средствами для погашения долгов (по взятым ранее ссудам и по уплате «пожилого»). Такие крестьяне назывались «окупленные люди». В целом, посаженные серебреники, отрабатывающие процент, и окупленные люди, попавшие в неизмеримо большую долговую зависимость от землевладельца, переводились на барщину и становились надежным трудовым ресурсом для растущего помещичьего хозяйства.

Кроме серебреников, наиболее часто брали денежную и натуральную ссуду «люди пришлые», или новоприходцы, новоподрядчики. Это были, вероятно, свободные обедневшие крестьяне, чаще всего утратившие свой надел и не имевшие средств вести собственное хозяйство, или взрослые сыновья крестьян. Поселяясь на земле феодала, они заключали с ним договор, называемый «порядной записью», в которой указывалось, кто поряжался, кому и на каких условиях. В большинстве случаев запись включала условия получения денежной или натуральной ссуды семенами, называемые «подмогой». Крестьянская ссуда обыкновенно бралась «на семена и на емена (на прокорм), на лошади и на коровы, и на всякую мелкую скотину, и на дворовое строение, и на всякий крестьянский завод» (позднее: «и на посуду, и на платье»); иногда ссуда могла даваться хлебом, скотиной, дворовыми строениями и т. п. За это крестьянин обязывался «хоромы ставити», «землю пахати» и «оброк платити». Такая ссуда была бессрочной и безростовой, но при выходе крестьянина ему приходилось выплачивать долг с процентами. При заключении порядной пришлые люди в большинстве случаев получали еще и льготу – освобождались на ряд лет от государственного тягла и повинностей в пользу феодала.

К середине XVII в. и особенно после появления Соборного Уложения 1649 г. положение стало меняться,

и порядные грамоты начали трансформироваться в «ссудные записи», в которых получение бессрочной ссуды связывалось с обязательством поряжавшихся никуда не уходить, жить у феодального владельца «вечно», «безвыходно».

Одна из стандартных формул ссудной записи: «Се аз такой-то взял есми на ссуду у государя своего такого-то столько-то рублей на дворовое строение, и на всякую животину, и на всякую дворовую спосуду. А за тое ссуду жити мне за тем-то во крестьянх (или в бобылех) на такой-то деревне (или где посадит), безвыходно и не сбежать и ссуды не снести»¹. То есть крестьянская порядная или ссудная запись получает сходство с той более поздней по времени возникновения разновидностью служилой кабалы, в которой крестьянин сам лишает себя права уплатить долг и покинуть феодала в Юрьев день, ставшей мощным инструментом закрепощения крестьян.

Еще одной категорией заемщиков были «закладчики», или «закладни», личная зависимость которых, подобно зависимости их предшественников – древнерусских «закупов», создавалась заемным обязательством, которое состояло в работе на хозяина-заимодавца до уплаты долга. «Закладывались» обычно посадские торговые и ремесленные люди за бояр, патриарха, епископов и часто за монастыри. Их зависимость от кредиторов была условной, поскольку закладчики имели право сразу по возвращении ссуды покинуть службу. Существенной выгодой для них был выход из тяглого состояния и отсутствие государственных повинностей. Поэтому эволюция данного института привела к массовому фиктивному кредитованию с целью обретения такого льготного статуса. Такое закладничество было прямым злоупотреблением, и государство активно боролось с ним, что вызвало массовое недовольство зажиточного люда, чуть не переросшее в восстание в 1649 г. Оно было вызвано, в частности, выходом в этом году Соборного Уложения, которое

¹ Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 20 т. / под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1902. Т. 9. С. 513.

грозило лицам, принимающим закладчиков, наказанием кнутом и ссылкой в Сибирь за повторный заклад и конфискацией земель (гл. XIX).

Монастырское кредитование. Важными кредиторами средневековой Руси были монастыри, сконцентрировавшие к XV в. более трети всей пахотной земли Московского государства и активно ссужавших деньги и хлеб всем слоям населения. За это их часто называют крупнейшими ростовщиками. Это не вполне верно, поскольку именно как землевладельцы они вынуждены были вести очень гибкую политику кредитования, которая предполагала выдачу наряду с высокодоходными займами бессрочных безростовых ссуд – подмоги широким слоям крестьянства (такие ссуды возвращались лишь при уходе крестьянина из вотчины). Целью предоставления подмоги хлебом, «поземными семенами» (рожью, овсом, пшеницей, ячменем) или деньгами было привлечение и закрепление на принадлежащих монастырю землях новоприходцев и подрастающего поколения работников, а также поддержка старожильцев, пострадавших от пожаров, наводнений или других стихийных бедствий, что мало похоже на традиционное ростовщичество. Такие ссуды носили массовый характер (достигали 60% крестьян отдельных монастырских вотчин) и способствовали подъему и укреплению крестьянского хозяйства, хотя часто вели земледельцев к закабалению и закреплению за монастырем. В зависимости от состояния хозяйств ссуды давались под кабалу и/или поруку или без них.

В XVII в. широкое распространение получает обычный краткосрочный кредит монастырей («а деньгам срок Покров», т. е. возврат за два месяца до Юрьева дня). Так, Кирилло-Белозерский монастырь выдавал хлеб из житницы не только своим крестьянам, но и детям боярским, посадским людям, церковным причетникам и половникам по их челобитным «взаймы», «взаем и в денги». Но выдачей хлеба отдельным крестьянам не ограничивалась ссудная деятельность руководителей этого монастыря. Документы XVII в. зафиксировали широкое распространение массовых

раздач ссудного (заемного) хлеба крестьянам непосредственно в селах и в волостях. На местах ссудный хлеб хранился в специальных монастырских житницах («ссудных житницах»)¹.

Нередко монастыри выступали с кредитными «инновациями». Так, в 1595 г. крестьяне Осташевской слободы Иосифо-Волоколамского монастыря обратились к его старцу Мисаилу Безнину с просьбой о выдаче ссуд под обычные «на пять шестой» (20%), поскольку они страдали от местных ростовщиков, кредитовавших под 53%, а в особых случаях – 106% годовых. Старец не только согласился выдать денег, но и уменьшил процент с заемных денег вдвое, с запрашиваемых 20% до 10%. Кроме того, Безнин предложил брать такой рост с кредитуемых сразу при оформлении заемной кабалы на полную сумму долга. «Сэкономленные» 10% вновь шли в оборот, чем достигалось общее увеличение ссудного фонда².

Другое новшество старца также привело его к столкновению с сельскими ростовщиками («прожиточными крестьянами»). В 1591 г. Безнин, стремясь преодолеть последствия хозяйственного разорения, предложил ввести систему принудительного кредитования крестьян на развитие ими скотоводства («на животинный приплод»): годовая сумма в размере 3 рублей на выть³ выдавалась на год с оплатой роста по пуду масла коровьего, по борову и барану или за все 1 рубль деньгами (33% годовых).

Обязательственные правоотношения и регулирование ставки процента в Московском государстве (XV–XVII вв.).
Обязательственное право периода единого Русского госу-

¹ Дмитриева З. В. Хлебные ссуды крестьян Кирилло-Белозерского монастыря в XVI–XVII вв. (по монастырским и хозяйственным книгам) // Ферапонтовский сборник. Вып. 5. М., 1999. С. 114–141.

² Кучкин В. А. Кредитование в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье: XXV чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2013. С. 175–176.

³ *Выть* – мелкая (в отличие от *сохи*) податная единица в Московском государстве. – *Примеч. ред.*

дарства в этот период постоянно развивалось, отвечая на важные события в социальной и хозяйственной жизни страны. Действительно, если Судебники 1497 и 1550 гг. содержат лишь минимум положений о кредитных обязательствах и договорах, то Соборное Уложение 1649 г. уже включает в себя комплекс норм, регулирующих практически весь кредитный процесс.

Значение Судебника 1497 г. как первого документа «московского ряда» законодательных актов состоит в том, что при всем его структурном и содержательном несовершенстве, справедливо отмечаемом многими историками и правоведами, он был создан для решения наиболее острых и жизненно важных хозяйственных задач и, главное, стал первым документом строящегося единого государства, содержащим проработку многих вопросов организации судебного процесса. Важно отметить, что именно кредитные отношения оказались в списке тем законодательного акта. Так, ст. 55 «О займех» гласит: «А которой купецъ, идучи в торъговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утерается товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печатию, платити исцеву истину без росту. А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиеет или иным каким безумием погубит товар свой без напразднства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу»¹. Здесь речь идет о боярском расследовании («обыске») случаев банкротства купца с целью выявления его причин и о возможной выдаче купцу полетной грамоты – документа о рассрочке платежа долга без процентов, скрепленного великокняжеской (!) печатью. При неблагоприятных обстоятельствах должник передавался кредитору для отработки долга.

Составители Соборного Уложения 1649 г. стремились регламентировать весь комплекс вопросов, связанных с заключением, обеспечением и исполнением договора займа. Упор вновь делался на юридической технике, получавшей особое значение при рассмотрении конфликтов сторон

¹ Памятники русского права. Вып. 3. С. 355.

в судопроизводстве. Значительная часть положений заемного права Московского государства содержится в гл. X «О суде». Так, договор займа на относительно крупные суммы должен был оформляться в письменной форме уполномоченными лицами в присутствии свидетелей по установленной форме. Уложение предусматривало возможность переуступки обязательств третьим лицам путем передачи кабал, которые назывались «выданными» (ст. 258: «А кто на ком учнет заемных денег искать по выданным кабалам... и по тем выданным кабалам исцом на заимщиках заемные денги велеть править без росту же»¹).

Предметом займа могли стать деньги, хлеб или «ыное чего-нибудь» (ст. 196, 246), видимо из крестьянского и ремесленного обихода. В качестве обеспечения использовались залог и поручительство. Последнее оформлялось специальным документом (поручной записью) и было двух видов – за уплату долга и за явку должника-ответчика в суд. Большое внимание в Уложении уделено организации взимания долгов. Так, согласно ст. 260 установлена следующая очередность «списания долгов» по суду: «долговья деньги наперед правити чужеземцу», а русским людям «долг их правити после»²; долги перед государственной казной погашаются также в первую очередь. Для неисправных должников Уложение устанавливало особый порядок взыскания – правёж, который заключался в том, что каждое утро проигравшего процесс должника выводили на рыночную площадь и били батогами по икрам ног с тем, чтобы заставить его или его близких расплатиться с кредиторами. Статья 261 гласит: «А которые дворяне и дети боярские и всяких чинов люди в истцовых в кабальных и безкабальных исках по судным делам будут обвинены: и им, или людям их стоять на правеже во сте рублех месяц. А которые люди будут обвинены больше, или меньше ста рублев: и тем стоять против того же по росчету. А которые люди учнут бити челом о переводе: и им деньги перевести и на другой месяц,

¹ Памятники русского права. Вып. 6. С. 138.

² Там же. С. 139.

а больше им того в истцовых исках сроку не давать, чтобы в том истцом лишняя волокиты не было»¹.

Особый интерес вызывает ст. 255 Уложения о запрете процента: «А правити заемные денги по кабалам и по духовным на заимщиках исцом истину, а росту на те заемные денги не правити потому, что по правилом Святых Апостол и Святых Отец росту на заемные денги имати не велено»². Здесь нашло отражение решение Стоглавого собора 1551 г., которым осуждалось церковное резоимство. Теперь речь шла уже и о мирянах. Но, учитывая процессуальную направленность Уложения, можно допустить, что скорее здесь имел место отказ от судебной защиты сторон кредитной сделки, поскольку на практике было принято придерживаться старинного правила уплаты роста «на пять шестой». Указание именно на эту ставку в 20% годовых можно встретить в многочисленных документах. О ней же писал и Сигизмунд Герберштейн в «Записках о Московии». Данная норма восходит к ст. 53 ПРП: «Если кто-либо взимает ежегодно по 10 кун на гривну, то это не воспрещается»³.

Приговор Ивана Грозного от 25 декабря 1557 г. запретил взимание роста по заемным кабалам служилых людей. Впредь по новым обязательствам устанавливался рост не в 20%, а «вполу» (10%). Но позднее в Судебнике 1598 г. старая норма была восстановлена (ст. 23), поскольку прочий люд продолжал жить по своим обычаям, и 20% были не самыми худшими условиями. Церковь же часто брала 10% или предоставляла бессрочные безростовые ссуды (см. выше). В Новгородской земле в начале XVI в. крупнейшие феодалы предоставляли денежные ссуды-подмоги под 8,3 и даже 6,1% годовых⁴.

В целом Соборное Уложение 1649 г. положило начало практике государственного регулирования в сфере кредитных

¹ Там же.

² Там же. С. 138.

³ Памятники русского права. Вып. 1. С. 128.

⁴ *Абрамович Г. В.* К вопросу о значении кредитования крестьян феодалами в развитии сельского хозяйства Руси XV–XVI вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. М., 1970. С. 50.

отношений, которое в XVIII в. продолжилось в императорских указах об «указном» росте.

Заключение. Приведенные выше факты и анализ процессов хозяйственного развития Московской Руси позволяют выявить ряд важных моментов, отражающих специфику построения централизованного государства в сложнейших политических условиях и характеризующих уровень развития и дальнейшую эволюцию товарно-денежных и кредитных отношений. Именно в данный период шел этап формирования системы кредитных отношений, для которого характерно развитие института кредита, проникающего в различные сферы общественных отношений. Данный этап связан с дальнейшим нарастанием многообразия кредитных инструментов и сделок, закреплением выработанных ранее и появлением новых правил и норм, регулировавших экономическое поведение различного рода агентов в системе развивающихся товарно-денежных связей.

Об этом, по нашему убеждению, наглядно свидетельствуют приведенные документы и исторические факты, касающиеся *развитой лексики как свидетельства укорененности кредитных отношений; коммерческого кредитования как основы формирования системы кредитных отношений; возникшего многообразия кредитных сделок, полисубъектного состава их участников, первых попыток законодательного ограничения процентов.*

В социально-экономическом плане кредит в этот период выступил «многоликим господином» хозяйственного оборота. Он стал массовым явлением и одновременно фактором развития внутренней и международной торговли; закрепощения крестьян (о чем писали М. П. Погодин, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, М. П. Милюков и др.); укрепления крестьянского хозяйства и роста государственных доходов для формируемого централизованного государства (чему посвятили свои работы Г. В. Абрамович, Г. Л. Победимова, З. В. Дмитриева и др.); ростовщической эксплуатации бедного и богатого люда. Не могло без него обойтись и государство.

И главное: становление нового хозяйственного уклада и формирование централизованного государства со всеми издержками и трудностями стало возможным за счет кредитования широких масс трудоспособного населения. Несмотря на то что с развитием крепостного права эта тенденция быстро сошла на нет, она неизбежно возникла вновь в конце XIX – начале XX в., но уже с активным участием банков и многочисленных новых кредитных институтов. К сожалению, этот процесс вновь был прерван Первой мировой войной и революцией.

Эволюция каноническо-правового статуса русского православного монашества XI–XVI вв. (постановка проблемы)

В статье впервые в научной литературе рассматриваются проблемы развития института православного монашества и анализируется эволюция иночества в XI–XVI вв. в контексте развития канонического права. Автор рассматривает этапы развития монашества в средневековой Руси, показывает необходимость преодоления противоречий между историческим и юридическим подходами к теме для ее объективного исследования.

Ключевые слова: каноническое право, Стоглав, Русская православная церковь, монашество, правовой статус, Московское государство, XI–XVI вв.

Pavel Iv. Gaydenko

Evolution of the canonical legal status of russian orthodox monasticism in the 11th–16th centuries (formulation of the problem)

In the paper, for the first time in the scientific literature, the problems of the development of the institution of Orthodox monasticism are considered and the evolution of monasticism in the 11th–16th centuries is analyzed in the context of the development of canon law. The author examines the stages of the development of monasticism in Medieval Russia, shows the need to overcome the contradictions between the historical and legal approaches to the topic for its objective research.

Гайденко Павел Иванович (Казань) – ФГБОУ ВО «Казанский государственный архитектурно-строительный университет», кафедра истории и философии, доцент; ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет», кафедра гуманитарных дисциплин, профессор; доктор исторических наук.

Pavel Iv. Gaydenko – Kazan State University of Architecture and Engineering, Department of History and Philosophy, Associate Professor; Kazan National Research Technological University, Department of Humanitarian Disciplines, Professor; Dr. (History).

prof.gaydenko@rambler.ru

© П. И. Гайденко, 2018

Key words: canon law, Code of Laws (Stoglav), Russian Orthodox Church, monasticism, legal status, Moscow state, 11th–16th centuries.

Эволюция монашеских институтов древнерусской церковной организации как самостоятельная проблема крайне редко становится предметом специального научного рассмотрения. В какой-то мере она разрешается при обращении исследователей к специальным главам «Истории Русской церкви» святителя Макария (Булгакова) и обширной статье Н. В. Сеницыной в начальном («нулевом») томе Православной энциклопедии¹. Вплотную к обозначенной проблеме подошел со своими коллегами Я. Н. Щапов². И все же в качестве самостоятельной научной проблемы процесс эволюции развития институтов древнерусского иночества так и не прозвучал. Хочется надеяться, что специальная работа, способная пролить свет на изменения в социальных и административно-канонических процессах, происходивших внутри древнерусского монашества, – дело не слишком далекого будущего. Пока же жизнь иночества Древней Руси в трудах отечественных исследователей в значительной мере остается малоподвижной, а реалии XI и XVII вв. во многом неоправданно отождествляются³. Данное обстоятельство

¹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриарха (988–1240) / науч. ред. А. В. Назаренко. М., 1995. С. 101–142, 302–322; Кн. 3: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел первый: Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448) / науч. ред. А. А. Турилов. М., 1995. С. 101–142; Кн. 4, ч. 1. Отдел второй: Состояние Русской Церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589) / науч. ред. архим. Макарий (Веретенников). М., 1996. С. 201–267; Сеницына Н. В. Русское монашество и монастыри. X–XVII вв. // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 305–324.

² Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки / ИРИ РАН; [отв. ред. Н. В. Сеницына]. М., 2002.

³ Например, см.: Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002.

объясняется силой влияния и обаяния церковных концепций, восходящих к научной литературе XIX в. Когда же дело касается изучения канонического права, обнаруживается еще одна существенная проблема: наличие существенных и глубоких противоречий между историческим и юридическим подходами. Во всяком случае, в современных работах отмеченное обстоятельство приобретает особую важность. Юристам нередко не хватает глубокого источниковедческого анализа используемых ими памятников, а историки крайне плохо знакомы с правовыми концепциями и подходами.

Если верить исследователям, основными проблемами изучения истории монастырей и канонического права исследуемой эпохи предстают вопросы распространения общежительных уставов, духовное и нравственное состояние иноков и имущественные споры. Между тем, при всей кажущейся инертности и консервативности монашеского существования, действительность, доносимая в источниках, оказывается сложнее. От века к веку монашество не только приспособлялось к внешним влияниям, но и регулярно переживало внутренние трансформации, затрагивавшие самые разнообразные стороны его существования и самореализации: быт, нравы, внутреннюю организацию, место в социальной и политической жизни общества, каноническо-правовой статус, интеллектуальную жизнь, религиозное творчество, мистические практики и т. д. В условиях Средневековья канонические нормы пронизывали практически все стороны жизни человека, и чернецы не представляли исключения. Это объяснялось не столько политическими процессами, сколько процессами общекультурного свойства, поскольку иночество не было оторвано от общества, освящая, впитывая и вынашивая в себе его идеи, ценности, стремления, социальные и политические мифы и стереотипы.

Полное разрешение заявленной проблемы, столь сложной и неоднозначной, в рамках небольшой статьи едва ли возможно. Это объясняется как значительным временным периодом, так и размахом тех изменений, которые проис-

ходили внутри иночества, а также государственных, общественных и церковных институтов на территориях русских земель. Следует подчеркнуть, что эффективное применение канонических норм, по которым жила церковь, было возможно лишь при условии их признания и поддержки со стороны государства, принятия обществом и, разумеется, самой церковью. Содержание небольшого по объему, но крайне интересного по содержанию комплекса древнерусских вопрошаний и канонических ответов¹ вполне очевидно демонстрирует и убеждает, что канонические практики, присутствовавшие на Руси, нередко были лишены единства и однозначности. По крайней мере, на сегодня разрешение данной проблемы с территориально-географических позиций видится крайне сложным и труднореализуемым делом.

Действительно, древнерусское церковное право на протяжении почти всей эпохи Средневековья формировалось в рамках городских² и княжеско-правовых традиций,

¹ Неведомы(х) словесъ. изложено Георгиемъ. митрополито(м) Киевскимъ. Герману игомену въпрашающу. оному поведаящу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 233–255; Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права, ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 1–20; Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Там же. Стб. 21–62. О феномене жанра вопрошаний на Руси см.: Костромин К. А. «Вопрошание» Кирика с ответами Нифонта и каноническо-правовое наследие Киевской Руси в контексте международных отношений // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т; ИФ РАН, 2014. Ч. 3. С. 87–97.

² Об особенностях развития древнерусского городского права см. подробнее: Сулягина И. Ю. Источники церковного права средневековых городов Северо-Западной Руси // Право и государство: теория и практика. 2015. № 2 (122). С. 16–21; Её же. Княжеские церковные уставы в праве городских республик средневековой Руси // Там же. № 9 (129). С. 11–14; Источники русского городского права XIII–XVIII вв.: монография / И. А. Александров, Ю. В. Оспенников, Р. В. Фоменко, Л. Е. Ютяева; под общ. ред. Ю. В. Оспенникова. Самара, 2016.

которые, в свою очередь, черпали свои нормы как в местных традициях, так и в канонических и юридических системах византийского¹ и латинского миров². После монгольского нашествия, а особенно с конца XIII – начала XIV в. эта церковная поликультурность еще более усугубилась. Пути развития церковных и иных властных структур Юго-Западных и Северо-Восточных княжеств, и без того обладавших собственной спецификой, не только начали расходиться, но и испытали на себе различные по силе и охвату влияния³. Достаточно заметить, что уже в XV–XVII вв. отдельные практики православной церкви в епархиях Польши и Литвы существенно отличались от тех религиозных традиций,

¹ Щапов Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб., 2011; *Его же*. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978; *Его же*. Собрание новелл Юстиниана в 87 главах в древнерусской письменности // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 108–112; Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001; Морозов М. А. Императорское ктиторовство при Комнинах и российские традиции // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2006. С. 362–375.

² Суворов Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888; Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011; Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken, 2011; *Его же*. Атилатинская полемика и каноническое право Древней Руси (XI–XII века). URL: <http://elibrary.ru/download/25943581.pdf> (дата обращения: 26.06.2016); Симонова А. А. Древнерусское религиозное мировоззрение и ирландская христианская традиция. М., 2017; *Ее же*. Основание Успенской церкви Киево-Печерского монастыря. Западные параллели // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб.; Казань, 2014. Вып. 1. С. 63–72.

³ Это видно уже по различиям в оценках нашествия у южнорусских, новгородских и суздальских книжников (Галимов Т. Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237–1281 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. С. 147–169).

которые присутствовали в землях Северо-Восточной Руси¹. Совершенно не совпадали и социальные роли православного духовенства на этих территориях. Если в юго-западных землях Руси духовенство было активным и нередко равноправным участником политических и культурных процессов, то на Северо-Востоке положение, скажем, русского священства и монашества за пределами Москвы и великокняжеского двора не многим отличалось от положения холопов или обычного тяглого населения². Особенно наглядно данное обстоятельство обнаруживается в положениях большого числа приходящихся на эти столетия списков церковных уставов Ярослава и Владимира, закреплявших церковные иммунитеты и права епископата на широкий пласт так называемых церковных людей³.

Имевшие место различия поддерживались еще и тем, что церковные нормы и традиции юго-западных епископий и монастырей формировались не только под влиянием местного права, европейского (в том числе католического и протестантского) образования и местных политических

¹ Одно из существенных разногласий существовало по вопросу принятия «обливания» при крещении (*Опарина Т. А.* Немосковское православие в оценке русских духовных властей: каноническое право и церковная практика (1620-е...) // *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства* / отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М., 2017. С. 242–252).

² В данном отношении весьма примечательны замечания П. С. Стефановича о правовом положении приходского и монашеского духовенства в XVI–XVII вв. (см.: *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках / отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 206–208).

³ В XV–XVII вв., не допуская оскорблений в адрес клириков со стороны светских лиц, русские архиереи Московского княжества, а несколько позже Московского государства относились к иночеству и священству как к лицам более низкого социального статуса, т. е. холопам. Такое отношение вполне вписывалось в нормы Устава Ярослава, не допускавшего контроля святительского суда со стороны светских властей (Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 90–91).

процессов, но и под омофором Константинопольской патриархии. Митрополичья кафедра Москвы, напротив, находившаяся под патронажем князя, уже в XV в. стала существенно тяготиться опекой византийских патриархов, стремясь к равноправной с ними самостоятельности¹. Не совпадали уровень и пути развития интеллектуального творчества и связанной с ним правовой культуры затрагиваемых канонических территорий. Особенно остро данная проблема осознавалась в XVI–XVII вв. по мере вхождения литовских и польских территорий в состав Московского государства². По нашему мнению, эта разногласия норм и представлений о должном в области церковных и иных отношений не была преодолена во внутрицерковной жизни России и в течение последующих веков.

В силу всего перечисленного наиболее целесообразным видится последовать сложившейся в России историографической традиции и попытаться выделить этапы в развитии древнерусского монашества первоначально в землях Киевской, а после монгольского нашествия – и Северо-Восточной Руси и входивших в круг ее влияния территорий. Что же касается княжеств Южной Руси, или Ruthenia, то каноническая ситуация здесь была иной, и ее рассмотрение только отяготит и без того крайне сложную задачу. Поэтому от характеристики местных практик придется уклониться.

Приступая к работе, крайне важно определиться с тем, что следует понимать под церковно-каноническим правом в описываемый период. Традиционно под каноническим пра-

¹ О притязаниях русских князей и митрополитов на самостоятельность и равенство с императорами и патриархами см.: *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 58–77.

² *Саганович Г. Н.* Брестский игумен А. Филиппович и виленский архимандрит А. Дубович: о самоидентификации двух русинов XVII в. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не) единства. С. 253–271; *Синкевич Н. А.* Два вектора православной идентичности в Украине XVII в.? Москва и московиты в двух произведениях Могилянского времени // Там же. С. 272–290.

вом подразумевается широкий спектр предписаний, законов и правил. Однако уже на этом этапе возникают существенные затруднения. Объем и авторитетность корпуса письменных источников, закреплявших действовавшие на Руси церковные нормы, в среде историков оцениваются по-разному¹. Нет полной определенности и в отношении использования терминов «церковное право» и «каноническое право». Так, Н. С. Суворов предлагал различать их и под вторым понимал свод апостольских и святоотеческих правил, освященных авторитетом Вселенских соборов. Что же касается «церковного права», то, с точки зрения выдающегося канониста, оно охватывает весь спектр внутрицерковных и государственных постановлений, касающихся регулирования деятельности христианских институтов². Однако представленный подход не нашел полной поддержки в кругу исследователей. Большинство историков права уклонилось от разделения этих терминов и рассматривает их в качестве синонимов. При этом под церковным (каноническим) правом предложено понимать свод разнообразных внутрицерковных (божественных, канонических, литургических, догматических) и государственных норм, регулирующих все стороны жизни христиан и церкви³. Данная точка зрения видится наиболее оправданной, хотя при учете богословской составляющей обозначенной проблемы «церковное» и «божественное» едва ли могут рассматриваться в качестве безусловных синонимов или же тождественных явлений.

Авторитет церковного (канонического) права основан не только на письменном закреплении его норм, их

¹ Пожалуй, наиболее полно вопрос о корпусе письменных источников древнерусского канонического права представлен в работе: Данилевский И. Н. Источники российской истории // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М., 1998. С. 236–248.

² Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 2004. С. 4–6.

³ Бердников И. С. Краткий курс церковного права Православной Греко-российской Церкви с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права. Казань, 1888. С. 5–12; Цыпин В., прот. Каноническое право. М., 2012. С. 22.

унификации, но и на широком распространении данных правил. Это должно было произойти как со стороны церкви в лице епископата, духовенства и монашества, так и со стороны самих верующих. В условиях средневековой Руси XI–XVI вв. такой консенсус нередко достигался с большим трудом. Наиболее яркий пример подобной сложности – внутрицерковные конфликты середины и второй половины XII в. относительно постов. Разразившиеся тогда споры, в которых приняли участие не только епископы, но и игумены наиболее крупных монастырей, продемонстрировали, что за конкурирующими уставами стояли не только различные церковные, но и властные круги¹. Подобная же острота присутствовала и в деле распространения норм общежительного устава². С еще большей горячностью позже разворачивались дискуссии между сторонниками нестяжателей и иосифлян³. Помимо законов и канонов, право предполагает присутствие и функционирование в обществе или государстве всевозможных правовых институтов (судов, апелляций, образования и т. д.), а также наличие особого правового (канонического) сознания, без которого ни о каком праве говорить

¹ О конкуренции различных церковных уставов, присутствовавших на Руси в середине и шестидесятые годы XII столетия, можно судить по остроте конфликтов вокруг вопроса о постах в Господские праздники (см. подробнее: *Конявская Е. Л.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2012. № 1 (47). С. 5–14; *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 743–745).

² Очевидно, что в организации внутренней жизни монастырей присутствовала полифония. Попытки А. Поппэ создать картину широкого распространения Студийского устава на Руси уже в XI в. встретила вполне оправданную критику со стороны Ю. А. Артамонова. См.: *Поппэ А.* Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ, 2011. (*Ruthenica. Supplementum 3*); *Артамонов Ю. А.* «Гипотеза, выстроенная на гипотезах»: По поводу нового исследования А. Поппэ. Рецензия на книгу: Поппэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря [*Ruthenica. Supplementum 3*]. Київ, 2011. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/3614078.html> (дата обращения: 31.01.2016).

³ *Карташев А. В.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. С. 451–457.

не приходится¹. Однако если опереться на источники, приходит ясное понимание того, что древнерусское правосознание, особенно в первые столетия христианизации, обладало внутренней сложностью². Что же касается упомянутых институтов, то этот вопрос в отечественной науке описан лишь в самых общих чертах.

При вынесении решений или обращении к нормам византийского права пастырям приходилось учитывать неустойчивость христианских представлений паствы. Отмеченная особенность очень хорошо обнаруживается в снисходительных нормах «Вопрошания» Кирика Новгородца³, в обращениях церковных иерархов к авторитету общинных норм. Именно так поступил епископ Нифонт Новгородский, отказавшийся признавать поставление Климента Смолятича из-за отсутствия согласия среди епископов при голосовании⁴. На этом затруднения не завершаются.

Очевидно, что в поступках русского духовенства и первых русских христиан еще были сильны отголоски потестарного периода становления государственности,

¹ В данном отношении показательное состояние церковного судопроизводства в домонгольской Руси, см.: *Гайденко П. И., Филиппов В. Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI – середина XIII века): Несколько наблюдений // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. История. Вып. 45. 2011. № 12 (227). С. 106–111.

² Попытка разрешить эту сложную проблему была предпринята в исследовании Т. И. Демченко. К сожалению, автор крайне неудачно и без необходимой в таких случаях источниковедческой критики использовала сомнительные источники, что предопределило спорные выводы проведенной ею работы (*Демченко Т. И.* Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни. М., 2013).

³ В. В. Мильков небезосновательно увидел в «Вопрошании» Кирика своего рода первый педагогический трактат (*Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель... С. 285–297).

⁴ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. / под ред. А. А. Шахматова. СПб., 1908. Стб. 340–341; *Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. С. 197–199.

в котором христианство «лишь скользило по поверхности древнерусского общества»¹. По сути, канонические нормы формировались или насаждались в специфических условиях двоеверия, этической и канонической полифонии и сильного влияния регуляторов, не свойственных позитивному праву: морали, семейных ценностей, традиций и т. д.²

К тому же для человека эпохи Средневековья большую важность представляло не следование строгим предписаниям правил (если только это не касалось ритуала³), а стремление придерживаться норм правды как некоего идеального состояния христианской или общественной справедливости. Так, говоря о суде над Поликарпом Печерским, составитель записи о событиях 1169–1171 гг. полагал, что бедствия этого года стали возможны именно по причине «митрополичьей неправды»⁴. Идея той же «высшей правды» заложена и в названии первого русского нормативного свода – Русской

¹ О потестарном этапе истории древнерусского государства и церковных процессах в отмеченные годы см.: *Дворниченко А. Ю.* Крещение Руси и Литвы в контексте потестарного общества // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 3: Материалы научной конференции «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации»*, Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г. / под ред. канд. ист. наук, прот. К. А. Костромина. СПб., 2015. С. 76–84; *Костромин К. А., прот.* К вопросу о сравнении Крещения Руси и Литвы // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2016. Вып. 2 (14). С. 11–28.

² О специфических формах правового и социального регулирования в архаическом и средневековом обществах см.: *Георгиевский Э. В.* Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М., 2014. С. 39–40; *Проди П.* История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права / пер. с ит. И. Кушнарёвой; пер. с лат. А. Апполонова. М., 2017.

³ О важности судебных ритуалов в славянском и германском обществах см.: *Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В.* К вопросу о первых опытах противодействия преступности в обычном уголовном праве древней Германии // *Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права*. 2015. Т. 9. № 2. С. 404–412.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 353–355.

Правды¹. Очевидно, понятие о праве на Руси не имело того строгого юридического смысла, каким оно наделялось в Риме, Византии и даже в Западной Европе раннего и классического Средневековья². Даже при том, что церковные институты Руси первыми озаботились письменным закреплением своих прав, степень этой защиты и комплекс зафиксированных норм не дают никаких оснований для оптимистической оценки каноническо-правовой ситуации в XI–XIII вв.³ В понимании древнерусского книжника-монаха следование церковным правилам предполагало не столько юридическую чистоту, сколько действия по «справедливости», «правде», «милости», «любви»⁴. Если при этом принять во внимание специфичное политико-правовое единство древнерусских земель и продолжительное отсутствие общеобязательных церковных норм, однозначно оценить обозначенные стороны канонического права в условиях русского Средневековья непросто.

В итоге в оценках поступков и норм церковной морали или жизни того же монашества присутствовала некая

¹ Впервые эта идея была высказана польским ученым В. А. Мацеевским. Историко-культурные и филологические исследования последних лет не только подтверждают его наблюдение, но и вполне убедительно показывают, что категория «правды» в славянской правовой культуре не сводилась к юридическим смыслам и была тесно переплетена со смыслами высшей божественной справедливости. См.: *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства / науч. ред. А. В. Гребенюк. М., 2001. С. 82–84; *Колесов В. В.* Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. Словоуказатель. М., 2014. С. 281, 401, 681 и др.

² О средневековом праве см.: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М., 1998.

³ Наиболее остро данная проблема просматривается в крайне негативной оценке святительских судов. См.: *Гайденко П. И., Филиппов В. Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI – середина XIII века). С. 106–111.

⁴ Именно в таких категориях и смыслах оценивается решение Владимира Мономаха в отношении киевлян и митрополита Николая в период межкняжеского противостояния, вызванного историей с ослеплением Василька Теребовльского (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 237–238).

двойственность. С одной стороны, древнерусский книжник стремился к унификации права, а с другой – предпочитал следовать не букве закона, а духу «высшей», в его понимании, «правды» или личных представлений о законности и норме, привносившихся из реалий жизни¹. Если даже допустить, что во внутренней жизни церковные институты руководствовались преимущественно каноническими нормами Византии, то состояние источников и содержание имеющихся текстов не позволяют вынести какое-нибудь ясное и однозначное суждение о полном составе корпуса использовавшихся канонических текстов, их редакциях и степени авторитетности не только для самого духовенства, но и для древнерусского общества в целом, включая княжескую власть и дружинно-боярскую среду². Так, например, ссылки на авторитет Вселенских соборов связаны лишь с заклѣтиями³, что указывает не на знание содержания богословских споров (судя по всему, авторам содержание и высокие идейные смыслы этих богословских дискуссий были либо малоинтересны, либо, что видится более вероятным, не знакомы вообще⁴), а на нечто

¹ Это влияние личных предпочтений и стереотипов присутствует в канонических ответах киевских митрополитов Георгия и Иоанна. Но наиболее наглядно они просматриваются в «Вопрошании» Кирика и мотивах поведения Нифонта Новгородского. Аналогичным образом поступают новгородские духовники при обращении в духовнической практике к «худым номоканонам» или к ирландским практикам заказных литургий.

² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 236–249.

³ Правило на обидящих церкви и духовную иерархию, приписываемое пятому вселенскому собору // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Памятники древнерусского канонического права (памятники XI–XV вв.). Т. 6, ч. 1. 2-е изд. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1908. С. 145–146.

⁴ О незрелости догматических представлений древнерусских книжников XII в. можно судить по присутствию следов арианства в символе веры, вложенным книжником в уста князя Владимира: «с[ы]нъ подобосущенъ . и безначаленъ . о[т]ц[ю] роженіемъ . точию разнествуя . отцю и д[у]ху . д[у]хъ есть прес[в]я[т]ыи . о[т]ц[ю] и с[ы]ну . подобосущенъ и присносущенъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 98).

иное. Скорее всего, такая отсылка обусловлена праздником Торжества Православия или иными церковными праздниками в честь победы над еретиками и врагами церкви.

Таким образом, целесообразно ограничиться малым и попытаться сформулировать основные этапы и характерные для них черты в церковно-правовом положении монашествующих от времени Русской Правды до церковных соборов при Иване IV. Именно в этот период корпус канонических норм стал приобретать отчетливую структуру. Присутствовавшие на Руси конца XV – середины XVII вв. усилия по созданию кодифицированных церковно-правовых сборников отдаленно напоминают процессы, происходившие в эти же столетия в Западной Европе. По мнению Паоло Проди, именно в XV–XVII вв. «складывается устройство, позволившее перейти к этапу кодификации и созданию конституций»¹. В результате в отмеченные столетия произошло разделение церковного и общего законодательства, а также оформление корпуса и концепции канонического права в Европе².

Вопрос о периодизации истории развития иночества на Руси в отечественной науке разрешался по-разному. Если домонгольский период у большинства исследователей не вызывает споров³ и только недавно подвергся некоторому пересмотру и уточнению⁴, то установление хронологических границ последующих периодов не имеет однозначного разрешения. При анализе древнерусского каноническо-правового устройства церкви в качестве верхних границ исследования

¹ Проди П. История справедливости. С. 13.

² Там же. С. 144–149.

³ См.: Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2; Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. Ч. 1. М., 1901; Там же. Ч. 2. М., 1904; Карташев А. В. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. С. 145–276; Петрушко В. И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. М., 2007. С. 18–73; Русское православие: от крещения до патриаршества / Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В. СПб., 2012. С. 30–90.

⁴ Синицына Н. В. Русское монашество и монастыри. С. 305–309.

принимались и XVII в., и более раннее время, например конец XV в.

Церковная историографическая традиция при обращении к прошлому древнерусского монашества также различает два периода. Первый из них связывается с усилиями преподобного Феодосия и его преемников. Второй обуславливается деятельностью преподобного Сергия и его учеников. Именно в такой хронологии изложили историю древнерусского монашества П. Е. Казанский и И. К. Смолич¹. Однако предложенное ими разделение на периоды видится излишне упрощенным и даже ангажированным, связанным с господством морализаторских, апологетических предпочтений, присутствующих в церковной науке. Не менее опрометчивым стало бы привязывание истории монашества исключительно к истории древнерусской государственности. Далеко не всё и не всегда в истории русского иночества было подвержено политическим влияниям. Жизнь монашества на Руси оказалась крайне обусловлена как проблемами внутрицерковного свойства, например спорами вокруг преимуществ тех или иных уставных традиций (в самом широком смысле, не сводимом к спорам о литургических различиях, постах или же об общежитии), так и деятельностью государственной власти и местных социальных институтов.

Разбирая каноническо-правовое положение иночества в XI–XVI вв., наиболее целесообразным видится связать историческую логику с развитием в церковной среде Руси и в кругу древнерусских политических и интеллектуальных элит представлений о праве. Последнее же, в свою очередь, формировалось под влиянием канонических устремлений русской церковной иерархии и в контексте развития древнерусской государственности. Следуя этому варианту повествования, в истории отмеченного времени можно выделить три этапа.

¹ Казанский П. Е. История православного русского монашества. М., 1855; Смолич И. К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999.

Первый этап занимает время от крещения Руси до канонических реформ митрополита Кирилла II, т. е. завершается появлением на Руси первого общерусского Номоканона. Второй этап охватывает период развития церковных структур с конца XIII – начала XIV вв., отмеченных ростом экономической и правовой независимости Русской церкви, до создания судебника Ивана III или, по крайней мере, до тех внутрицерковных споров, разразившихся между сторонникам нестяжательства, идеи которых связывались с «заволжскими старцами», и так называемым иосифлянством. На этом этапе произошла существенная регламентация и формализация отношений как внутри иноческой среды, так и между монашеством, епископскими кафедрами и великокняжеской властью. Третий этап обусловлен формированием того, что с позиции нашего века можно назвать русским каноническим правом в виде постановлений, закрепленных решениями нескольких церковных соборов во время правления Ивана IV Васильевича. Предложенная периодизация крайне условна и должна рассматриваться только в качестве первой «рабочей версии», позволяющей увидеть неоднозначность и поэтапность в развитии русского иночества и правовых институтов церкви.

Первый этап истории монашеских институтов характеризуется полифонией уставной жизни, широкой канонической автономией значительной части монастырей, на которые распространялась власть или влияние светских ктиторов в лице княжеской власти или городских корпораций. Проблемы каноническо-правового положения иноков в значительной мере были аналогичны тем же затруднениям, с которыми приходится иметь дело при определении статуса иных представителей священной иерархии, включая епископат. Во многом такая ситуация объяснялась тем, что церковные институты, особенно на начальном этапе, еще плохо вписывались в социальную структуру древнерусского общества и ее властных элит. Достаточно заметить, что на протяжении всего домонгольского периода истории Русской церкви древнерусское право никак не оговаривало вопросы защиты чести, жизни и имущества священнослужителей.

В итоге статус иноков и создававшихся ими общин в древнерусском обществе был не простым. В значительной степени это объяснялось социальной природой монашества. Так, в Византии с ее римским правосознанием общины черноризцев рассматривались не только в качестве сугубо церковных институтов, но и как свободные союзы, действующие в рамках гражданских норм, *private collegia*¹. На Руси, не знавшей подобных социальных форм самоорганизации, правовое положение монашества оказалось еще более неоднозначным. Однако здесь эта неоднозначность объяснялась иными обстоятельствами. Значительная часть иноков, а поначалу подавляющее большинство, происходила из числа древнерусской знати или, по меньшей мере, свободного населения, мужей, дружинно-боярской среды и горожан. Впоследствии среди лиц, принявших иноческие обеты, стали встречаться и представители княжеского рода и княжеских смей.

Пополнение иноков из числа представителей знати и свободного населения в значительной мере поддерживало настроения монашеской независимости в суждениях и поступках, обнаруживаемые в начальной истории Печерского монастыря. Таким образом, социальный статус инока определялся его прежним положением в обществе, хотя нельзя не признать, что с принятием монашества происходило существенное поражение общественного статуса монаха. Последнее хорошо видно из «Жития Феодосия Печерского»: в тех насмешках, каким подвергся преподобный Феодосий от возникшего.

Однако по мере увеличения числа монастырей и в связи с изменениями в околоскняжеской и дружинной среде, служившей основным источником притока насельников в обители, началась существенная переоценка роли и положения инока

¹ Морозов М. А. Церковная собственность и ктиторство в Византии при императоре Юстиниане // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 2010. № 2. С. 79; Эклес О. Г. Проблема возникновения монашества // Другие средние века: К 75-летию А. Я. Гуревича / сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М.; СПб., 1999. С. 358–375.

в обществе и церкви. Все это происходило на фоне укрепления и возвышения места епископов в политической иерархии Древней Руси. Монастырям приходится все чаще отстаивать свою внутреннюю автономию от вмешательства епископов.

Определить каноническое положение монашествующих на этом этапе нелегко. Это объясняется как сложностью монашеской организации исследуемого периода (женское и мужское монашество, странствующие иноки, чернецы княжеских монастырей, монашество самостоятельно организованных обитателей, городское монашество и т. д.), так и присутствием на Руси множества канонических юрисдикций. Если учесть при этом влияние политической разобщенности, которая присутствовала в политической плоскости, способствуя формированию региональных особенностей в иноческой организации, дело видится почти неразрешимым. Вместе с тем отчетливо просматривается важная особенность эпохи. На данном этапе монашество в целом обладало широкой автономией в отношении епископских кафедр. Даже при том, что уже к концу XII – в самом начале XIII в. иночество большинства монастырей вынуждено было признать над собой власть местных епископов, воспоминания об особом статусе инока и тенденции к сохранению хотя бы частичной автономии монастырей через апелляцию к княжеской власти еще сохранялись в монашеской среде.

Переломным моментом этого периода стало монгольское нашествие. Изменение расстановки политических сил на Руси, обеднение всех слоев населения и возвышение статуса митрополита привели к существенным переменам в статусе монашества. На эти годы приходится появление и активное использование первого общерусского церковного канонического свода – Кормчей. Она не только закрепляла византийские нормы, адаптированные к русским реалиям через сербское посредство, но и включила в себя местные канонические нормы, употреблявшиеся в границах киевской и новгородской епархий. Появление данной части в составе первой общерусской Кормчей символизировало объединение канонических традиций различных земель. Применительно

к монашеству рассматриваемый свод канонически закреплял его подчинение суду епископата и митрополита¹.

Второй этап в становлении каноническо-правового статуса древнерусского иночества в Северо-Восточной Руси обладал собственными специфическими чертами. В эти годы происходило широкое насаждение традиций общежития. Иночество стало экономически самостоятельным и влиятельным церковным институтом, который, правда, уже занял в отношении епископата подчиненное положение. Тем не менее такая ситуация не препятствовала росту монашеского влияния в кругу властных элит, а также в среде местного населения, проживавшего вблизи стен обителей или на монастырских землях. Экономическое усиление иночества привело к еще одному изменению. Монашество начало играть важную роль в спорах между княжеской властью и усилившимся в годы ордынского господства епископатом. В годы правления Ивана III и Василия III пришло осознание необходимости регламентации и унификации церковной, в том числе монашеской, жизни со стороны княжеской власти.

Не менее динамичным видится третий период. Происходившие тогда процессы объяснялись не только проблемами централизации власти, усилившимися эсхатологическими переживаниями, но и развитием государства уже как Московского царства. Время правления Ивана IV отмечено бурными церковными процессами: целым рядом общерусских церковных соборов и появлением знаменитого Стоглава. Последнее особенно важно, поскольку должно рассматриваться в качестве важнейшего этапа в становлении общерусского канонического права. По сути, решения Стоглавого собора представляли собой уже не «выжимку» тех или иных норм, почерпнутых из византийского законодательства или святоотеческого наследия, а полноценный свод русских канонических норм и процедур.

¹ Галимов Т. Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237–1281 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017. 22 с.

О социальном положении монашества в обозначенный период можно судить по царским вопросам, обращенным к собору. Очевидно, что особое положение в обществе занимало странствующее монашество. Оно пользовалось в среде городского населения очень высоким авторитетом. Однако жизнь иноков, проживавших в монастырях, вызывала множество недоуменных вопросов. Решения Стоглавого собора узаконивали особое положение монастырей, например в праве обладать собственным судом. Однако такая формализация, отвечавшая общему духу эпохи, не только способствовала снижению остроты внутрицерковных споров, но и установлению над обителями более внимательного государственного контроля, опиравшегося на авторитет соборного решения.

Все вышесказанное – лишь черновой набросок, предлагающий посмотреть на историю развития древнерусского монашества и связанных с ним каноническо-правовых норм и институтов с позиции эволюционных процессов. Пока ясным видится лишь одно. Разрешение заявленных проблем позволит приблизиться к достижению еще более сложной цели: воссозданию (с учетом уже накопленного исследователями опыта. – *Ред.*) истории канонического права в России. Остается надеяться, что найдутся те, кто попробует справиться с этой крайне амбициозной и трудной задачей.

Сокращенная Русская Правда в московском праве XV в.

Сокращенная Русская Правда рассматривается как пример специфической адаптации древнерусского права к новым условиям. Если Судебник 1497 г. и позднейшие московские своды законов закрепляли новые правоотношения путем введения новых норм, то Сокращенная Правда исключала явно устаревшие статьи, сохраняя более приемлемые, что можно объяснить стремлением к сохранению традиционного права, попыткой опереться на «уставы старых князей» в изменившихся условиях.

Ключевые слова: Русская Правда, Сокращенная Русская Правда, московское право, Правосудие митрополичье, XV в.

Nikolay N. Omonov

Abridged Russkaya Pravda in Moscow law of the 15th century

Abridged Russkaya Pravda is a specific adaptation of Old Russian law to new conditions. Code of Laws (Sudebnik) of 1497 and later Moscow legal codes fixed new legal relations in new legal norms, but Abridged Pravda excluded obviously obsolete articles and preserved more acceptable text. This can be explained by the desire to preserve the traditional law, the attempt to lean on the “statutes of the old princes” in the changed conditions.

Keywords: Russkaya Pravda, Abridged Russkaya Pravda, Moscow law, “Pravosudiye Mitropolichye” (Justice of the Metropolitan), 15th century.

Текст правового характера, получивший название «Сокращенная Русская Правда» (далее – СП), известен в составе двух Кормчих: середины XVII в. – Толстовский

Омонов Николай Нуманович – ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Институт общественных наук, Школа актуальных гуманитарных исследований, преподаватель; магистр истории.

Nikolay N. Omonov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, School of Advanced Studies in the Humanities, lecturer; Master's degree (History).

arcula@yandex.ru

© Н. Н. Омонов, 2018

IV список, и второй половины XVII в. – список Оболенского I. В этих сборниках под общим заголовком «Судъ Ярославль Володимерича указъ» (в Толстовском IV списке; в списке Оболенского I почти так же) помещены два текста: Церковный устав Владимира и собственно Сокращенная Правда, что выглядит как их соединение. Непосредственно перед текстом СП стоит заголовок: «Правда руская»¹. Как отмечал М. Н. Тихомиров, СП близка к Пространной Правде (далее – ПП), но многие статьи в ней пропущены, а остальные более короткие и иногда выглядят как выдержки из ПП². Статья «о мужи кроваве» в составе СП (ст. 2) близка к особой статье «о муже кроваве», находящейся в Кормчих Розенкамповского (Чудовского) и Ферапонтовского типов непосредственно перед текстом ПП³.

Большая часть исследователей датировала создание СП поздним периодом, не отстоящим далеко от времени создания имеющихся списков. Поздняя датировка и вторичный характер этого текста являются причиной того, что исследователи уделяли ему значительно меньше внимания, чем другим близким источникам.

Н. И. Ланге отмечал наличие в СП (список Оболенского) терминологии XVI–XVII вв., в частности связывал фразу ст. 1 «любо разсудити по муже смотря» с московскими нормами и указывал на введение составителем понятия о бесчестии. Исследователь считал, что СП – «позднейшая искаженная выписка из Правды», произведенная частным лицом «с собственными его прибавлениями». Через существовавшие в его

¹ Правда Русская / под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. I: Тексты / подгот. к печ. В. П. Любимов и др. С. 36, 37, 51, 265–272 (цитаты текстов Русской Правды приведены по данному академическому изданию); Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства, X–XII вв. / сост. А. А. Зимин. С. 197–205 (нумерация статей СП – по данному изданию); Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 335.

² Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 19.

³ Правда Русская. Т. I. С. 51; Зимин А. А. Правда Русская. С. 335, 336.

эпоху понятия составитель пытался уяснить древнее законодательство¹.

П. Н. Мрочек-Дроздовский считал СП переделкой Русской Правды и датировал временем не ранее второй четверти XVII в., поскольку Кормчие начала и первой четверти века ее еще не содержат. Однако содержание СП, по мнению ученого, указывает на еще более позднее время. СП записана московским языком и в духе московских законов, ее терминология указывает на время Соборного Уложения 1649 г.²

В. И. Сергеевич в своей классификации списков Русской Правды выделял Сокращенную Правду в отдельную фамилию (третью, позднее – четвертую). Он писал, что СП представлена самыми поздними по времени составления списками. СП – извлечение из более ранних списков с поздними изменениями и большими пропусками. Согласно ученому, она могла возникнуть в XIII в., во всяком случае не ранее конца XII в., потому что в ее тексте не упоминаются имена князей: они были уже забыты. Первые три статьи СП соответствуют по содержанию и последовательности первым трем статьям Краткой Правды (далее – КП), которые, по мнению исследователя, и были их источником. Источником для остальных является Пространная Правда. Часть норм, опущенных составителем СП, была для него устаревшей и неясной. Пропуск других статей «составляет загадку»³. Предположение Сергеевича о КП как об одном из источников СП следует отвергнуть, поскольку списки КП мало распространены, а источником первых статей могла являться и ПП. Совпадение в последовательности первых статей могло быть случайным.

М. А. Дьяконов писал, что списки СП являются поздними относительно времени ее создания. Вслед за П. В. Голубовским

¹ Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. [СПб., ценз. 1860]. С. 5–6.

² Мрочек-Дроздовский П. Н. Новое издание Русской Правды. М., 1907. С. 3–4.

³ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб., 1910. С. 71–74.

он считал, что выделение СП («списка кн. Оболенского и сродных с ним») в качестве особой редакции является неверным. Она принадлежит к одной редакции с Пространной Правдой, но сильно искажена, испорчена, «и, в некоторых местах, не без умысла»¹.

Важным этапом в изучении памятника стала специальная статья Н. А. Максимейко «Московская редакция Русской Правды». Если Сергеевич аргументировал свою датировку, в частности, тем, что СП опускает имена князей, то Максимейко отмечал, что это обстоятельство не может указывать только на конец XII в. или XIII в., забыться князья могли и позднее. Ученый относил СП к XVII в. Местом создания памятника исследователь считал Москву. Максимейко возводил СП к тексту, близкому к списку Царского III Пространной Правды Синодально-Троицкой группы Ферапонтовского вида (в классификации академического издания Русской Правды под редакцией Б. Д. Грекова) первой половины XVII в. В сборнике Царского III нет особой статьи о кровавом муже, но ст. 28 ПП (ст. 29–31 Троицкого I списка) заменена текстом этой особой статьи, который затем выправлен по другим спискам Русской Правды. Близкий текст есть и в СП. Новые положения в данном списке и в СП, согласно Максимейко, исходят из правовой практики Русского государства XVI–XVII вв. Кроме того, из СП были исключены в основном те нормы права, которые являлись архаичными в XVII в. Соответственно, она была создана для использования в судебной практике. Максимейко рассматривал СП как последний этап на пути постепенного приспособления норм Русской Правды к судебной практике московского права. Ученый связывал возникновение СП с разработкой Уложения 1649 г. и сравнивал с московской переработкой Литовского статута².

¹ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси / предисл. М. Н. Покровского. 4-е изд. М.; Л., 1926. С. 38.

² Максимейко Н. А. Московская редакция Русской Правды // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 127–162.

Выводы Максимейко в значительной части принял В. П. Любимов. Ученый не выделял СП в отдельную редакцию. В его классификации, положенной в основу академического издания Русской Правды, СП представлена в качестве Толстовского (сокращенного) вида Синодально-Троицкой группы разряда Пространных списков¹.

От мнения большинства исследователей значительно отличается точка зрения М. Н. Тихомирова, который считал, что протограф СП был более обширным, чем известный текст, причем этот протограф представлял собой древний памятник и первоначальную редакцию относительно ПП, послужившую одним из источников последней².

Анализ памятника Тихомиров начинал с изучения содержащих его сборников. Толстовская Кормчая, включающая один из списков СП, не могла возникнуть очень рано, т. к. в ней помещен отрывок «от жития святого Стефана о грамоте Пермстей». Житие было написано Епифанием Премудрым в конце XIV – начале XV в. Включение в текст Толстовской Кормчей статьи о пермской азбуке, а также некоторые другие дополнительные статьи позволили Тихомирову связать происхождение данной Кормчей с северо-восточной окраиной Руси XV в. Поскольку Кормчая проявляет интерес к Пермской епархии, учрежденной в 1383 г., для этой епархии, по мнению ученого, она и была составлена. Расположение заголовка СП с именем Ярослава перед Уставом Владимира, по мнению Тихомирова, говорит о попытке объединения Устава и Русской Правды в единый памятник. При этом данная редакция Устава (Вторая редакция) является ранней и присутствует уже в Варсонофьевской (Чудовской № 4) Кормчей XIV в. Это, с точки зрения ученого, свидетельствует о древности соединения Устава и ПП³.

Тихомиров назвал ряд отличий СП от ПП, которые, по его мнению, позволяют рассматривать СП не в качестве

¹ Правда Русская. Т. I. С. 30, 31, 36, 51, 265.

² Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 183–197.

³ Там же. С. 185–187.

выдержки из ПП, а как особую редакцию. Ученый полагал, что СП обладает чертами, обнаруживающими ее независимость от Чудовского, Ферапонтовского или какого-либо другого известного извода ПП. В частности, в СП есть текст, отсутствующий в списках Чудовского извода. Кроме того, в числе прочих источников СП использовалась особая статья о кровавом муже, в Кормчих Чудовского и Ферапонтовского типа расположенная перед ПП. По мнению ученого, эта статья древнее аналогичного текста ПП, поскольку ее терминология («великие и меньшие бояре», «городской людин», «селянин») сопоставима с Уставом Ярослава, а фрагмент о варягах и колбях, не имеющих крещения, сближает ее с Древнейшей Правдой в составе КП и в целом ведет к раннему времени, «по крайней мере к XII веку». С XII веком связывал статью и В. О. Ключевский¹. Более того, Тихомиров допускал, что особая статья о кровавом муже могла существовать уже в XI в. В то же время Тихомиров утверждал, что КП не могла быть источником данной статьи. Возможно, статья представляет собой выписку из какого-то обширного памятника. Упомянутая статья заимствована из этого памятника и в ПП, и в СП. Тихомиров отмечал близость Чудовского извода ПП к СП, однако он отвергал предположение о заимствовании в СП статьи о кровавом муже из подобной, но более полной статьи в составе Кормчих, содержащих списки Чудовского извода ПП. По мнению Тихомирова, Чудовский извод ПП, от которого произошел Ферапонтовский, сам был правлен по протографу СП. Исследователь отмечал, что отдельные отрывки СП ближе к Краткой Правде, чем к Пространной, и делал вывод, что СП лучше, чем ПП, передавала текст, заимствованный из источника, аналогичного КП. ПП, по мнению Тихомирова, производит впечатление текста, интерполированного по сравнению с СП.

К примеру, ученый указывал на противоречие в Троицком списке ПП текста ст. 46: «Аже будутъ холопи татие любо княжи, любо боярьстии, любо чернечъ, их же князь продажею

¹ Там же. С. 190.

не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко істьцю за обиду» заголовку этой статьи: «Аже будут холопи татье, судъ княжь». В Ферапонтовском списке в отрывке «продажею не казнить» частица «не» отсутствует, и противоречия нет. Нет его и в СП: «Аже будут холопи тати, то суд княжь, их же князь обиду платить исцу» (ст. 14). Слова «судъ княжь» отсутствуют в заголовке к данной статье в Пушкинском списке. Тихомиров считал, что эти слова попали в Троицкий и Синодальный списки, где они имеются, из источника, близкого к СП, а фрагмент «любо княжи, любо боярьстии, любо чернечъ» – позднейшая вставка. Источник СП говорил только о княжеских холопах, за которых платил князь. ПП расширила число субъектов, но осталось неясным, кто платил за обиду. Один из аргументов Тихомирова заключался также в том, что СП зачастую дает более ясный текст, чем ПП.

Все эти и другие наблюдения привели Тихомирова к выводу о том, что СП сохранила более ранний состав, чем ПП. Ученый указывал на ряд механических сокращений в тексте СП и предполагал, что протограф СП был обширнее имеющегося текста и подвергся сокращениям при внесении в Кормчую в конце XIV или в начале XV в. во время составления последней. В то же время Тихомиров отмечал и поновление терминологии СП, которое он тоже связывал с деятельностью ее позднейшего редактора. В нынешнем виде СП, согласно Тихомирову, представляет собой компиляцию, источниками которой в числе прочих были некая особая редакция КП и статья о кровавом муже. Ученый указывал на характерные особенности СП.

СП отличается однородностью терминологии (называя, например, только холопов, но не челядинов); проявляет уклон в сторону княжеских интересов; статья о резах (ст. 16) никак не ограничивает взимание кун, данных в резы (опускает Устав Владимира Мономаха об ограничении резомства и др.). Термин «видок», имеющийся в СП, по мнению Тихомирова, – специфически новгородский. Это слово и другая терминология СП, а также иные особенности данной

редакции, с точки зрения ученого, указывают на то, что ее протограф возник в Новгородской земле¹.

Уже после выхода первого тома академического издания Любимов открыл новые списки Русской Правды, включая находящийся в составе Кормчей список Ферапонтовского вида, названный им Никифоровский II и датированный третьей четвертью XVI в. Текст этого списка очень близок к СП, в некоторых случаях схоже и расположение статей. Состав Никифоровской II Кормчей близок к составу Кормчих, включающих СП. Как и в Кормчих, содержащих СП, в Никифоровской II Кормчей заголовок «Соуд Ярославль Володимеричя» стоит перед тем же текстом Устава Владимира и собственно Русской Правдой. Между ними, однако, помещены статьи о послушестве и о кровавом муже, в Ферапонтовских Кормчих также предшествующие ПП. Перед самой ПП заголовок с именем Ярослава повторен. Составитель Никифоровской II Кормчей не включил полностью в текст ПП статью о кровавом муже, сославшись на то, что «писал назади» (перед текстом ПП). Составителю СП оставалось только воспользоваться готовой ссылкой и включить эту статью в свой текст. Любимов относил СП ко времени не ранее 60-х гг. XVI в. и не позднее середины XVII в., рассматривал ее как сокращение Никифоровского II или близкого списка ПП. В Кормчих, содержащих СП, сокращена не только Русская Правда, но и ряд других материалов. Вероятно, в некоторых случаях цели таких сокращений и купюр, произведенных при создании СП, аналогичны – приблизить древний текст к современности. Например, такие пропуски есть в Избрании из законов Моисеевых. Как СП опускает имена князей (и упоминания исторических событий), так и содержащие ее Кормчие склонны опускать географические названия. Все это указывает на то, что создатель протографа этих Кормчих и был составителем СП².

¹ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде... С. 185, 187–197.

² Правда Русская / под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1947. Т. II: Комментарии / сост. Б. В. Александров и др. С. 840–862.

С. В. Юшков присоединился к мнению большинства историков о московском происхождении СП (VI редакции Русской Правды в его классификации) и о том, что ее источником был один из списков ПП, подвергнутый обработке в соответствии с положениями московского права. Вслед за Максимейко Юшков считал, что это был список, близкий к списку Царского ПП. Однако он полагал, что СП предшествовала Белозерской грамоте и Судебнику 1497 г., и датировал ее XV в. По мнению Юшкова, к этому веку устарел ряд норм Русской Правды, исключенный при создании СП, а с другой стороны, позднее уже сложилась развитая система московского права, и перерабатывать устаревшую Русскую Правду не было смысла¹.

Юшков отмечал, что особенности Сокращенной Правды можно объяснить из текста Пространной Правды, не прибегая к предположению Тихомирова о предшествовавшей последней особой редакции. Если Тихомиров считал, что ряд чтений СП ближе к КП, чем к ПП (см. выше), то Юшков показал, что близкие чтения есть в списках ПП и, следовательно, могли быть в том списке ПП, из которого была составлена СП. Тихомиров предполагал, что ПП была правлена на основе СП, в то время как Юшков указывал на обратную зависимость. Касаясь предположения Тихомирова о противоречии статьи ПП о холопах-татах ее заголовку, Юшков отметил наличие тридцати списков ПП, в том числе Ферапонтовского извода, в которых данного заголовка нет. Если Тихомиров находил в данной статье ПП противоречие, то Юшков, наоборот, считал понятным текст ПП, в котором говорится о том, что холопы не платят продажу, а неясным – соответствующий текст СП, из которого не понятно, почему князь присвоил исключительно себе суд над холопами и почему он должен самолично удовлетворять претензии пострадавших. Тихомиров отмечал большую ясность СП в сравнении с ПП, что также может говорить о более позднем характере ПП, но Юшков писал, что, напротив, более поздние памятники

¹ Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2010. С. 48–78.

для нас понятнее. Тихомиров связывал происхождение СП с Новгородом, но Юшков опроверг его доводы. Так, по мнению Юшкова, не может быть уверенности в том, что термин «видок» – специфически новгородский¹.

Юшков, основываясь в значительной мере на работе Максимейко, рассматривал сокращения текста и добавления, сделанные при создании СП. Он отмечал, что были исключены статьи о социальных группах, имевшихся в Киевской земле, но отсутствовавших в Северо-Восточной, а затем в Московской Руси. Так, исчезли термины «огнищанин», «смерд», «закуп», «рядович», «кормилец», «кормилица», «ремесленник», «ремесленница». Сокращены и изменены статьи об убийстве. Например, сузился круг мстителей в ст. 1. Юшков, вслед за Максимейко, считал, что здесь под мезтью понимается право возбуждать судебное преследование. Из статей об убийстве также исключены упоминания ряда социальных групп и проведены иные изменения с целью сближения с московским правом. Чтобы избежать сложных дополнений, учитывающих северно-русские и московские разряды населения, составитель СП ограничился указанием «разсудити по муже смотря» (ст. 1). Исключение статей об условиях и порядке платежа дикой виры (кроме ст. 8) связано с исчезновением этого явления. В СП отсутствуют статьи о преступлениях против телесной неприкосновенности. Юшков следует за Максимейко в предположении, что штрафы, установленные здесь в ПП (12 гривен и 3 гривны), относились только к преступлениям против представителей «военно-землевладельческого» класса (у Юшкова – феодалов). В Московском государстве большинство данных преступлений вошли в новые составы – бесчестие и увечье (см. Правосудие митрополичье и ст. 26 Судебника 1550 г.). Развернутый тариф за бесчестие и увечье лиц разных категорий приведен в ст. 27–99 гл. X Уложения 1649 г. В ПП этой дифференциации не было, и составитель СП опустил статьи о преступлениях данного рода.

¹ Там же. С. 52–59, 73–74.

Юшков указывал, что часть статей об имущественных преступлениях в СП пропущена, часть – изменена. По его мнению, это объясняется стремлением сократить материал, который казался составителю непонятным. Кроме того, переработка и в данном случае могла быть вызвана влиянием московского права. Например, по ПП кража скота в хлеву каралась строже, чем кража скота в поле, в московском праве – наоборот. Согласно Максимейко, это противоречие вынудило составителя СП исключить статью о краже скота в поле. Однако Юшков предполагал, что, когда СП была составлена, в Московском княжестве еще не получил распространение этот принцип и оба вида кражи карались одинаково. В этом случае, по мнению ученого, составитель должен был исключить статьи о разных наказаниях и заменить их общей, что и было сделано (ст. 13). Переработку и значительное сокращение иных статей о повреждении или краже чужого имущества Юшков объяснял тем, что в Северо-Восточной Руси, и в частности в Московском княжестве, не было тех хозяйственных объектов, которые существовали в Киевской Руси, и составитель опустил или видоизменил неясные для него нормы. Юшков писал, что после распада Древнерусского государства в Новгородской земле и Северо-Восточной Руси закупничество сменилось кабальными отношениями. Соответственно, составитель СП исключил статьи о закупничестве. Пропущены были и статьи, по которым для признания определенных займов действительными не требовались послухи. Это связано с изменением формы заключения займа, распространением письменной формы. Составитель ограничился тем, что сохранил общую норму (ст. 16 СП). Также опущены статьи о величине процентов по займам, поскольку нормы об этой величине изменились. В области наследственного права СП опускает ст. 90 ПП о наследовании смердов, т. к. этот термин исчез, и ст. 103 и 106 ПП о наличии собственности у матери и праве распоряжаться этой собственностью, что Юшков объяснял утратой матерями права делать завещательные распоряжения в отношении своего имущества.

Заметна переработка статей, касающихся процессуального права, что было вызвано изменениями в судебной практике. Исключено большое число статей о судебных доказательствах. Так, опущены статьи об ордалиях, поскольку они начали уступать другим видам судебных доказательств. В оставшихся статьях изменены отдельные части, в том числе о процедуре свода, хотя свод как институт сохранен. Исключены все статьи о судебных пошлинах и других сборах. Переработаны статьи, по которым в праве Северо-Восточной Руси, а затем в московском праве расширились права холопов как послухов, а затем свидетелей¹.

Юшков считал, что, если СП создана с практической целью для применения в судах, не было смысла составлять ее после издания Царского судебника и особенно в период московской кодификации 1649 г. В XVI–XVII вв. сложилась развитая система московского права, в сравнении с которой СП являлась «примитивом, не имеющим особого практического значения». Юшков утверждал, что при составлении Уложения 1649 г. невозможно было пользоваться такой небрежной и краткой переработкой, как Сокращенная Правда: даже в Судебник 1497 г. были заимствованы только две статьи Русской Правды. Ученый отрицал связь СП с московским правом XVI–XVII вв., поскольку в СП сохранены такие архаические элементы, как вира в 80 гривен, «вина» в 9 гривен, дикая вира, продажи и уроки, размер которых тождественен размеру в ПП. В работе составителя СП прослеживается определенная и строго проводимая система отношений к нормам ПП, поэтому, согласно Юшкову, СП была создана, когда нормы ПП еще не окончательно потеряли своего значения и ранее попыток кодификации права в Северо-Восточной Руси: издания Белозерской грамоты и Судебника 1497 г. Ученый относил СП к первой или, в крайнем случае, ко второй половине XV в. По мнению Юшкова, СП свидетельствует, что Русская Правда не была отброшена, но длительное время существовала в качестве источника права, причем предпринимались попытки приспособить ее к действующему

¹ Юшков С. В. Русская Правда. С. 60–72.

праву. По словам ученого, СП, наряду с Правосудием митрополичим, заполняет пробел в истории памятников русского права между Русской Правдой с одной стороны и Псковской судной грамотой и Судебником 1497 г. – с другой. При этом Юшков признавал, что эта обработка одного из списков ПП была неудачной, часто составитель СП лишь пытался свести «концы с концами»¹.

В описании списка Царского III в академическом издании сказано, что ст. 28 о кровавом муже написана по соответствующей добавочной статье, отсутствующей в самом сборнике, а затем выправлена по тексту статьи Русской Правды (т. е. имеет место объединение данных текстов)². В более поздней работе Тихомиров, принимавший участие в подготовке академического издания, писал, что Юшков не заметил этого факта. «Таким образом, – заключает Тихомиров, – Царский III список не является источником Сокращенной Правды, а сам по ней правлен»³. Однако текст Русской Правды, использованный здесь, совсем не обязательно являлся именно текстом СП.

Е. И. Колычева рассматривала СП как решительную попытку преобразовать Русскую Правду в духе действующего права путем исключения устаревших норм. Она предполагала, что СП возникла не раньше XV в. Пропуски и изменения текста в СП в некоторой мере отразили нормы права этого и близкого периодов, в том числе нормы, связанные с холопами⁴.

А. А. Зимин также отводил текстологические и иные аргументы Тихомирова в пользу раннего происхождения СП. Ученый связывал возникновение СП с интересом позднейших «переписчиков-юристов» к нормам древнерусского права. Он писал: «составитель Сокращенной Правды руководствовался стремлением приспособить древнерусский

¹ Юшков С. В. Русская Правда. С. 75–78.

² Правда Русская. Т. I. С. 242.

³ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения... С. 27.

⁴ Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV – XVI в.). М., 1971. С. 202–240.

законодательный кодекс к новым условиям жизни не добавлением в него каких-либо новых правовых норм, а путем изъятия статей, которые резко противоречили изменившемуся социальному строю и праву России XVI–XVII вв.». Зимин считал, что наличие большого числа списков Русской Правды XVI–XVII вв. свидетельствует о ее широком использовании в Русском государстве. К ней обращались, когда не находили ответов в более позднем законодательстве, при этом ее текст иногда модернизировался. Если Тихомиров отвергает возможность возникновения СП путем простого сокращения списка Ферапонтовского или иного извода ПП, указывая на текстуальные отличия и заимствования из особой статьи о кровавом муже (см. выше), то Зимин считает, что текст статьи о кровавом муже в СП восходит к особой статье о кровавом муже, включенной в сам список ПП. По мнению Зимина, составитель СП сократил данный текст, изъяв некоторые устаревшие элементы. Тихомиров указывал на несколько фрагментов, свидетельствующих, по его мнению, о том, что СП лучше, чем ПП, передавала текст, заимствованный из источника, аналогичного КП. Зимин анализировал не отдельные фрагменты, а более крупные части текста, и пришел к выводу, что и данный текст СП ближе к ПП. Зимин отмечал, что совпадения чтений СП с КП незначительны и носят случайный характер. Относительно статьи о холопах-татах Зимин указал, что Тихомиров пропустил фрагмент «то суд княж» в Ферапонтовском списке. По мнению Зимина, в архетипе ПП эта статья говорила о том, что князь не наказывал холопов продажей (штрафом), но их хозяин уплачивал двойную «обиду». При этом суд оставался княжеским, и противоречия в Троицком списке нет. Поэтому дефектом является именно пропуск частицы «не». Поскольку холопы недееспособны и не могли платить штраф, составитель СП понял текст так: «их же князь обиду платить исцу». Зимин опровергал наличие и других интерполяций в ПП, приведенных Тихомировым. Юшков писал, что перерабатывать Русскую Правду после издания Судебника 1550 г. и позднее не было смысла (см. выше). Зимин, напротив, считал,

что Русской Правдой живо интересовались в этот период, поскольку в ней имелись нормы, отсутствовавшие в московском законодательстве. Поэтому была осуществлена попытка переработки ПП в практических целях¹.

Зимин рассмотрел основные изменения в тексте СП по сравнению с ПП. Эти изменения, с его точки зрения, заключались в попытке приспособить нормы Русской Правды к реалиям XVI–XVII вв. в основном путем исключения устаревших норм. Впрочем, значительная часть исключенных норм, согласно Юшкову, устарела и к более раннему времени. Памятник назван «указ», что, как отмечает Зимин, было в духе московского законодательства XVI–XVII вв. Кроме того, текст был упрощен, ему придавалась бóльшая четкость, устранялись повторы (имевшие место с точки зрения составителя). По мнению Зимина, СП является попыткой кодификации русского права. Попытка не удалась, и это, по мнению ученого, объясняет то обстоятельство, что СП не получила большого распространения. То есть СП составлялась с практической целью, но применения на практике не нашла. Зимин назвал другие подобные попытки кодификации: Двинской Судебник 1589 г., Сводный Судебник (около 1606 г.) и Московская редакция Литовского статута XVII в.²

В целом Юшков и Зимин успешно опровергли гипотезу Тихомирова о том, что СП представляет собой особую древнюю редакцию, хотя эта гипотеза имеет свои сильные стороны и встречается в литературе и в настоящее время³. По мнению Д. Х. Кайзера, напротив, именно предположение о том, что СП («Abbreviated Pravda») является отдельной (особой) редакцией, было наиболее спорным в исследовании Тихомирова⁴.

¹ Зимин А. А. Правда Русская. С. 335–350.

² Там же. С. 350–354.

³ Например: Георгиевский Э. В. К вопросу об общей характеристике и происхождении Русской Правды // Сибирский юридический вестник. 2009. № 1 (44). С. 76–77, 84.

⁴ Kaiser D. H. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, N. J., 1980. P. 34.

Против построения Тихомирова говорит и последовательность статей СП, в целом соответствующая ПП¹. Если СП восходит к особой редакции, более обширной, чем она сама, и более ранней, чем ПП, необходимо предположить, что порядок ее статей изначально был близок к порядку статей ПП (что невозможно) либо статьи ПП были выстроены по образцу этого обширного протографа СП, что является более сложным предположением, чем сокращение и некоторая переработка одного из списков ПП. Следует отвергнуть и предположение об общем источнике ПП и обширного протографа СП. Этот общий источник мог бы определить схожий порядок статей, но трудно объяснить, почему ПП сохранилась в большом числе списков (около сотни), а редакция Тихомирова – ни в одном. По той же причине нельзя предполагать и происхождение ПП непосредственно от редакции Тихомирова, существовавшей, по его мнению, до XV в. и имевшей более ясное содержание, но не сохранившейся, однако, ни в одном списке.

Тихомиров указывал и на обезличенность СП: отсутствие в ее тексте указаний на князей в отличие от позднейших изводов, напротив склонных к высокому титулованию прежних князей². Но, как указал Любимов, содержащим СП Кормчим свойственны пропуски подобного характера. Ранний характер Второй редакции Устава Владимира и наличие ее уже в Варсонофьевской Кормчей XIV в., вопреки Тихомирову (см. выше), не могут свидетельствовать о древности соединения Устава и ПП. Кроме того, в данном виде они были соединены именно в Никифоровской II Кормчей или в ее непосредственном протографе, т. е. явно позднее XIV в.

Как указывал Любимов, сокращения, близкие по характеру к произведенным в СП, есть и в других текстах в составе содержащих СП Кормчих. Это обстоятельство, вероятно, и дает ключ к решению вопроса о происхождении СП.

¹ См.: Памятники русского права. Вып. 1. С. 224–225.

² Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде... С. 184.

Сокращенная Правда – обработка ПП, попытка адаптировать и актуализировать ее текст для современников.

Как сказано выше, Максимейко связывал СП с кодификацией Уложения 1649 г. и сравнивал ее с Московской редакцией Литовского статута. Однако прав Тихомиров, указывающий на огромную разницу между этими двумя памятниками в проработанности норм; «...какое значение мог иметь в XVII веке такой скудный юридический памятник...?» – писал ученый о СП¹. Создание СП после издания Судебника 1550 г. и последующих московских правовых актов маловероятно. Анализ соотношения норм Русской Правды с московским правом, проведенный исследователями в связи с изучением СП, как раз и демонстрирует, что значительная часть этих норм к московскому периоду устарела, а в поздний период какая-либо попытка практической переработки Русской Правды и вовсе представляется бессмысленной. Но и к древнему периоду СП относить нельзя. Компромиссом здесь может быть датировка СП московским периодом, но более ранним – сближение ее по времени с Судебником 1497 г. Списки Ферапонтовского вида ПП датируются XVI–XVII вв. Любимов считал, что сам этот вид возник около середины XVI в., т. к. Ферапонтовский список середины XVI в., по его мнению, или сам является протографом вида, или близок к протографу, поскольку дополнения текста, характеризующие данный вид, частью внесены в сам текст, а частью тем же писцом еще записаны на полях. Но, поскольку Ферапонтовский вид произведен от более раннего Розенкампфовского², протограф первого и даже списки, близкие к Никифоровскому II, могли существовать и несколько раньше³. Зимин допускает, что протограф ряда списков Розенкампфовского вида, включая список конца XV в., правлен по тексту Ферапонтовского вида, поэтому протограф последнего, вероятно, возник не позднее конца XV в.⁴, что дает возможность датировать близким временем

¹ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде... С. 184.

² Правда Русская. Т. I. С. 47–51.

³ Ср.: Юшков С. В. Русская Правда... С. 77.

⁴ Зимин А. А. Правда Русская. С. 173.

и СП. Кроме того, следует отметить, что текст СП – слишком значительное преобразование ПП, чтобы предполагать его единовременное создание в нынешнем виде. Он мог быть составлен в несколько этапов.

Можно назвать памятник права, цели создания которого могут быть близки к целям создания СП.

Правосудие митрополичье – правовой памятник, известный в единственном списке в составе церковного сборника «Цветник» начала XVI в. Правосудие отражает влияние норм светского права на церковное. В то время как большинство ученых относили создание Правосудия митрополичьего к XIII–XV вв.¹, В. Н. Автократов датировал его «периодом между 1497 годом и палеографически установленным временем написания списка памятника – началом XVI века». Ученый отмечает в числе прочих источников Правосудия митрополичьего памятники права XV в., включая, возможно, и сам Судебник 1497 г., поскольку заметное влияние структуры Судебника прослеживается в центральной части Правосудия (ст. 13–21), а также в целом в правовой тематике и содержании статей. Однако при этой датировке необходимо объяснить сравнительную архаичность Правосудия, из-за которой его относили к более раннему времени. Автократов пишет: «Целью составления памятника следует считать попытку заменить основные положения Судебника 1497 года нормами устаревшего новгородского права», поскольку Судебник, как считал Б. Д. Греков, был неприемлем «для сторонников старых порядков». Тем не менее составитель Правосудия включил ряд положений, свидетельствующих об усилении в Новгороде власти московского великого князя. Поэтому в Правосудии находятся нормы действовавшего права, но они, согласно ученому, в ряде случаев подверглись умышленной архаизации. Значительное место занимают нормы явно устаревшие и, по мнению Автократа, включенные в текст в связи с общим

¹ См.: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. акад. Л. В. Черепнин; изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 208.

для данного периода усиленным интересом к памятникам новгородской старины¹.

СП, подобно Правосудию митрополичьему, также может рассматриваться в качестве продукта «умышленной архаизации». Если Судебник 1497 г. и позднейшие московские своды законов закрепляли новые правоотношения путем введения новых норм, то СП исключала явно устаревшие статьи, сохраняя и несколько видоизменяя более приемлемые, что можно объяснить стремлением к сохранению традиционного права, попыткой опереться на «уставы старых князей»² в изменившихся условиях.

Подобный «традиционализм» для данной эпохи не был уникальным. Именно в XV в. и последующих столетиях создается большое число списков в значительной мере устаревшей Пространной Правды³; к XV в. относятся и два единственных известных аутентичных списка КП. Если в древнерусский период Русская Правда имела огромное значение и, как указывает В. Я. Петрухин, единым законом объединяла разные категории населения⁴, то в московский период развитие правоотношений привело к тому, что Русская Правда, даже несмотря на упомянутую модернизацию, не могла в полной мере применяться в практических целях.

Итак, Сокращенная Правда – сравнительно поздний вариант текста Русской Правды. Она представляет собой своеобразную адаптацию Русской Правды для современников и одновременно, возможно, попытку опереться на старые законы.

¹ Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства, XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. С. 420, 426–432 (текст памятника), 438–440.

² Фраза из Новгородской первой летописи младшего извода, события под 1209 г. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 248).

³ См. таблицу: Колычева Е. И. Холопство и крепостничество... С. 203.

⁴ Петрухин В. Я. К проблеме происхождения Русской Правды // Тысячелетие Русской Правды – обретение новых смыслов: тез. науч. конф., г. Волгоград, 21–22 апр. 2016 г. Волгоград, 2016. С. 140–144.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

СУДНОЕ ДЕЛО
по челобитной тихвинского посадского человека
Василия Филиппова на приемыша его бабки
вдовы Авдотьи красильницы Карпа Васильева
по иску о краже денег, меда и краски.

Не позднее 1649 г. февраля 25 – февраля 27.

Не позднее 1649 г. февраля 25. – Челобитная тихвинского посадского человека Василия Филиппова игумену Тихвинского Успенского монастыря Симеону и келарю старцу Сильвестру с братией на Карпа Васильева по иску о краже денег, меда и краски.

(л. 1) Государю игумену Симеону, государю келарю старцу Селивестру еже о Христе з братьею бьет челом Пречистые Богородицы и вас, государей, посадцкое житеишко Васка Филипов.

Жалоба, государи, мне на малово своего вскормленника на Карпушку. Взят, государи, он у нас сиротиною малым робенком Бога ради, и кормили его лет дватцеть. Пил, и ел, и платье, и обувь носил все готовое. И промыслу, государи, его красильному выучил. Не заставлял его ни дров сечь, ни молоть. Всем животом моим и чюжим владел, и в лавке за товары сидил, а в кабалы его нигде не кабалил. А ныне, государи, он учал из моего товару себе собину копить и мои деньги красть. И яз его приметил, что у нево другая мошна в штанех, где краденые деньги кладет. И яз, приведши домой, хотел у нево деньги свои взять. И бабка наша денег у нево взять не дала. И как яз вышел в торг, и она ево и отпустила.

Абеленцева Ольга Алексеевна (Санкт-Петербург) – ФГУН «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук», Отдел древней истории России, ученый секретарь, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук.

Olga Al. Abelentseva – St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher, Department of Ancient History, Scientific Secretary, Senior Researcher; Ph.D. (History).

oaabelen@mail.ru

© О. А. Абеленцева, 2018

А роскучил он, государи, меду моево две бадьи, о празднике взяты в долг у Ивана Прокофьева. Цена меду дватцеть один рубль. И он деньги себе копил, а отчету мне не отдал. И что с Москвы прислано у меня было товару, и он продавал и деньги себе имал, а отчету мне тоже не давал. А живот, государи, у меня чужой ведомо вам, государем. И ныне, государи, накопя себе он своим воровским умыслом денег, и от меня отшол, а снес краски с собою пять фунтов. И я, государи, на ево приказным являл, а вам, государем влаstem, не бил челом по се время, ждал от нево обращения.

Смилуйтесь, государь святой игумен Симеон, государь келарь старец Селивестр, пожалуйте, государи, на тово моево вскормленово детину оборонь. А в животе моем, государи, и в деньгах велите ему отчот дать, чтоб мне вконец не погинути потому, что живот чужой. Государи, смилуйтесь.

Шлюся, государи, на весь Тихвинской посад от мала и до велика и на весь торг, на рядович на Якова Королева, на Степана на Чернятина, на Андрея Некрасова и на брата его Семена, и на их детей, и на племянников, и на Никиту Самсонова, и на Рекшиных на Афанасья и на Василья в том, государи, что тот малой Карпушка за моим животом в лавке сидил и торговал. А сверх тово, государи, шлюся на окольних сусед, как он, Карпушка, у меня жил, яз его учил промыслу и добру, а он меня не слушал, все за воровством пошол.

(л. 1об.) Помета о решении соборных старцев по челобитной: 157-го февраля в 25 день по приказу игумена Симеона и келаря старца Селивестра с братьею тиуну Федору Андрееву с товарищи, и головам, и целовальником допросить Овдотьи красильницы, которым обычаем Карпушка отшол, самовольством ли или Васка збил, и как жил, чью обувь и платье носил, и за Васкиным товаром собину копил ли, и, как отшел, уловные деньги и краску пять фунтов снес ли. И, записав, та записка за руками положить на собор.

1649 г. февраля 27. – Допросные речи вдовы Авдотьи красильницы в таможенной избе перед монастырским тиуном

Федором Андреевым и таможенными головами Степаном Давыдовым и Алексеем Семеновым по челобитным Карпа Васильева и Василия красильщика.

(л. 2) 157-го февраля в 27 день в таможенной избе перед тиуном перед Федором Андреевым да перед головами перед Степаном Давыдовым да перед Алексеем Семеновым с товарищи против челобитных Карпушки Васильева да Василья красильника ево Васильева бабка вдова Овдотья допрашивана.

А в допросе сказала, что тово малово после отца ево и матери взяла она, Овдотья, полутоду и вспоила и вскормила она ево. И жил у внука еи десять лет и работал работу всякую. А красильному учила ево, малово, она, Овдотья, а не Василей. А ево, Василья, вскормила и с сестрою с ево з девкою с Марьицею она же, Овдотья. И живет Василей ныне в еи же дворе. А з двора Василей малово Карпушку збил в Зборное воскресенье. А что у нево было Васильевых денег, что выкучил за яблока, и те деньги взяла у малово у Карпушки она, Овдотья, и отдала Василью. А краски он пяти фунтов от Василья з двора не снашивал, и иных животов ничево. Все животы у нево лежат за замком. Збил ево з двора в одном в кафтанишке. А за медом он, Карпушка, у Василья ни сиживал потому, что Василей купил мед в субботу канун Зборново воскресения, а в Зборное Воскресение ево з двора збил. И тот мед Василей продавал сам с ыным с малым с Сенькою Ялгинским. А Карпушка в ту пору з двора был збит.

Рукоприкладства: (л. 2) Целовальники Труба и Никитка седили у спросных речей и руку приложил. (л. 2об.) К сему допросу Степанко руку приложил. К сему допросу Олешка руку приложил.

1649 г. февраля 27. – Приговор соборных старцев по делу.

(по склейке л. 1об.–2об.) 157-го февраля в 27 день келарь старец Селивестр з братьею сего сыскного дела на соборе слушали и, выслушав, приговорили на соборе: тиуну Федору Андрееву с товарищи по сему обыску и велети таможенным

головам, и целовальником, и треим межи ими приговорить, что ему доведетца за десеть год Карпушки за работу дать, по тому их и розвести.

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 4. Л. 1-2.
Подлинник.*

**Суд «в Божью правду»:
судебное производство
на посаде Успенского Тихвинского монастыря
в середине XVII века**

Статья посвящена изучению судебного производства и делопроизводства, практиковавшихся в середине XVII в. в Успенском Тихвинском монастыре. На конкретных примерах из судебной практики показано доминирование христианских нравственных начал в процессе принятия судебных решений.

Ключевые слова: Успенский Тихвинский монастырь, Тихвинский посад, судебное производство XVII в.

Olga Al. Abelentseva

**The court “In God’s Righteousness”:
Judicial proceedings in the Tikhvin Assumption Monastery
in the middle of the 17th century**

The paper is devoted to the study of judicial proceedings and records’ making in the Tikhvin settlement (*Posad*). The dominance of Christian moral principles in making of judicial decisions is demonstrated on specific examples from the judicial practice.

Keywords: Tikhvin Assumption Monastery, Tikhvin settlement, judicial proceedings in 17th century.

Одной из составляющих монастырских архивов являются документы судебного производства. Игумену Успенского Тихвинского монастыря жалованной грамотой было предоставлено право суда над братией, священниками, жителями Тихвинского посада и крестьянами монастырских вотчин по всем делам, за исключением тяжких уголовных преступлений – душегубства, разбоя и татьбы с поличным¹.

Право суда было одной из важнейших прерогатив власти. Практическое его исполнение делегировалось в нижние инстанции вплоть до волостных людей, но сакральный смысл судебной власти как исходящей от помазанника Божия

¹ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1: Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / сост. О. А. Абеленцева. М.; СПб., 2015. С. 179–193.

находил проявление на всех ступенях властной иерархии. Сакральное начало предполагало, что суд, принимая решения, должен был руководствоваться христианскими нравственными ценностями. Рассмотрим особенности судебного процесса и делопроизводства на посаде Успенского Тихвинского монастыря в XVII в. на примере двух судебных дел, относящихся к 1649 г. В этих, наиболее ранних из сохранившихся в архиве монастыря, судебных делах ясно виден приоритет нравственного начала в рассмотрении судебных дел и вынесении судебных решений.

Первое дело¹ было начато по иску посадского человека Василия Филиппова к его приемышу «вскормленнику» Карпу, который, по словам истца, был взят в дом сиротой, проживал там в течение 20 лет, был обучен красильному ремеслу, торговал в лавке истца, но со временем стал присваивать выручку. Истец запер приемыша у себя во дворе, желая получить отчет в деньгах, но бабушка Василия выпустила Карпа, и он скрылся, прихватив 5 фунтов краски.

Истец подал челобитную монастырским властям – игумену Симеону и келарю Сильвестру с братией. В ней Василий перечислил свидетелей обвинения. Тихвинские рядовичи должны были подтвердить, что приемыш действительно торговал в его лавке, а соседи – что сбежавший ответчик жил у Василия в доме и обучался ремеслу. Карп Васильев подал встречный иск, о котором упоминается в деле, но его содержание нам неизвестно, как нет и данных о том, что по нему велось отдельное производство.

Если бы судебное разбирательство пошло обычным процессуальным порядком, то собор старцев Успенского Тихвинского монастыря отдал бы распоряжение кому-либо из монастырских слуг или должностных лиц на посаде о ведении процесса. Им следовало бы обеспечить явку в суд свидетелей и ответчика, получив у него поручную запись о явке в установленный срок. Об этом на обороте челобитной обычно

¹ Архив СПБИН РАН. Ф. 132 (Успенский Тихвинский монастырь). Оп. 1. Карт. 3. № 4. Материалы дела публикуются в настоящем сборнике (см. с. 210–213). – *Примеч. ред.*

делалась помета. В данном деле помета тоже имеется, но с другим указанием. Монастырскому тиуну Федору Андрееву, таможенным головам и целовальникам было поручено допросить бабушку истца Авдотью-красильницу об обстоятельствах жизни и бегстве приемыша, записать ее показания и представить их собору.

Допрос Авдотьи проходил в центре деловой и административной жизни Тихвинского посада – таможенной избе. Из допросных речей следует, что именно она, Авдотья, взяла в дом полуугодовалого приемыша Карпушку, вырастила и научила ремеслу, она же вырастила своего внука Василия Филиппова и его сестру. Также Авдотья полностью отрицала обвинения в адрес Карпа в воровстве, утверждая, что будто бы похищенная им краска на самом деле спрятана у ее внука Василия в доме «за замком». Доклад монастырского тиуна собору старцев монастыря о допросе Авдотьи, видимо, был сделан в устной форме, т. к. в деле его нет.

Очевидно, Авдотья имела хорошую репутацию у властей и жителей посада, т. к. дальнейшее расследование не проводилось, в деле нет судебных прений сторон – судных речей и допросных речей свидетелей, на которых ссылался истец, а на обороте документов в месте склейки листов, соединяющей челобитную с допросными речами, был записан приговор по делу. Келарь Сильвестр и соборные старцы указали тиуну Федору Андрееву с товарищами дать распоряжение таможенным головам, целовальникам и третейским судьям определить сумму, которую истец Василий Филиппов должен выплатить своему приемышу Карпу за 10 лет работы. То есть если Карп был взят в дом Авдотьи в полуугодовалом возрасте и прожил там 20 лет, то оплате подлежал его труд начиная с 9,5 лет.

Из рассмотренного дела видно, что на судебном процессе не ставилась задача соблюсти все процессуальные этапы. Ход его определялся ситуативно. Оформление дела производилось, если можно так выразиться, по упрощенной схеме: приговор по делу зафиксирован в виде пометы на обороте документов.

Второе рассматриваемое нами дело¹ было гораздо более серьезным по составу участников и сумме иска. Оно было открыто в связи со смертью посадского торгового человека Семена Минина², занявшего по двум кабалам 101 рубль у сына боярского Ефима Бухарина. Заемщик, как следует из дела, страдал склонностью к спиртному. Заняв деньги, он отправился в Стокгольм, где устраивал роскошные пиры, обошедшие ему, по словам других русских купцов, в сумму не менее 300 люблинских ефимков. Вернувшись на Тихвинский посад, он продолжил пить, затем, не заплатив явочных пошлин, уехал с товаром в Москву, где также пил и, наконец, скончался. При этом и на посаде, и в Москве Семен подавал исковые челобитные на разных лиц, в том числе и на своего брата Тимофея Минина, желая уклониться от уплаты долгов.

После смерти Семена челобитную монастырским властям подали состоятельные посадские люди Дорофей Перфильев, Максим Харлампиев и Иван Артемьев, которые ранее поручились по его займам. Свой иск они адресовали брату покойного Тимофею Минину на том основании, что он будто бы обещал заплатить долг брата, а кроме того, завладел имуществом покойного. В распорядительной помете на обороте челобитной игумен Симеон и келарь старец Сильвестр поручили провести судебное разбирательство казначею старцу Стефану и тиуну Стефану Матфееву с товарищами и дать суд: «157-го апреля в 14 день по приказу игумена Симеона и келаря старца Селивестра з братьею старцу Стефану и тиуну Стефану Матфееву с товарищи перед таможенным головам и целовальником Стефаном Давыдовым да Алексеем Семеновым с товарищи по сей челобитной дать суд в Божью правду»³.

На суде должны были присутствовать таможенные головы, но фактически в заседании участвовали судьи –

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 7.

² Подробнее о роде тихвинских посадских людей Мининых см.: Поляков И. А. История семьи торговых людей Мининых на Тихвинском посаде // Петербургский исторический журнал (в печати).

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 7. Л. 1об.

казначей старец Стефан и монастырский слуга Иван Стефанов, и 9 целовальников – посадских людей из состоятельных семей. Из материалов дела следует, что до отъезда Семена Минина в Стокгольм братья совершили раздел имущества и долгов. Однако Тимофей все же дал отъезжавшему за рубеж брату по кабале товара на 294 рубля. После возвращения Семена в Тихвин Тимофей поспешил взыскать с него долг, но это удалось только после вмешательства властей. В уплату он получил в основном медь. Предвидя иски к нему по долгам брата, Тимофей действовал осмотрительно, заплатил за медь перекупную пошлину, подал явку властям о намерении брата Семена уехать в Москву, предупреждал поручителей.

Основным доказательством того, что Тимофей будто бы обещал оплатить долги брата, стали свидетельства священников посадских храмов Максима и Пантелея, которые они дали во время расследования (обыска) по челобитной Семена Минина, составленной еще до его отъезда в Москву. По словам Тимофея, священники Максим и Пантелей «послушествовали» (лжесвидетельствовали) на него, т. к. имели к нему свои имущественные претензии. Священник Пантелей Афанасьев, к приходу которого принадлежал Тимофей, требовал от него в качестве подарка ткань – черный мухояр на постные ризы, о чем написал ответчику грамотку с угрозами и бранью. Другой священник, Максим, был женат на сестре Тимофея и Семена Мининых и потребовал для жены часть наследства их третьего брата Ивана Минина, которую она не получила, т. к. Максим, в свою очередь, продал Тимофею двор на посаде, не «очистив» его от долгов. На одном из застолий Максим сознался Тимофею Минину, что оговорил его по «не дружбе», о чем предусмотрительный Тимофей сразу подал явку властям. В ходе разбирательства по этой старой явке были допрошены свидетели, один из которых подтвердил слова Тимофея. Истцы и ответчик настаивали на крестном целовании для разрешения спора.

Дело было оформлено – заверено скрепами по ставам¹ и рукоприкладствами. В частности, ответчик должен был ставить свою скрепу непосредственно в тексте на свободном месте после окончания его слов и истца. В таком виде дело было доложено игумену и собору. Доклад, предположительно, делался устно – в составе дела, как и в первом рассмотренном судебном деле, его нет. Приговор по делу был оформлен в виде отдельного пространного документа. Решение было принято не в пользу какой-либо из тяжущихся сторон. Собор постановил, чтобы не «учинить душевредства», развести стороны без крестного целования, которое в таком деле сочли «напрасным». Долг по кабалам сыну боярскому Ефиму Бухарину разделили между фигурантами дела следующим образом: три поручителя, брат заемщика Тимофей, сын Иван и вдова Федосья должны были уплатить по 10 рублей, а давшие ложные показания священники Максим и Пантелей – по 20 рублей. Приговор завершается следующим поучением к священникам: «По тому на их вдвое платить и положено, что они своими неправдами меж ими в том деле бражничеством смутили. Достойно было им правда чинить и детей своих духовных от греха отводить, разрешать, а не вязать. Понеже бо суть учителя нарицаются, во весь мир соль, а не сор чинить. Ныне в мало время они тех людей связали, а впредь иных тако же хотят оболгати своими неправдами. И чтоб им впредь таких дел чинить непостоянным своим бражничеством было неповадно»². Приговор был заверен рукоприкладствами игумена и соборных старцев.

По сравнению с судебным делом, рассмотренным выше, данное дело было для Тихвинского посада, как сейчас ска-зали бы, резонансным, поскольку затрагивало верхушку посадского сообщества. Процесс велся уже не посадскими властями, а монастырским казначеем и слугой при участии девяти целовальников. Судебная документация тщательно оформлялась.

¹ *Скрепка по ставам* – подписи участников процесса по склейкам листов в столбец.

² Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 7.

При сравнении обоих рассмотренных дел можно сделать вывод, что судебное производство и его документальное оформление могли производиться по-разному в зависимости от значимости дела. Общим в обоих случаях, на наш взгляд, является доминирование в судебском усмотрении не столько формально-юридического подхода к делу и вынесению по нему решения, сколько морально-нравственного. Рассмотрение дел по справедливости, хотя и с соблюдением процессуальных процедур, в первом случае позволило выплатить сироте денежное вознаграждение за многолетнюю работу, и ему самому избежать наказания за кражу, а во втором случае – привлечь в качестве ответчиков по делу людей, формально не имевших долговых обязательств, но скомпрометировавших себя лжесвидетельством.

Подготовка текста,
составление комментариев и указателя
Р. А. Гимадеева

СУДНОЕ ДЕЛО¹
об убийстве гулящего человека в г. Кунгур²
(слушалось воеводой Дмитрием Ефремовичем Бахметевым
28 мая 1691 г. – 5 марта 1692 г.)

[1] 199, мая, в 28 день, великим государем царем и великим князем (имяна и титула) бил челом, а на Кунгуре в приказной избе перед столником и воеводою Дмитрием Ефремовичем Бахметевым извещал словесно Соли-Камской Вознесенского монастыря Воздвиженской пустыни крестьянин Ивашко Смирной; а в извете своем сказал: в нынешнем де во 199 году, по осени, жил де в той Воздвиженской пустыне на посаде у крестьянина у Демки Шурманова гулящей человек Никишка Леонтьев, и тое де Воздвиженской пустыни, по велению строителя Алексея, стряпчей Родка Литвинов того гулящего человека Никишку имал и поймать его не могл. И после де того приходил тот гулящей человек Никишка к нему Демке Шурманову, да тое ж пустыни к крестьянину

Гимадеев Рустэм Анасович (Санкт-Петербург) – ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», главный библиограф отдела формирования и обработки информационных ресурсов; кандидат филологических наук.

Rustem An. Gimadeev – Boris Yeltsin Presidential Library, Chief bibliographer of the Formation and Processing of Information Resources Department; Ph.D. (Philology).

gimadeev@prlib.ru

© Р. А. Гимадеев, 2018

¹ Источник: Дело об убийстве гулящего человека. 1691, мая 28 – 1692, марта 5 [№ 66] // Кунгурские акты XVII века (1668–1699 г.) / ред. [и авт. предисл.] А. А. Титов; изд. А. Г. Кузнецова. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1888. С. 189–202. Электронная копия документа: <https://www.prlib.ru/item/425757>.

² Город Кунгур официально основан в 1663 г. В настоящее время – административный центр Кунгурского района Пермского края.

к Федке Скалепину; и они де Демка и Федка того гулящего человека Никишку Леонтьева убили; а где убитое тело дели, того де он не ведает. И великие государи пожаловали б его Ивашка Смирного, велели извет его записать, а Демки Шурманова и Федки Скалепина жен их роспросити.

[2] Маия в 30 день, против извету Воздвиженской пустыни Ивашка Смирново, Демкина жена Шурманова Александрка Родионова дочь в распросе сказала: в нынешнем де во 199 году, по осени, жил де у них гулящей человек Никишка Леонтьев с неделю; а после де того жил он Никишка у Федки Скалепина; и Федка де Скалепин приходил с ним Никиткою в дом к ним. И Воздвиженской де пустыни строитель Алексей послал монастырских служебников того гулящего человека Никишку имать, они де его имали в доме у них и поймать его Никишку не могли. И после де того с неделю спустя, приходил тот гулящей человек Никишка Леонтьев к Федке Скалепину, и жил в таях, и нанимал мужа ея Дему и Федку Скалепина везти себя на Мулы. И муж де ея Демка и Федка Скалепин его Никишку везти до Мулов нанялись, и в вечеру поздно велели ему Никишке идти наперед, а сами поехали за ним Никишкою, и его де Никишку на дороге убили; а в котором месте и где убитое тело бросили, того она не ведает, и денги с него, которые были, сняли, а сколько, того она не ведает, а пояс де того гулящего человека Никишки объявился на Федке Скалепине.

[3] Против роспросных речей Демкины жены Шурманова Александрки Родионовы дочери, Федкина жена Скалепина, Марфутка Гаврилова дочь, спрашивана. А в роспросе сказала: в нынешнем де во 199 году, по осени, жил де у них гулящей человек Никишка Леонтьев, и муж де ея Федка с ним Никишкою ходили к Демке Шурманову. И Воздвиженской де пустыни строитель Алексей с братиею посылал стряпчего Родку Литвинова с товарищи того гулящего человека Никишку имать, и они де Родка с товарищи его Никишку имали и поймать не могли. И после де того с неделю спустя, тот гулящей человек Никишка приходил к ним в дом, и жил в таях, и нанимал мужа ея Федку и Демку Шурманова везти себя на Мулы, и муж де ея Федка и Демка Шурманов везти его

Никишку до Мулов нанялись, и в вечеру поздно велели ему Никишке наперед идти, а сами поехали за ним с Никишкою и на дороге его Никишку убили и денги с него сняли; а пояс де шелковой того гулящего человека Никишки объявился на муже ея Федке.

[4] Демкина жена Шурмановапытана, Александрка Родионова дочь, а дано ей 15 ударов, а с пытки сказала: гулящего де человека Никишку Леонтьева убили муж ея Демка с Федкою Скалепиным и денги с него сняли, а про то де убийство никто не ведал.

[5] Федкина жена Скалепина Марфутка Гаврилова дочь привожена к пытке и роспрашивана с пристрастием; а в роспросе сказала те ж речи, что и в роспросе.

[6] Федка Васильев пытан, а с пытки сказал те ж речи, что и в роспросе.

[7] Савка Иванов пытан, а с пытки сказал те ж речи, что и в роспросе; а вор де и убоец Федка Скалепин приходил в село Тихоновское и приставал у крестьян у Тишки Галактионова, у Андриюшка Савина.

[8] Лучка Важенин пытан, а с пытки сказал те ж речи, что и в роспросе; а племянник де вора убойца Федки Скалепина Петрушка, как приезжал к нему Лучке, и в тое пору был того ж Степанова Городища у Ивашка Духонина.

[9] Против пытошных речей Савки Иванова, Тишка Галактионов сыскан и роспрашиван. А в роспросе сказал: в нынешнем де во 199 году, Воздвиженской пустыни Федка Скалепин в село Тихоновское приезжал и к нему Тишке в дом приходил с Савкою Ивановым; а воровства де за ним Федкою он Тишка не ведает.

[10] Против пытошных речей Савки ж Иванова, Андриюшка Савин роспрашиван. А в роспросе сказал: в нынешнем де во 199 году, Воздвиженской пустыни Федка Скалепин у него Андриюшки в доме был; а воровства де он Андриюшка за ним Федкою не ведает.

[11] Против пытошных речей Лучки Важенина, Степанова Городища Ивашко Дугонин роспрашиван. А в роспросе сказал: в нынешнем де во 199 году, зимнею порою, Воздвиженской

пустыни Федка Скалепин в доме у него Ивашка был, а племянник де его Федки Скалепина Петрушка у него Ивашка вешним временем был; а воровства де он Ивашка за ним Федкою и за племянником его Петрушкою не ведает.

[12] 199, июня в 7 день, пришел на Кунгур в приказную избу перед столника и воеводу Дмитрея Ефремовича Бахметева Соли-Камской Вознесенского монастыря Воздвиженской пустыни строитель старец Алексей, а с собою привел в приказную избу оговорного человека, смертного убойца Федку Скалепина, да оговорного ж человека в том же убойственном деле Федотка Скоробогатого. А сказал: поймали де их Федку и Федотка тое Воздвиженской пустыни служебники, Галанка Гаврилов с товарищи, на Каме реке и привели в тое Воздвиженскую пустыню к нему строителю Алексею с братиею.

[13] И приводной Федка Скалепин на Кунгуре в приказной избе перед столником и воеводою Дмитрием Ефремовичем Бахметевым расспрашиван. А в роспросе сказал: в вине де его Федкине волны великие государи. В нынешнем де во 199 году, в Филипов пост, до Рождества Христова за три недели, он Федка с Демкою Шурмановым гулящего человека Никишку Леонтьева на Подкаменном лугу, за деревню Подкаменною, близ деревни Кочебахтины убили, и убивши тело бросили в Сылву реку в полонью; а денег де с него Никишки сняли рублей с девяносто слишком, да поя толковой; а крест де с него Никишки серебряной снял Демка Шурманов. Да тех де денег он Федка даль шурина своему деревни Парашины крестьянину Ивашку Родионову полтину, на ссуду, да пошедчи к Соли-Камской он Федка оставил в доме своем 6 рублей, и велел те денги жене своей сослать в село Тихоновское к Федке Васильеву. А которой де крест серебряной снял с гулящего с убитого человека с Никишки Леонтьева Демка Шурманов, и тот де крест отдал он Демка пасынку своему Ивашку. А монастырские де служебники Родка Литвинов с товарищи в дом к Демке Шурманову, для имки гулящего человека Никишки Леонтьева, приходили и поймавать де не могли. А про то де убийство Никишки Леонтьева

никто не ведал. А в Кунгурской де уезд в село Тихоновское он Федка ездил и был в домех у Федки Васильева, у Савки Иванова, у Тишки Галактионова, у Андрюшки Савина; а они де про его Федкино воровство не ведали, что он убил гулящего человека Никишку.

[14] И против роспросных речей Федки Скалепина, деревни Парашины крестьянин Ивашко Родионов сыскан и роспрашиван. А в роспросе сказал: в нынешнем де во 199 году, вешним временем, Федка Скалепин ему Ивашку на ссуду дал денег полтину; а каких де денег дал, того он Ивашко не ведает.

[15] Федка Скалепин пытан, а дано ему 18 ударов. А с пытки сказал: в вине де его Федкине волны великие государи: гулящего де человека Никишку Леонтьева он Федка с Демкою Шурмановым, везучи дорогою за деревнею Подкаменною в санях зарезали и бросили в Сылву реку близь деревни Кочебахтины в полонью; а денег де с него Никишки сняли рублей с девяносто с лишком; а ему де Федке с делу досталось тех денег пол-шестадесять рублей, а Демке де Шурманову осталось 38 рублей, а он де Федка его Демку в делу изобидел. [16]¹ А гулящей же человек Никишка Леонтьев сказывался, что уржумец, и был в розбое вверх Камы реки и розбивали де многих людей, и те де денги, которые с него Никишки он Федка с Демкою Шурмановым сняли, взял он Никишка на розбое. [17] А как де он Федка с Демкою Шурмановым его Никишку повезли бить, и на дороге де встретился с ними Максимко Проскураков и говорил: я де ведаю, ково вы везите в санях, и в сани де к ним заглядывал, везите де вы тово мужика, которого де имали монастырские служебники. И как де они Федка с Демкою Шурмановым его Никишку убили и приехали в дома свое, и ево де Максимка Проскуракова и жену и детей ево поили вином, и покупали де то вино на те воровские денги, которые сняли с Никишки Леонтьева. [18] Да проведал де про него Федку, что у него Федки объявились денги, и говорил, что де у него объявились те денги от Никишки Леонтьева, Филка Проскураково,

¹ Фрагменты текста с 16 по 22 комментируются ниже. – Р. Г.

[19] да шедчи де от Соли-Камской он Федка сказывал про убийство Никишки Леонтьева Федотку Скоробогатому и дал де ему Федотку Скоробогатому он Федка полтора рубли денег от того, чтоб в том убийстве гулящего человека Никишки Леонтьева не известить. [20] Да Устьшаквинской де мельницы мельник Анфимко говорил ему Федке, что де он Федка с Демкою Шурмановым гулящего человека Никишку Леонтьева убили и денги с него сняли; а про то де убийство сказывал ему Анфимку Демка Шурманов; и он де Федка на него Анфимка покупал вино и ево Анфимка поил, чтоб в том убийстве на них не извещать. [21] Да с тем же де гулящим человеком Никишкою Леонтьевым знался Кунгурского уезду деревни Янычевы татарин Бекболко, и у него де Никишки Леонтьева у него Бекболка было пристанище, приходил к нему Бекболку он Никишка по многие времена с Камы реки, как был в разбое, и от них де Федки Скалепина и от Демки Шурманова он Никишка ходил же к нему Бекболку по многие времена. [22] Да он же Федка с пытки сказал: купил де он Федка 4 фунта табаку деревни Козаевы у татарина Аргызка, и тот де табак продавал он Федка гулящим людям и сам тянул. Да тое ж деревни Козаевы у татарина Хромово, Баймуряткова брата, он Федка табак покупал не по одно время и продавал гулящим же людям и сам тянул.

[23] Против пытошных речей Федки Скалепина, Максимко Проскуряков привожен к пытке и роспрашиван. А в роспросе сказал: встретился де он Максимко с Федкою Скалепиным на дороге; а он де Федка вез в санях человека; и он де Максимко говорил: я де знаю, ково вы в санях везите, а кого де везли, того де он Максимко не ведал, а чаял де он Максимко, что он Федка вез в санях подворника своего Никонка.

[24] Демкина жена Шурманова пытана вдругорядь, а дано ей 6 ударов; а с пытки сказала те ж речи, что и в прежней пытке. Да с пытки ж сказала: Устьшаквинской де мельницы мельник Анфимко в дом к ним приходил и вино у них пил; а про убийство де гулящего человека Никишки Леонтьева сказывал ли муж ея Демка ему Анфиногенку или нет, того де

она не ведает. [25]¹ Да с пытки ж сказала: муж де ея Демка и она Александрка торговали табаком, а табак де муж ея покупал по многие времена у бабки некого татарина у Баймуратка Янтуганова. Да она ж с пытки сказала: на воровские де денги она Александрка вино покупала, которые денги муж ея снял с Никишки Леонтьева; а то де вино пали Максимкова жена Проскурякова с сыном Филкою, да со снохой, да Елескина жена Рудакова.

[26] Федотко Скоробогатой пытан, а дано ему 5 ударов. А с пытки сказал: в вине де ево Федоткове волны великие государи. В нынешнем де во 199 году, шедчи от Соли-Камской Федка Скалепин про убийство гулящего человека Никишки Леонтьева сказывал, что де он Федка с Демкою Шурмановым того гулящего человека Никишку Леонтьева убили, и дал де ему Федотку он Федка Скалепин полтора рубли.

[27] Против пытошных речей Федки Скалепина, Устьшаквинской мельницы мельник Анфимко Корнилов роспрашиван. А в роспросе сказал: в вине де ево волны великие государи. В нынешнем де во 199 году, в великой пост, Воздвиженской пустыни Демка Шурманов сказывал ему Анфимку про убийство гулящего человека Никишки Леонтьева, и что де он Демка ево Никишку убили с Федкою Степиным, и денги с него сняли, и вином де ево Анфимка они Демка и Федка поили не по одно время для того, что де на них Демку и Федку ему Анфимку в том убойстве гулящего человека Никишки Леонтьева не известить.

[28] Против пытошных речей Демкины жены Шурманова Александрии, Кунгурского уезду бабкинской татарин Баймуратко Янтуганов сыскан и роспрашиван. А в роспросе сказал: табаку де он Баймуратко у себя не держит, и табаком не торгует, и мужу ея Александркину Демке Шурманову табаку не продаывал. А Уфинского де уезду мулинской татарин Ясманко с сыном Азметком приезжают в Кунгурской уезд в деревню Янышеву по многие времена к татаром к Бекболку

¹ Фрагменты текста от 25 и далее до конца документа комментируются ниже. – Р. Г.

Енкибаеву и к сыну ево Иммурзке да к Елексе Енкибаеву, и привозят табак, и тем табаком в домех их торгуют.

[29] Федка Скалепин пытан вдругорядь, на пытке дано ему 20 ударов. А с пытки сказал те ж речи, что и в прежней пытке. Да с пытки ж сказал: на воровские де денги, которые снял он Федка з Демкою Шурмановым, купил он Федка Воздвиженской пустыни у крестьянина у Лучки Кривоногова вершок шапошной, дал за тот вершок гривну; и он де Лучка ему Федке говорил: давай де болше денег, у тебя де дешевые денги; и он де Федка ему Лучке говорил: какие де у меня дешевые денги? И он де Лучка против того ему Федке говорил: как де у вас не дешевые денги, у вас де промысел добр.

[30] Против речей Демкины жены Шурманова Александрки, Воздвиженской пустыни Максимкова жена Проскурякова Матренка Флорова дочь, да Елескина жена Рудакова Василиска Лукина дочь спрашиваны порознь. А в роспросе сказали: у Демкины де жены Шурманова они Матрешка и Василиска вино пили.

[31] Против пытошных речей Федки Скалепина, Лучка Кривоногов сыскан и спрашиван. А в роспросе сказал: убоец де Федка Скалепин у него Лучки вершек шапошной купил, дал гривну; и он де Лучка ему Федке не говаривал, что де у них дешевые денги и давать ему болши денег, и промысел добр, а говорил де ему Федке он Лучка, что де у него Федки не прямые денги, табашные.

[32] 200 году, ноября в 28 день, Федкина жена Скалепина Марфутка Гаврилова дочь пытана; а на пытке дано ей 15 ударов; а с пытки сказала те ж речи, что и в роспросе.

[33] Генваря в 26 день, Федка Скалепин пытан втретие; на пытке дано ему 15 ударов; а с пытки сказал те ж речи, что и в прежней и в другой пытке.

[34] Выписано из приводного дела на перечень.

[34.1] В прошлом во 199 году приведен на Кунгур в приказную избу Воздвиженской пустыни Федка Скалепин в убийстве гулящего человека Никишки Леонтьева; а в роспросе и с пытки в том убийстве он Федка винулся, что де он Федка с Демкою Шурмановым ево Никишку убили и денги с него

сняли, а про то де убийство Демка Шурманов рассказывал Устьшаквинской мельницы мельнику Анфимку, а он де Федка рассказывал про то убийство Федотку Скоробогатому, и дал де ему полтора рубли, чтоб в том убийстве не извещать.

[34.2] И Устьшаквинской мельницы мельник Анфимко сыскан и расспрашиван, а в расспросе не заперся: Демка де Шурманов про убийство Никишки Леонтьева рассказывал.

[34.3] Федотку Скоробогатой сыскан и пытан, а с пытки не заперся ж: Федка де Скалепин ему Федотку про убийство Никишки Леонтьева рассказывал и дал де ему полтора рубли, чтоб в том убийстве не извещать.

[34.4] Да он же убоец Федка сказал: как де они повезли бить Никишку Леонтьева, и на дороге де встретился Максимко Проскуряков, и говорил: я де знаю, ково вы везите, и в сани де к ним заглядывал. И как де они Федка и Демка ево Никишку убили и приехали в дома свое, и ево Максимка и жену и детей ево поили вином, покупая на те денги, которые сняли с него Никишки.

[34.5] И Максимко Проскуряков сыскан и расспрашиван, а в расспросе сказал: он де Максимко с Федкою Скалепиным на дороге встретился и говорил: я де знаю ково вы везите.

[34.6] Да он же убоец Федка сказал: которые де денги он Федка снял с убитого Никишки Леонтьева, и тех де денег дал он Федка деревни Парашины крестьянину Ивашку Родионову полтину на ссуду.

[34.7] И деревни Парашины крестьянин Ивашко Родионов сыскан и расспрашиван, а в расспросе не заперся: Федка де Скалепин ему Ивашку полтину на ссуду дал; а каких де денег дал, того он Ивашко не ведает.

[34.8] Да он же убоец Федка сказал: на те ж воровские денги купил он Федка у Лучки Кривоногова вершек, дал гривну, и он де Лучка говорил ему Федке: давай де болши денег, у вас де дешевые денги и промысел добр.

[34.9] И Лучка Кривоногов сыскан и расспрашиван, а в расспросе сказал: он де Лучка Федке Скалепину вершек продал, взял гривну, и говорил де ему Федке, что де у них дешевые денги и промысел добр.

[34.10] Да он же убоец Федка сказал: как де они убили Никишку Леонтьева, и после де того ездил он Федка в Кунгурской уезд в село Тихоновское, и был в домех у Федки Васильева, у Савки Иванова, у Тишки Галахтионова, у Андрюшки Савина, а про убийство де Никишки Леонтьева они Федка с товарищи не ведали.

[34.11] И села Тихоновского Федка Васильев, Савка Иванов, Тишка Галахтионов, Андрюшка Савин сысканы и розспрашиваны, и в том не запирались: Федка де Скалепин у них Федки Васильева с товарищи в домех был; а про убийство де Никишки Леонтьева они не ведали.

[34.12] Да он же убоец Федка Скалепин сказал: пошедчи де к Соли-Камской, он Федка тех же воровских денег, которые снял с Никишки Леонтьева, оставил в доме своем 6 рублей, и велел де те денги сослать в село Тихоновское к крестьянину к Федке Васильеву.

[34.13] И села Тихоновского Федка Васильев сыскан, а в розпросе и с пытки сказал: Федки де Скалепина жена ево к нему Федке Васильеву шти рублей денег никаких не присылывала; а Федка де Скалепин приезжал к нему Федке Васильеву в дом и оставил у него денег 5 рублей и велел де те денги сослать к жене своей; а воровские ли де те денги, того он Федка Васильев не ведал.

[34.14] Демкина жена Шурманова да Федкина жена Скалепина Марфутка в розпросе и с пыток винились: про убийство де Никишки Леонтьева они ведали.

[35] 200, февраля в 1 день, выписать из указу великих государей.

[35.1] И против сей пометы столника и воеводы Дмитрея Ефремовича Бахметева, выписано из указу великих государей и из соборного уложения и из новых статей.

[35.2] А в соборном уложение в двадесят первой главе, в семьдесят второй статье, напечатано: Кто кого убьет с умышления, и сыщется про то допряма, что с умышления убил, и такова убойцу самого казнити смертию.

[35.3] А в новых статьях написано: Которые розбойники говорить на себя в розпросе и с пыток, что они были на одном

розбое да на том же розбое учинили убийство, и тех розбойников и за первой розбой казнить смертью.

[35.4] Да в соборном же уложение, в 21 главе, в 62 статье, напечатано: Будет на Москве в которой сотне, или в улице, или в городех на посадах, или в уездах, в селех и в деревнях, изымают вора татя или разбойника сторонние люди мимо тех людей, где он жил, и того вора пытати, кто его знал в том месте, где он будет изыман; да будет тот вор с пытки скажет, что его тутошние люди, где он будет изыман, все знали и его укрывали, и на тех людех на всех, кто того вора укрывал, правити на государя пеню по указу, а исцом выти для того, чтобы всяким людем у себя воров и татей и разбойников держати было неповадно; а вором бы татем и разбойником нигде прибежища не было. А будет тот вор с пытки скажет, что его в том месте, где он будет изыман, знали его немногие люди, и по тем воровским пыточным речам правити государеву пеню, а исцом выти на одних на тех людех, кто того вора знал и укрывал, а не на всех на тутошних людех.

[35.5] 64-я статья. А на которых людей учнут языки говорить с пыток в поклаже розбойные и татиные рухляди, а скажут, что у них положили за розбойное, или за татиное, или за чисто, или на кого языки учнут говорить в продаже розбойные рухляди, и тех оговорных людей, по язычной молве, сыскивати и сыскивая с языки ставити с очей на очи и спрашивати; да будет они в тех поклажах или в продажной в розбойной рухляди не запрутся, я их пытать и в иных в таких поклажах и продажной в розбойной рухляди; да будет они с пытки в чем повинятся, и на них то все, в чем они до пытки не запрутся и в чем и с пытки повинятся доправя, взять в исцовы иски выти и дати их на чистую поруку с записью; а не будет поруки, и их посадити в тюрьму, докуды по ним поруки будут. А будет они в тех поклажах или в продажной розбойной рухляди запрутся, и их в том потому же пытать и с пытки указ учинить, до чего доведется.

[36] 200, февраля в 18 день, по указу великих государей и по уложению и по новоуказным статьям, Соли-Камской Ваздвиженскава монастыря кресьянина Фетку Скалепина за

ево вараство, что он из денег умысла вараски убил до смерти гулящава человека Микитку Левотьева, и ево за та вараство казнить смертью, а жену ево сечь кнутом и свабадить на паруки. Да мелнику Анфимке и Федотке Скарабагатаму, Максимке Праскарекуву, да Деминову жену Шурманава учинить наказанья, бить кнутом, за их вараство, что ане, ведаючи за ним Феткаю и Демкаю Шурманавым вараство, укрывали, и пагалавныя денги даправить на монастырских кресьянех Ваздвижинкавай пустыни.

[37] 200, марта в 1 день, Федка Скалепин подал челобитную, а в ней пишет. Великим государем царем и великим князем (*имяна и титул*), бьет челом сирота ваш, тюремной сиделец Федка Скалепин. В прошлом, государи, во 199 году, приведен я сирота ваш на Кунгур в приказную избу в убийстве гулящего человека Никитки Леонтьева, и в том убийстве я сирота ваш пытан и с пытки винулся. И по вашему великих государей указу, велено меня сироту вашего казнить смертью. Милосердые великие государи цари и великие князи (*имяна и титула*), пожалуйста меня сироту своего, велите, государи, для своего государского многолетнего здравия и для ангела государыни благородные царевны и великие княжны Евдокии Алексеевны, вместо смерти дать живот. Великие государи, смилуйтесь.

[38] *На обороте сей челобитной помета:* 7200, марта в 1 день, па указу великих государей, для их государскава многолетнава здаровья и для ангела государыни царевны Евдокии Алексеевны, Федку Скалепина от смертныя казни свабадить а за ева вараства отсеч ему левая рука.

[39] 200, марта в 5 день, против сей пометы столника и воеводы Дмитрея Ефремовича Бахметева, Федке Скалепину учинена казнь, отсечена левая рука.

Комментарий к тексту

Судьей по вышеприведенному делу был стольник и воевода Димитрий Ефремович Бахметев (годы жизни неизвестны, умер не ранее 1723 г.), из нестарого, но доброго рода Бахмет(ь)евых, основатель которого, мурза Арслан-Бахмет, муж дочери хана Улуг-Мухаммеда, выехал из Казани на службу к Вел. кн. Василию Васильевичу Темному в 1446 г.

Кунгурским воеводою Димитрий Ефремович был с 29 января 5198 г. от С. М. (1690 г. по Р. Х.) по 5 марта 5200 г. от С. М. (1692 г. по Р. Х.). Приговор по делу был исполнен, таким образом, в последний день его воеводства в Кунгуре. До того Д. Е. Бахметев участвовал в Крымском походе 1687 г. Великого воеводы князя В. В. Голицына, позже – служил под началом ближнего окольничего и воеводы Ладожского Петра Матвеевича Апраксина на севере Новгородской земли и в Ингерманландии, имея под началом конный отряд из татар, башкир, калмыков и казаков в 1000 сабель. В 1717 г., будучи воеводой (уже с названием коменданта) в Саратове, предотвратил его взятие татарской ордой и оставался в городе еще в 1723 г.

Поскольку о жизни стольника Бахметева мы не знаем ничего, невозможно и уяснить себе, был ли он человеком из благословенных времен Феодора Алексеевича и Софии Алексеевны или представителем администрации времен после нарышкинского переворота. Преемником его на воеводстве был стольник же Степан Сухотин, о котором упоминал А. Н. Толстой в своем романе о Петре I.

Дело об убийстве гулящего человека Никишки Леонтьева выбрано как очень типичное. События произошли в глухом углу Российского царства: город (на оброчной земле Вознесенского монастыря, купленной у местных татар) был основан только в 1648 г. и заселен преимущественно беглыми, которых сыскали, собирали и доставили на жительство военной силою. В 1662 г. Кунгур разорили дотла восставшие башкирцы, и только в 1663 г. город был основан заново, в 17 верстах от прежнего места. Всего за 15 лет до приезда

на воеводство стольника Бахметева был срублен деревянный кремль («забор с башнями», по выражению Радищева, который, едучи не спеша томиться в ссылке, – особняк в два жилья для ссыльного еще не был готов – неделю прожил в кунгурском воеводском доме). Первую каменную церковь кунгурцы поставили вскладчину только к 1704 г. Впоследствии город стремительно рос и богател, но пока это было нечто вроде фактории в неосвоенной земле с окрестным населением, быстро усваивающим образ жизни, обычаи, а отчасти и веру русских, но пока еще противопоставляющим себя им: еще и через 80 лет Кунгуру придется во время пугачевщины защищаться – доблестно, умело и успешно – против набега пугачевских «бригадиров» из башкирской знати Усаева и Юлаева.

Время действия. С 28 мая 5119 г. от С. М. (1691 г. по Р. Х.) по 5 марта 5200 г. от С. М. (1692 г. по Р. Х.), при благополучном царствовании Великих Государей, Царей и Великих Князей, Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцев Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, т. е. после низвержения царевны Софии Алексеевны, но до смерти царицы Наталии Кирилловны и, соответственно, до прихода к действительной власти царя Петра Алексеевича.

Место действия. *Село Крестовоздвиженское* (ныне Сылвенск). Раньше, чем крестьяне и стрельцы, на кунгурскую землю пришли монахи. Славный Усть-Сысольский Вознесенский монастырь имел на Сылве Воздвиженскую пустынь, к числу крестьян которой принадлежало большинство участников перепечатываемого дела. Первый деревянный Крестовоздвиженский храм был построен в 1630-е гг. В 1662 г. пустынь была уничтожена (в 1663 г. за нею оставалось неразоренных 4 бобыльских двора) и возобновлена немедленно по восстановлении порядка в крае. В 1678 г. монастырских крестьян было уже 215 душ «опричь служек, и служебников и церковных причетников»¹.

¹ Пермская Летопись с 1263–1881 г. Сост. Вас. Шишонко. [Т. 4]. Четвертый период, 1676–1682 г. Пермь: тип. Губ. Правл., 1884. С. 148.

Село Тихоновское, названное по деревянной Тихоновской церкви, построенной во второй половине XVII в., чаще называлось Веслянкой. Под этим именем оно существует и сейчас. Из участников дела в нем жили Тишка Галактионов, Андрюшка Савин, Федка Васильев, к которым заезжал *убоец* Федка Скалепин.

Деревня Парашино, в которой жил Ивашко Родионов, существует поныне на окраине поселения Плеханово.

Степаново Городище, куда к Важенину и Духонину заезжал Петрушка, племянник злодея, ныне именуется «Агродеревня „Степаново городище“».

Деревня Мулы, куда камский разбойник Леонтьев подрядил ехать своих убийц Шурманова и Скалепина, видимо, соответствует нынешней деревне Нижние Муллы.

Деревня Козаево ныне пишется *Казаево* и остается, как и 350 лет назад, татарской деревней. Потомки торговавших запретным (до 1697 г.) табаком Хромого, Баймуратки и Бекболки ныне предаются выращиванию огурцов и чествуют виновника своего благосостояния в июле Праздником огурца и состязанием «Пугало огородное»¹.

Деревни Кочебахтино и *Подкаменная*, близ которых гулявший человек был убит, существуют по сей день: *Кочебахтино*, процветавшее и в советское время, почти исчезло; *Подкаменная* жива, она давно стала селом, и ныне там даже восстанавливается храм.

Деревня Усть-Шаква, где держал мельницу неблагонамеренный Анфимко Корнилов, вероятно, соответствует нынешней деревне Шаква.

Ход событий. 5199 г. «В Филиппов пост, до Рождества Христова за три недели» [13] монастырские крестьяне Федка Скалепин и Демка Шурманов подрядились везти в деревню Мулы Уфимского уезда тайно жившего у них гулящего человека (разбойника с Камы) Никишку Леонтьева. Предварительно сговорившись, по пути они Никишку зарезали, ограбили, тело спустили в речную полынью.

¹ Праздник огурца пройдет в д. Казаево Кунгурского района // Искра (Кунгур). 2017. 27 июня. URL: <http://iskra-kungur.ru/news/2017/06/27/18276/>.

28 мая – извет крестьянина Ивашки Смирного об убийстве гулящего человека. 30 мая того же года – начало допросов подозреваемых и свидетелей.

7 июня того же года – доставление о. Алексием, строителем Воздвиженской пустыни, и монастырскими служителями задержанного ими предполагаемого убийцы, крестьянина Федки Скалепина, пред очи воеводы и стольника Дмитрия Ефремовича Бахметева. Демка Шурманов, очевидно, от сыска успел скрыться. Начало следствия.

5200 г. 26 января – последние следственные действия: Федка Скалепин пытан втретье. 1 февраля приказано *выписать* относящееся к делу из Соборного Уложения и Новоуказных Статей (примерно соответствует составлению обвинительного заключения в современном процессе). Федке и другим обвиняемым вменены ст. 72, а также 62 и 64 гл. XXI Уложения (убийство из корыстных побуждений, укрывательство, недонесение).

18 февраля Федке и иным обвиняемым дан суд; приговорили Федку казнить смертию, прочих за укрывательство и недонесение наказать кнутом и отдать на поруки. 1 марта Федка бьет челом великим государям: просит *вместо смерти дать живот*.

1 марта воеводою постановлено «для их Государского многолетнего здоровья и для Ангела Государыни Царицы Евдокии Алексеевны Федку Скалепина от смертныя казни свободить, а за его воровства отсечь ему левая рука». 5 марта, в последний день воеводства стольника Д. Е. Бахметева, Федке учинена казнь – отсечена левая рука.

Ход и скорость совершения событий позволяют сделать некоторые выводы:

1. Власть *стремительно* отзывается на заявление о совершении преступления. Власть показывает *рвение* в исполнении долга: предполагаемый убитый – почти заведомый преступник (что подтверждается немедленно), трупа налицо нет. Дело при этом немедленно принимается к производству, а розыск по нему производится в течение недели.

2. Следствие по делу ведется в течение полугода; за это время вскрываются связи подозреваемых, проводятся тщательные и многократные допросы, причем из документа легко усматривается добросовестность следствия и отсутствие лицемерия: сразу становится известно, что убит разбойник, сам подлежащий смертной казни в случае поимки, но на ход следствия это никак не влияет.

О высоком нравственном уровне общества свидетельствует, в частности, то, что никто из привлеченных к следствию не пытается искать оправдания в том, что жертва убийства – преступник. В ходе следствия попутно раскрывается сеть подпольной торговли пока еще (до 1697 г.) запрещенным табачным зельем. С учетом сравнительной многочисленности привлеченных к следствию, громоздкости и продолжительности следственных процедур (особенно – связанных с назначением пытки) нельзя не прийти к выводу о том, что никаких следов пресловутой волокиты, преднамеренного затягивания следствия и так далее в настоящем деле не содержится. Примечательно, что наряду с точными датами принятия извета, представления *оговорных людей* в приказную избу и постановления приговора дважды называются точные даты применения пытки.

3. Приговор постановлен в точном соответствии с действующим законодательством. Есть смысл обратить внимание на обычное для суда в XVII в. правило тексты из Уложения и Новоуказных статей выписывать в приговоре полностью и дословно. Этот юридический обычай следует оценивать, помня, что печатный подлинник Уложения был дорог, редок и малодоступен для населения.

4. Мгновенное удовлетворение прошения о помиловании свидетельствует не просто о милосердии суда, но о рутинности проявления милосердия.

Излишне напоминать, что стран, где за умышленное убийство из корыстных побуждений («из денег умысла» [36]) *не была бы* назначена смертная казнь, в конце XVII в. *не существовало*; в большинстве стран в подобном случае простолюдину *была бы* назначена квалифицированная смертная

казнь (на континенте колесование: см., например, *Constitutio Criminalis Carolina*, art. CXXXVII; удушение или раздавливание с прижизненным потрошением в Англии и т. д.).

5. Исполнение приговора в последний день замещения должности легко понять как следование утонченному служебному этикету: преемнику не оставляют неоконченных дел; преемника не вынуждают начинать правление с исполнения членовредительских наказаний.

Комментированный алфавитный указатель

- Азметко**, сын Ясманки, подпольного торговца табаком [28¹].
- Алексей**, строитель Воздвиженской пустыни; велел иметь Никишку Леонтьева, но безуспешно [1]; доставил в приказную избу Федку Скалепина и Федотку Скоробогатого [12].
- Анфимко**, мельник, см. **Корнилов**, Анфимко.
- Аргызко**, татарин дер. Козаевой: продал Федке Скалепину 4 фунта табаку [22].
- Баймуратко**, см. **Янтугановы**.
- Бекболко**, см. **Енкибаевы**.
- Важенин**, Лучка, крестьянин Степанова Городища: Петрушка, племянник убийца Федки Скалепина, был у него и у Ивашки Духонина; пытан; не запирался [8].
- Васильев**, Федка, крест. с. Тихоновского: ему якобы послано от убийца Федки Скалепина через жену его 6 руб. [13], [34.12], чего не было; с пытки показал то же, что на расспросе [6], и что Скалепин к нему заезжал и оставил 5 руб. передать жене [34.13]; о происхождении денег не знал [34.13], об убийстве не ведал [34.13].
- Гаврилов**, Галанко сотоварищи, служебники Воздвиженской пустыни: поймал Федку Скалепина и Федотку Скоробогатого на Каме и доставил о. строителю Алексею [12].
- Галахтионов**, Тишка, крест. с. Тихоновского: у него и у Андрюшки Савина приставал с Савкою Ивановым Федка Скалепин [7]; об убийстве не ведал [34.11].
- Духонин (Дугонин)**, Ивашко, крест. из Степанова Городища: у него бывали Петрушка, племянник убийца Федки Скалепина, и сам Скалепин [11].
- Елекса**, см. **Енкибаевы**.
- Енкибаевы**: **Бекболко**, татарин дер. Янышевой, укрывал Никишку Леонтьева [21], торгует табаком [28], привозимым Ясманком из Уфимского уезда; сын его **Иммурзка** [28]; **Елекса** [28].

¹ Здесь и далее в квадратных скобках указан номер параграфа, на которые разбит текст документа при первой публикации. – Р. Г.

Иванов, Савка, крест. с. Тихоновского: с пытки подтвердил, что у него и у Тишки Галактионова пристаивал Федка Скалепин [7]; об убийстве не ведал [34.10].

Корнилов, Анфимко, Устьшаквинский мельник; слышал от Демки Шурманова об убийстве [20], пил за счет Ш. молчания своего ради, для чего приходил к Демке в дом [27]; за укрывательство приговорен к кнуту [36].

Кривоногов, Лучка, крест. Воздвиженской пустыни; говорил, что у Федки Скалепина дешевые деньги, добрый промысел [29], но в виду имел, что у Скалепина деньги *не прямые, табашные* [31].

Леонтьев, Никишка, из Уржума [16], гулящий человек [1], разбойничал в верховьях Камы [16], [21], жил у Демки Шурманова [1], часто укрывался у татарина Бекболки [21], безуспешно иман по приказу о. строителя Алексея [1], нанимал Шурманова и Федку Скалепина везти себя в Мулы [2]. Убит ими, согласно извету Ивашки Смирного [1] и признанию Скалепина [13], на Подкаменном лугу, за дер. Подкаменной, у дер. Кочебаhtiной, а с тела снято 93 руб. (при дележе которых Скалепин обманул Шурманова, взяв себе 55 руб.) [15], шелковый пояс, надетый Скалепиным [2], да серебряный крест, взятый Шурмановым и подаренный пасынку Ивашке [13]. Тело Л. утоплено в проруби.

Литвинов, Родка, стряпчий Воздвиженской пустыни, по приказу старца Алексея, строителя той же пустыни, безуспешно имал Никишку Леонтьева в доме Шурмановых [1], [13].

Никонко, *подворник* Федки Скалепина: Максимка Проскуряков думал, что Скалепин везет в санях его, а не Никишку Леонтьева [23].

Петрушка, см. Скалепины.

Проскуряковы: Максимка, крест.; встретив убийц в санях, заглядывал в сани и говорил, зная о сыске Н. Л., что они его и везут [17]; после убийства Федка Скалепин и Демка Шурманов поили его вином; с пытки показал, что думал, будто в санях везут Никонку, а не Никишку Леонтьева [23]; **Филка**, женатый сын М., проведал, что у Скалепина

объявились деньги от Н. Л. [18]; за укрывательство Максимки приговорен к кнуту [36]; **Матренка**, Флорова дочь, жена М., при *расспросе* ее и Василиски Лукиной дочери Рудаковой подтвердила, что пила вино на воровские деньги у Александрки Шурмановой с Рудаковой [30], [34.4].

Родионов, Ивашко, крест. дер. Парашиной; шурин Федки Скалепина, после убийства получил от него полтину в ссуду [13].

Рудакова, Василиска, Лукина дочь, пила вино на воровские деньги у Александрки Шурмановой с Матренкой Проскуряковой [30].

Савин, Андрюшка, крест. с. Тихоновского; у него и у Тишки Галактионова приставал Федка Скалепин [7], об убийстве не ведал [34.11].

Скалепины: Федка, крест. Вознесенской пустыни; убил по сговору с Демкой Шурмановым с целью грабежа гулящего человека Никишку Леонтьева; по извету Ивашки Смирного [1] взят Галанкой Гавриловым, доставлен о. строителю старцу Алексею, тем передан в приказную избу [12]; признался в убийстве и ограблении [13], в том, что Федотку Скоробогатому об убийстве сказывал и за молчание дал полтора рубля [19]. Пытан (18 ударов), с пытки сознался в покупке у татар Аргызки и Хромого, Баймураткова брата табаку для перепродажи гулящим людям и собственного употребления [22]; снял с мертвого шелковый пояс [3], при дележе награбленного обманул Демку Шурманова (взял 55 руб. из 93) [15]; ездил с Савкой Ивановым к Андрюшке Савину и Тишке Галактионову в Тихоновское [7], [9]; *вдругорядь* пытан (20 ударов), показал, что покупал вершок шапошный у Лучки Кривоносова за гривну и имел с ним подозрительный разговор [29]; 26 января 5200 г. пытан *третье*; приговорен к смерти [36], помилован отсечением левой руки [38]; **Марфушка**, Гаврилова дочь, жена Ф., расспрашивана, показала, что Н. Л. у них жил и о сыске его она знала, что об убийстве знала, что пояс Леонтьева на муже видела [3]; привожена к пытке, показания подтвердила [5], по показанию

мужа, получила 6 руб. для отправки Федке Васильеву в Тихоновское [13]; 28 ноября 5200 г. пытана (15 ударов), показания подтвердила [32]; приговор: сечь кнутом и освободить на поруки [36]; **Петрушка**, племянник Ф., ездил к Лучке Важенину и Ивашке Духонину [8].

Скоробогатый, Федотко, крест. Вознесенской пустыни; пойман Галанкою Гавриловым, 7 июня 5199 г. приведен о. строителем Алексеем в приказную избу [12]; слышал от Федки Скалепина об убийстве, принял полтора рубля за молчание [19]; пытан (5 ударов), признался [26]; за укрывательство приговорен к кнуту [36].

Смирной, Ивашко, крест. Вознесенской пустыни, изветчик по делу [1].

Хромой, татарин, см. **Янтугановы**.

Шурмановы: **Демка**, крест. Вознесенской пустыни, убоец; покупал табак на перепродажу гулящим людям у татар Янтугановых [25], [28]; сказывал об убийстве мельнику Анфимке Корнилову, за молчание поил его вином [20]; пасынку отдал крест убитого [13]; **Александрка**, Родионова дочь, жена Д.: расспрошена [2], о сыске Никишки Леонтьева знала, об убийстве знала; пытана (15 ударов), призналась [4]; участвовала в подпольной табачной торговле [28]; пила вино на воровские деньги с Василиской Рудаковой и Матренкой Проскуряковой [30]; пытана *вдругорядь* (6 ударов), показания подтвердила [24], [25]; за укрывательство приговорена к кнуту [36]; **Ивашко**, пасынок Д., получил крест, снятый с убитого [13].

Янтугановы, бабкинские татары, продавали табак на перепродажу гулящим людям: **Баймуратко** [28]; брат его **Хромой** продавал табак Федке Скалепину [22].

Ясманко, мулинский татарин Уфимск. уезда, привозит табак Енкибаевым на продажу с сыном Азметкой [28].

ДАТЫ И СОБЫТИЯ

К 190-летию выдающегося русского правоведа Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904)

26 мая 2018 г. исполняется 190 лет со дня рождения блистательного русского ученого Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904). Широта научных интересов и практической деятельности позволяет сегодня причислять его к основоположникам целого ряда направлений отечественной науки – философии, политологии, социологии, но в первую очередь он признан выдающимся юристом-мыслителем, главой государственной школы в российском правоведении.

Творчество и личность Бориса Николаевича относительно недавно стали широко изучаться в российских вузах, предметно исследоваться учеными, а его труды – переиздаваться большими тиражами.

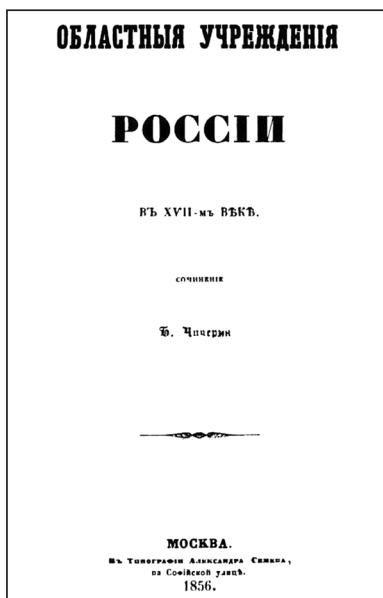
К научному изучению наследия Чичерина одним из первых обратился Валерий Дмитриевич Зорькин, ныне Председатель Конституционного Суда Российской Федерации. В 1970–1980-е гг. он посвятил немало страниц своих сочинений жизненному пути Чичерина и анализу его политико-правовых идей и концепций. Но только начиная с середины 1990-х гг. можно говорить о стабильном росте интереса российских ученых к темам, связанным с содержанием и методами научного творчества Чичерина.

В работах Р. А. Киреевой, В. М. Лобеевой, А. Н. Верецагина, И. И. Евлампиева, Б. В. Емельянова, А. В. Полякова вклад Б. Н. Чичерина в российскую науку представлен в контексте предметных полей тех научных специальностей, которые близки самим авторам, и процесс накопления научной информации в этой области далеко не закончен. Ждет своих составителей и комментаторов и собрание сочинений Бориса Николаевича.

В настоящем сборнике публикуются результаты первых шагов Б. Н. Чичерина в науке (а это была наука истории государства и права!) – два отрывка из его магистерской диссертации «Областные учреждения в России в XVII в.», написанной в 1853 г., но защищенной в Московском университете

только спустя несколько лет по не зависящим от автора причинам.

Диссертация объемом почти в 600 страниц выполнена как фундаментальное историко-правовое исследование, отвечающее всем правилам научной работы с источниками. В ней автор детально проанализировал систему местных органов государственного управления и самоуправления, существовавшую в различных регионах России в XVII в. Этот труд, с которым в полном объеме можно познакомиться на портале Президентской библиотеки¹, до сих пор сохраняет научную актуальность, служит образцом для современных диссертантов, позволяет полнее представить особенности правовой культуры наших предков, живших в Московском государстве.

¹ Чичерин, Борис Николаевич (1828–1904). Областные учреждения России в XVII веке / сочинение Б. Чичерина. М.: тип. Александра Семена, 1856. [6], IV, 592, II с.; 25 см. С дарств. надписью авт. Библиогр. в примеч. URL: <https://www.prilib.ru/item/433413/>.

Два фрагмента магистерской диссертации
«Областные учреждения России в XVII веке»
(М., 1856)

ОБЛАСТНОЕ ДѢЛЕНИЕ

Земли Московскаго государства раздѣлялись на уѣзды, центромъ которыхъ обыкновенно были города. Величина уѣздовъ была чрезвычайно разнообразна: Новгородскій уѣздъ обнималъ большую часть земель, присоединенныхъ къ Московскому государству при покореніи Новгорода, и заключалъ въ себѣ нѣсколько пригородовъ съ ихъ уѣздами (1); Двинскій уѣздъ заключалъ въ себѣ всю прежнюю Двинскую область, а другіе уѣзды напротивъ того были небольшими округами, приписанными къ незначительнымъ городамъ. Суздаль, Шуя, Переяславъ Залѣсскій и другіе города, принадлежавшіе теперь къ одной губерніи, въ то время составляли самостоятельные уѣзды. Почти каждый городъ имѣлъ свой уѣздъ, хотя это не было общимъ правиломъ. Въ Вятскомъ уѣздѣ, напримѣръ, было пять городовъ, которые всѣ находились въ управленіи одного воеводы.

(1) Акты Истор. т. 3, № 49: «Въ Новгородскій уѣздъ во всѣ пятины и пригороды.» Дополн. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 130: «въ Ноугородцкомъ уѣздѣ въ Вотцкой пятинѣ въ Ладомскомъ присудѣ.» — Но иногда Новгородскій уѣздъ понимается въ тѣсномъ смыслѣ и отличается отъ Ладомскаго уѣзда. Дополн. къ Акт. Историч. т. 3-й, № 82, II. Точно также и Псковской уѣздъ отличается отъ уѣздовъ Псковскихъ пригородовъ; Акты Археогр. эксп. т. 3-й, № 197; Акты Историч. т. 3-й, № 128. Псковской уѣздъ назывался даже иногда «Псковскимъ государствомъ». Доп. къ А. Н. т. 3, № 1, стр. 1 и слѣд.

Это раздѣленіе не было сдѣлано съ государственною цѣлью, въ видахъ государственнаго управленія, но было остаткомъ средневѣковыхъ учреждений. Изъ примѣра Новгородскаго уѣзда видно, что основаніемъ уѣзнаго дѣленія были иногда владѣнія, присоединенныя къ Московскому государству; а такъ какъ средневѣковыя владѣнія опредѣлялись могуществомъ князей и общинъ и разными случайными обстоятельствами, то и дѣленіе, основанное на нихъ, должно было быть чрезвычайно разнообразно и пестро. Впрочемъ не одни поземельныя владѣнія опредѣляли уѣздное раздѣленіе Московскаго государства; оно возникло большею частью изъ прежнихъ судебныхъ учреждений, вслѣдствіе чего уѣзды назывались иногда *присудомъ*, то есть, округомъ, на который распространялась судебная власть кормленщика (1). Въ средніе вѣка каждый городъ съ извѣстнымъ округомъ отдавался въ кормленіе намѣстнику; въ тѣхъ же округахъ, гдѣ не было городовъ, центромъ служили станы, въ которыхъ жили кормленщики и ихъ тиуны (2). Опредѣленіе судебныхъ округовъ могло имѣть различныя основанія, но по недостатку данныхъ невозможно сказать объ этомъ что нибудь положительное. Такъ какъ большая часть городовъ были построены князьями, то можно полагать, что они же приписывали къ городамъ округа, которые они отдавали въ кормленіе намѣстникамъ. Можетъ быть, основаніемъ этому приписанію служили иногда древнія патріархальныя и племенные дѣленія, но объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій.

(1) Дополн. къ А. Истор. т. 1-й, № 116, 120; Акт. Арх. экск. т. 1-й, № 243.

(2) Акты Археограф. экск. т. 1-й, № 234.

Вѣроятно также, что князья, приобретаая покупкою и оружіемъ новые города и округа, отдавали ихъ въ кормленіе отдѣльно отъ другихъ. Во всякомъ случаѣ все это совершалось на основаніи частныхъ соображеній; общихъ государственныхъ видовъ здѣсь не было, потому что въ средніе вѣка вовсе не было государственныхъ понятій.

Московскіе государи оставляли эти средневѣковые округа въ томъ видѣ, какъ они находили ихъ по мѣрѣ соединенія отдѣльныхъ княжествъ и областей въ Московское государство. Но для удобства управленія или по другимъ причинамъ, напримѣръ, по просьбѣ жителей, или для уравниенія податныхъ обязанностей округовъ дѣлались иногда частныя измѣненія: нѣкоторыя земли отдѣлялись отъ однихъ уѣздовъ и присоединялись къ другимъ, или составляли самостоятельные округа (1). Кромѣ того съ возникновеніемъ государства чувствовалась потребность большихъ правительственныхъ округовъ, нежели каковы были уѣзды. Но и здѣсь принимались только частныя мѣры: меньшіе города приписывались къ большимъ и составляли ихъ пригороды. Примѣръ былъ данъ Новгородомъ и Псковомъ, которые уже въ средніе вѣка имѣли свои пригороды. Тоже самое было сдѣлано съ новозавоеванными

(1) Акты Арх. эксп. т. 3-й, № 293. Акты Истор. т. 5, № 8. Временникъ 1831 г. кн. II стр. 91. Послѣднее относится къ XVI вѣку: въ 1501 году Великій князь велѣлъ отписать отъ Новгорода два погоста, которые изстари были Новгородскаго уѣзда, и придалъ ихъ къ Лядогѣ пятиномъ и душегубцовомъ. Заонежскіе и Лопскіе погосты были отдѣлены отъ Новгородскаго уѣзда и составили отдѣльное управленіе. Тоже было сдѣлано съ Старою Русою, бывшею прежде Новгородскимъ пригородомъ; впоследствии Суверская волость, принадлежавшая къ Старо-русскому уѣзду, составила отдѣльный округъ.

областями: къ Казани, Астрахани, къ Тобольску, къ Томску приписаны были меньшіе города, которые, имѣя своихъ воеводъ, подчинялись однакоже воеводамъ главныхъ городовъ. Такой обширный округъ назывался иногда разрядомъ, потому что въ главномъ городѣ учреждался разрядъ для управленія служилыми дѣлами округа; весьма часто употребляются выраженія: города Новгородскаго, Тобольскаго, Томскаго разрядовъ. Въ послѣдствіи времени и другіе города сдѣлались центрами такихъ округовъ: Бѣлгородъ имѣлъ свои пригороды, Сибирскъ имѣлъ свои пригороды, а въ концѣ XVII-го вѣка и въ средней Россіи начали приписывать одни города къ другимъ. Въ 1692 году къ Ярославлю были приписаны Ростовъ и Переяславль Залѣсскій, а воеводы послѣднихъ были упразднены (1). Эти приписанія совершались иногда съ административною, съ военною цѣлью, но иногда это дѣлалось по чисто-случайнымъ соображеніямъ. Такъ напримѣръ, въ 1687 году Верхотурье выѣстѣ съ Целымомъ и Туринскомъ отдѣлено было отъ Тобольскаго разряда и составило отдѣльный округъ, потому что въ Верхотурьѣ была застава, на которой осматривали пожитки сибирскихъ воеводъ при ихъ проѣздѣ въ Сибирь, и Тобольскіе воеводы, вѣдая Верхотурье, могли пользоваться своею властью, чтобы освободиться отъ осмотра (2). Вообще приписаніе малыхъ городовъ къ большимъ, совершаемое безъ всякихъ общихъ соображеній, доставляло частныя удобства, но нисколько не уменьшало пестроты уѣзднаго дѣленія, и, какъ увидимъ ниже, еще болѣе осложняло управленіе.

(1) Полн. Собр. Зак. № 1442.

(2) Акты Историч. т. 8, № 162.

Уѣзды раздѣлялись на станы и волости. Волость вѣроятно была первоначальнымъ общиннымъ дѣленіемъ славянскихъ племенъ, соотвѣтствовавшимъ нѣмецкой маркѣ. Крестьяне въ древности жили разрозненно, села и деревни состояли изъ немногихъ дворовъ, такъ что первою общественною единицею была волость. Вотчины, пріобрѣтенныя князьями, частными лицами и монастырями на волостной землѣ, входили въ составъ волости, несли однѣ подати и повинности, подчинялись однимъ судьямъ, на сколько онѣ не были освобождены отъ этого жалованными грамотами. Однако же иногда эти частныя земли отличались отъ волостныхъ; напримѣръ: «Серпуховъ со всѣми волостями и со княженьскими селы и съ монастырскими селы, а Хотунъ потомужъ со всѣми волостми и селы и т. д.» (1). Точно также и подъ именемъ станowychъ и волостныхъ людей разумѣлись иногда всѣ жители, но обыкновенно, а въ позднѣйшее время всегда, крестьяне, принадлежавшіе частнымъ лицамъ и монастырямъ, отличались отъ станowychъ и волостныхъ людей (2). Со временемъ эти новые элементы—земли дворцовыя, церковныя и частныя, въ большей части Россіи разрушили первоначальное волостное дѣленіе. Въ XVII вѣкѣ помѣстные и вотчинныя земли не имѣли уже никакой связи съ черными землями, составлявшими собственную волость; онѣ не подчинялись волостнымъ старостамъ и цѣловальникамъ, платили подати и отправ-

(1) Акты Археогр.-вѣсп. т. 4-й, № 118.

(2) Безразлично употребляются эти названія въ Актахъ Археогр.-вѣсп. т. 4-й, № 123, во всѣхъ же жалованныхъ грамотахъ отличаются тѣ и другіе крестьяне. См. также А. Арх. вѣсп. т. 4-й, № 146, гдѣ волостными крестьянами названы одни черные.

ляли повинности сами по себѣ, отдѣльно отъ другихъ. Дворцовыя земли имѣли также свое особенное управленіе; монастырскія и церковныя земли жалованными грамотами большою частью сравнены были съ помѣщичьими, такъ что первоначальное дѣленіе сохранилось только на сѣверѣ, гдѣ менѣе было вотчинныхъ элементовъ. Кромѣ того это первоначальное естественное дѣленіе имѣнялось и административнымъ образомъ: для описанія становъ и волостей посылались въ уѣзды ясыцы, которые приписывали земли къ отдѣльнымъ станамъ и волостямъ самымъ безпорядочнымъ образомъ, и этимъ такъ исказили первоначальные округа, что въ концѣ XVII-го вѣка ихъ уже не возможно было узнать (1).

Если волости были остатками древняго общиннаго быта, то станы были напротивъ чисто административнымъ дѣленіемъ. Станомъ называлось мѣсто, дворъ, гдѣ становился судья или доводчикъ, а поэтому и самый округъ, находившійся въ его вѣдомствѣ. Такъ какъ и волостели жили въ станахъ, то иногда волость называлась станомъ; оба названія смѣшивались (2). Обширная волость могла даже дѣлиться на нѣсколько становъ, если волостель раздѣлялъ ее между своими тиунами (3). Но собственно станами въ отличіе отъ волостей назывался округъ, приписанный къ городу и отдаваемый въ кормленіе намѣстнику, почему станы

(1) Полн. Собр. Закон. № 832, ст. 2.

(2) « Артемонавою стану старосту и всѣмъ крестьянъ тое волости. » Акт. Арх. эксп. т. 1-в, № 144. « А случится судъ смѣстной городскихъ людей и усольскимъ и въ волостяхъ становымъ людямъ съ монастырскими людьми. » Тамъ же, № 200; также т. 2-в, № 85.

(3) Временникъ 1853 г. кн. 11, стр. 45, статья г. Бѣльева.

въ грамотахъ называются иногда станами городскими (1). Намѣстникъ раздѣлялъ округъ между своими тиунами и доводчиками; каждый имѣлъ свой станъ, и доводчикамъ запрещалось переѣзжать изъ стана въ станъ или изъ раздѣла въ раздѣлъ (2). Уставныя грамоты часто опредѣляли мѣста, гдѣ должны были жить тиуны и доводчики, ибо постоянное ихъ присутствіе было обременительно для жителей; каждый старался отклонить это отъ себя и возникали жалобы, какъ скоро станъ переносился съ прежняго мѣста на другое (3). Такъ какъ станы принадлежали къ городамъ, то они по смерти князя дѣлились на части вмѣстѣ съ городомъ, волости же обыкновенно поступали нераздѣльно къ тому или другому наследнику (4). Иногда станъ имѣлъ болѣе обширное значеніе и заключалъ въ себѣ нѣсколько становъ и волостей. Это дѣлалось въ видахъ управленія: такъ напримѣръ, на Вагѣ, гдѣ не было города, въ Шенкурскомъ стану былъ намѣстникъ, а въ Вельскомъ стану тиунъ; къ обоимъ станамъ приписано было по нѣскольку становъ и волостей (5).

(1) Городъ Галичъ съ станы городскими и со всѣми волостями.» С. Г. Г. т. 1-й, № 81. «А станомъ къ городу: Городецкій станъ, да Напорожскій станъ, да Заверскій станъ.» Акт. Археогр. эксп. т. 1-й, № 123.

(2) Акты Археогр. эксп. т. 1-й, № 123, 181.

(3) Акты Истор. т. 1-й, № 70, 299.

(4) «А городъ дѣтемъ моимъ и станы на поляхъ; а сыну моему князю Семю станы на сей сторонѣ Волги пониже Городца да Бѣлогородье (волость), а сыну князю Ярославъ станы на оной сторонѣ Волги повыше Городца, да Юрьевецъ (волость). А станы дѣти мои подѣлать равно, а у котораго болѣе будетъ въ станахъ, и тотъ тому ступитъ.» С. Г. Г. т. 1-й, № 39.

(5) Акты Археогр. эксп. т. 1-й, № 234.

Такимъ образомъ дѣленіе на станы и волости возникло изъ отличія города отъ волостей и изъ судебного порядка, господствовавшаго въ системѣ кормленій. Съ уничтоженіемъ этой системы, съ повсемѣстнымъ учрежденіемъ воеводъ весь уѣздъ подчинился одной судебной власти; различіе между городскимъ округомъ и волостями исчезло. Отдѣльные станы и волости сохранили свое значеніе только для земскаго управленія, но и здѣсь первоначальные округа совершенно измѣнились вслѣдствіе наплыва вотчинныхъ элементовъ, которые не подчинялись земскимъ властямъ. Не смотря на то, прежнее дѣленіе сохранялось до временъ Петра Великаго. Въ писцовомъ наказѣ 1680 года велѣно было станы и волости межевать по прежнимъ писцовымъ книгамъ и по старымъ межамъ и границамъ. Но прежнее дѣленіе совершенно уже исказилось: земли, приписанныя по писцовымъ книгамъ къ одному округу, часто находились посреди другихъ, такъ что межевать ихъ было невозможно (1). Петръ Великій уничтожилъ это дѣленіе и замѣнилъ его другимъ, приспособленнымъ къ новому порядку управленія.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ волостямъ соответствовали погосты; иногда даже эти названія употреблялись безразлично для означенія одной и тойже мѣстности (2). Но обыкновенно волостью называлось собра-

(1) Полн. Собр. Законовъ, № 832, ст. 2.

(2) Доп. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 113: «пожаловалъ въ Шелонской пятины тою нашею оброчною волостью Любынскимъ погостомъ.» Временникъ 1851 г., т. 11, стр. 118: «и ставить тотъ дворъ всею волостью Городненскаго погоста и Корбосельскаго.» Сумерскій погостъ Акт. Арх. эксп. т. 3-й, № 91, Сумерская волость Доп. къ Акт. Истор. т. 3-й № 67; Зюдяинскій погостъ и Зюдяинская волость Акт. Арх. эксп. т. 2-й, № 69.

пѣсколькихъ деревень безъ всякаго впрочемъ административнаго значенія: пѣсколько деревень, находившихся въ одной мѣстности и принадлежавшихъ одному лицу, назывались волостью или волосткою, разбросанныя же деревни считались особо. Поэтому погостъ состоялъ изъ волостей, селъ и деревень, принадлежавшихъ разнымъ хозяевамъ — Великому князю, попастырямъ и частнымъ лицамъ (1). Слово: погостъ означало мѣсто, гдѣ стояла церковь (2), и это названіе было перенесено на весь церковный приходъ, который въ древнѣйшія времена вѣроятно совпадалъ съ первоначальнымъ общиннымъ или волостнымъ дѣленіемъ (3). Поэтому многіе погосты носили двойное

(1) См. Окладную книгу, издаванную въ 11-й кн. Временника Общества ист. и древн. Росс. за 1851 г.

(2) Погостъ Ильинскій. А на погостѣ церковь Ильи пророка (тамъ же). «Ижеа учивена отъ погоста, гдѣ стоитъ церковь улицею.» Акты Истор. т. 3-й, № 151.

(3) См. объ этомъ и вообще о погостахъ вышедшее въ 1853 г. сочиненіе г. Неволнина въ «Запискахъ Географическаго Общества» в кн. 8-й. Учрежденіе погостовъ по Мстѣ и Лугѣ приписывается Ольгѣ, но такъ какъ она во время путешествія была еще язычницею, также какъ и народъ, то г. Неволнинъ полагаетъ, что погостами назывались также мѣста языческаго богослуженія и что Ольга установила эти мѣста, или что она на мѣстахъ религіознаго богослуженія установила центры гражданскихъ союзовъ. Но невозможно доказать, что мѣста языческаго богослуженія назывались погостами; трудно также предположить, чтобы такіа мѣста не существовали прежде Ольги, и еще вѣроятнѣе, чтобы Ольга установила раздѣленіе на гражданскіе округа. Округи, подобныя погостамъ, существуютъ у всѣхъ патріархальныхъ народовъ, какъ первоначальное дѣленіе, а во времена Ольги князь вовсе не былъ въ виду правильной администраціи. Предлагаю другую догадку: Ольга жила въ Новгородѣ, какъ язычница, но преданіе не знаетъ хронологіи: она была первою русскою христіанскою княгиней, она причтена къ лику святыхъ, и ничто не могло быть естественнѣе, какъ приписать ей учрежденіе христіанскихъ погостовъ въ

название: одно, заимствованное отъ рѣкъ, урочищъ и т. п., другое отъ имени святаго, которому посвящена была церковь; такъ напримѣръ были погосты Никольскій Шумскій, Спасскій Выгозерскій, Егорьевскій Толвуйскій, Петровскій Челможскій и т. д. (1). Въ одномъ погостѣ могло быть нѣсколько церквей, но главная или старая была одна, остальные же, вновь воздвигнутыя, назывались выставочными (2), и, считаясь въ приходѣ старыхъ церквей, пособляли имъ въ платежѣ церковныхъ посплинъ, на сколько онѣ получали собственныхъ прихожанъ (3). Погосты встрѣчаются и въ другихъ Русскихъ областяхъ—въ Пермскомъ уѣздѣ, въ Чердынскомъ, во Владимірскомъ, въ Ярославскомъ, въ Вяземскомъ (4); но здѣсь обыкновенно этимъ именемъ означалось только село, въ которомъ находилась церковь, напримѣръ: «Погостъ Ныробъ, а въ немъ церковь Николы Чудотворца Ныробскій, а въ погостѣ восемь дворовъ крестьянскихъ, да дворъ бобыльскій» (5). Иногда же и цѣлая волость или станъ назывались погостомъ (6). Но въ остальной Россіи названіе становъ и волостей погостами встрѣ-

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она путешествовала и оставила слѣды своего пребыванія.

(1) Акты Истор. т. 4-й, № 431. Другихъ примѣровъ очень много.

(2) «По погостомъ священникомъ и дьякономъ старыхъ церквей и выставочнымъ.» Доп. къ А. Истор. т. 4, № 43; «попы погостовъ и выставочныхъ церквей.» Акты Истор. т. 5-й, № 244.

(3) Акты Историч. т. 1-й, № 150.

(4) Акты Археогр. эксп. т. 2-й, № 69; Акты Истор. т. 2-й, № 74, т. 3-й, № 119, 120, 159; Доп. къ Акт. Истор. т. 3-й, № 21.

(5) Акты Истор. т. 3-й, № 149.

(6) Зюдинская волость и Зюдинскій погостъ употребляются безразлично. Акты Арх. эксп. т. 2-й, № 69; также Ильявскій станъ, Ильявскій погостъ. Акты Археогр. эксп. т. 3-й, № 293.

чается только, какъ исключеніе; общее дѣленіе на погосты существовало только въ Новгородскихъ земляхъ. Погосты иногда съ административною цѣлью соединялись въ станы, и тогда станъ носилъ имя главнаго погоста (1). Нѣкоторые погосты приписаны были къ Новгородскимъ пригородамъ и составляли ихъ уѣзды, но большая часть погостовъ вмѣстѣ съ городами и ихъ уѣздами входили въ составъ пятинь. Весь Новгородскій уѣздъ раздѣленъ былъ на пять пятинъ: Обонежскую, Деревскую, Бѣжецкую, Шелонскую и Вотскую; каждая пятинна дѣлилась на половины. Это было административное раздѣленіе Московскихъ государей (2), которое впрочемъ не ограничивалось Новгородскими землями; въ другихъ областяхъ встрѣчается соответствующее этому раздѣленіе на трети и чети. Важскій уѣздъ раздѣлялся на четыре чети: Шенкурскую, Кокшенскую, Подвинскую и Верховажскую (3); трети встрѣчаются въ Переяславскомъ уѣздѣ (4) и въ Вологодскомъ (5). Всѣ эти раздѣленія были учрежденіемъ Московскихъ государей; вѣроятно они имѣли въ виду облегченіе управленія раздробленіемъ на участки слишкомъ большихъ уѣздовъ. Но это была мѣра частная: исторически возникшее нера-

(1) «Обонежскіе пятинны Выгозерскаго стану Егорьевскаго погосту Акты Истор. т. 3-й, № 151. «Възати... въ Оштинскій и въ Водловерскій станъ во всѣ погосты» Акты Ист. т. 1-й, № 51. «Възати въ Обонежскую пятинну въ Оштинскій станъ въ Государевѣ во оброчные волости: въ Никольскій погостъ въ Оштинскій и т. д. Доп. къ Ак. Истор. т. 1-й, № 169.

(2) См. сочиненіе г. Неволнина.

(3) Акты Археограф. эксп. т. 1-й, № 112.

(4) Тамъ же, № 144.

(5) Акты Юрид. № 293.

венство нѣсколько смягчалось, но дѣленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе, дѣлалось еще болѣе сложнымъ и запутаннымъ. Самыя эти дробныя части продолжали иногда существовать, потерявши уже прежній административный смыслъ. Новгородскія пятины, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ не имѣли уже никакого административнаго значенія; правительственными округами были половины пятины, изъ которыхъ каждая управлялась губнымъ старостою. Не вѣдать также, какое административное значеніе имѣло раздѣленіе на трети и чети.

Псковская область съ уѣздами Псковскихъ пригородовъ раздѣлялась на губы (1); это раздѣленіе встрѣчается въ 1505 году и въ Новоторжскомъ уѣздѣ (2). Оно соотвѣтствовало станамъ, волостямъ и погостамъ и не имѣло никакого отношенія къ губнымъ округамъ, введеннымъ Московскими государями для губнаго управленія. Что касается до послѣдняго раздѣленія, то оно измѣнялось съ развитіемъ государственнаго порядка. Сначала губныя грамоты давались безразлично цѣлымъ уѣздамъ, волостямъ, посадамъ и даже селамъ, принадлежавшимъ одному владѣльцу; каждый округъ, которому давалась такая грамота, составлялъ отдѣльную губу, такъ что это дѣленіе не имѣло никакой опредѣленности. Но въ періодъ времени отъ Михаила Осодоровича до Петра Великаго губное раздѣленіе болѣею частью совпадало съ уѣзднымъ, хотя и были нѣкоторые исключенія: такъ напр. въ Новгородскихъ областяхъ каждая половина пятины составляла отдѣльную губу; въ Шуйскомъ уѣздѣ въ 1670 и 1682 годахъ губными дѣлами

(1) Акты Археограф. эксп. т. 3-й, № 133.

(2) Тамъ же, т. 1-й, № 141.

завѣдывали суздальскіе воеводы (1), между тѣмъ какъ въ 1667, въ 1680 и въ 1700 годахъ въ Шуѣ были свои губные старосты, слѣдственно въ первомъ случаѣ Шуя принадлежала къ одной губѣ съ Суздалемъ, а во второмъ образовала съ своимъ уѣздомъ отдѣльную губу. Такимъ образомъ губа составляла отдѣльный округъ, который обнималъ собою болѣе или менѣе пространства и измѣнялся смотря по частнымъ соображеніямъ правительства.

Но этимъ не ограничивались административныя раздѣленія: для платежа податей и отправленія повинностей села, станы, волости и даже цѣлые уѣзды складывались въ такіе податные округа, которые не имѣли постоянного значенія. Частная практическая цѣль каждый разъ рѣшала, какія общины и уѣзды должны нести извѣстную повинность вмѣстѣ, и какія порознь. Для каждой повинности былъ свой округъ, своя *кость*, какъ это иногда называлось, и эта *кость* могла безпрестанно измѣняться вслѣдствіе частныхъ видовъ правительства. Отъ этого происходили безпрерывныя жалобы на излишнее отягощеніе, и споры, которые рѣшались отдѣленіемъ извѣстныхъ общинъ отъ округа и присоединеніемъ ихъ къ другому. Такъ напримѣръ въ 1625 году посадскіе люди города Шуи пишутъ въ поданной царю жалобѣ, что они списаны въ одной кости съ разными помѣщиками и вотчинниками Шуйскаго уѣзда для выбора въ Шую губнаго цѣловальника, и когда былъ цѣловальникъ отъ уѣздныхъ людей, они давали ему вспомогу; нынѣ же цѣловальникъ поставленъ отъ посада, а уѣздные люди не даютъ ему помощи и не хотятъ его переимѣнить.

(1) Описаніе Шуи № 43, 39, стр. 44, 43 и 307.

Поэтому впереди имъ съ ними въ одной кости быть невозможно. А прежде съ ними въ одной кости написанъ былъ цѣловальникъ отъ вотчины Шартомскаго монастыря, которая теперь отписана въ другія кости. Шуяне просили царя, чтобы онъ велѣлъ ту вотчину списать съ ними по прежнему въ одну кость, что царь и разрѣшилъ (1). Въ 1613 году по просьбѣ архимандрита Спасо-Евфиміева монастыря велѣно было монастырскую вотчину отписать отъ Ростовскаго яма и приписать къ Владимірскому, а вмѣсто того къ тому ямскому охотнику, у котораго отпишутъ вотчину, приписать изъ прописныхъ земель Ростовскаго уѣзда (2). Чердынцы, Вятчане, Кайгородцы и Усольцы вмѣстѣ отправляли ямскую гоньбу въ Сибирь, вслѣдствіе чего у нихъ были безпрестанные споры и счеты.

Областное дѣленіе Московскаго государства, возникшее изъ историческихъ случайностей удѣльнаго періода, изъ судебныхъ округовъ, потерявшихъ всякое значеніе, не представляло правильной, однообразной системы, а было накопленіемъ разнородныхъ наростовъ. Правительство, имѣя въ виду порядокъ управленія, нѣсколько уравнивало эту неправильность, но мѣры были частныя, и дѣленіе еще болѣе осложнялось и запутывалось. Если округъ былъ слишкомъ великъ, онъ дѣлился на части, которымъ въ другихъ областяхъ не было соотвѣтствія; если старое раздѣленіе не подходило подъ новую потребность, тотчасъ дѣлалось новое дѣленіе, являлась новая группа, которая опять измѣнялась вслѣдствіе частныхъ цѣлей и потребностей. Это должно было воздѣйствовать и на

(1) Описаніе Шум № 14.

(2) Акты Археогр. экзп. т. 3-й, № 8.

самое управленіе : гдѣ нѣтъ правильного дѣленія , не можетъ быть и правильного управленія ; сложность одного ведетъ къ запутанности другого. Невозможно было, напримѣръ, воеводамъ Шуйскому или Суздальскому, которые управляли небольшими уѣздами, предоставить одинакую власть съ воеводою Новгородскимъ , подѣ начальствомъ котораго было обширное пространство земель съ нѣсколькими городами. Различная степень власти правителей и вслѣдствіе того отсутствіе общей административной системы были неминуемымъ слѣдствіемъ неправильнаго областного дѣленія, или, лучше сказать, во всѣхъ этихъ явленіяхъ выражалась одна черта общественной жизни того времени—отсутствіе правильной государственной организаціи.

Въ связи съ неправильностью областного дѣленія находилась дѣйствица городовъ. Города раздѣлялись на большіе, средніе и меньшіе, но въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ города имѣли не одинакую степень важности. Самыми значительными городами считались Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Казань, Астрахань, Тобольскъ и Томскъ (1). Они имѣли наибольшіе округа, въ нихъ посылались воеводами знатнѣйшія лица, которымъ предоставлялось наиболѣе власти. Вообще города имѣли своего рода честь , которая зависѣла отъ степени, занимаемой ими на городской дѣйствицѣ , по которой они могли повышаться или понижаться, смотря по обстоятельствамъ. Такъ въ 1692 году Ярославль велѣно было писать въ грамотахъ отчиною , а находящуюся въ немъ приказную избу именовать приказною палатою (2). Выстѣ съ тѣмъ къ нему приписаны

(1) Котошихинъ гл. VIII.

(2) Полн. Собр. Зак. № 1443

ЗАБЛЮЧЕНИЕ.

Земскіе старосты и дѣловальники были послѣднимъ звеномъ въ областныхъ учрежденіяхъ Московскаго государства. Начала приказное, вѣрное и земское лежали въ основаніи трехъ господствующихъ системъ управленія. Губныя учрежденія были смѣшеніемъ всѣхъ трехъ; они возникли по недостатку сознанія въ ихъ различіи и должны были пасть съ болѣе точнымъ разграниченіемъ правительственныхъ началъ. Такое разграниченіе является уже въ концѣ XVII-го вѣка и служить признакомъ развитія государственнаго порядка. До того времени всѣ три системы смѣшивались и перепутывались между собою; различныя начала существовали, но безсознательнымъ образомъ, безъ возведенія ихъ къ общимъ государственнымъ соображеніямъ, такъ что каждая правительственная власть неправильнымъ образомъ вступалась въ область другихъ, и не было строгаго опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Приказныя власти имѣли самое разнообразное вліяніе на вѣрные сборы и вступались во всѣ земскія дѣла; вѣрные сборщики находились къ тѣмъ и другимъ въ различныхъ отношеніяхъ и завѣдывали иногда, какъ приказными, такъ и земскими дѣлами; земскія власти наконецъ, на которыхъ лежала наибольшая отвѣтственность, лишены были почти всякой власти и всюду стѣснены были въ своихъ дѣйствіяхъ. Необходимо было точнѣе опредѣлять кругъ дѣятельности каждой и дать имъ болѣе правильную организацію. Начало этому положено было Ѳеодоромъ Алексѣвичемъ, но систематическое устройство учрежденій

было введено уже Петромъ Великимъ. Губное управленіе было уничтожено, какъ несогласное съ новымъ порядкомъ; вѣрные сборщики подчинены были земскимъ властямъ, такъ что выборныя власти образовали самостоятельное управленіе, совершенно отдѣльное отъ приказнаго. Земское начало получило такимъ образомъ большее значеніе, нежели прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно облеклось въ сословный характеръ, который, вслѣдствіе новаго устройства элементовъ государственной жизни, замѣнилъ собою прежній поземельный.

Все это совершилось уже въ концѣ XVII-го вѣка; преобразованія Федора Алексѣевича были первымъ шагомъ къ преобразованіямъ Петра Великаго. До того времени приказныя власти завѣдывали судомъ, полиціею, военными дѣлами и большею частью финансоваго управленія. Вѣрные сборщики завѣдывали казенными сборами, а земскія власти мѣстными повинностями и службами, отправляемыми въ пользу государства. Всѣ эти предметы вѣдомства имѣли характеръ чисто государственной; собственно мѣстныхъ, земскихъ дѣлъ вовсе не было. Устройство мѣстныхъ союзовъ, съ ихъ правами, съ мѣстными дѣлами и учрежденіями, относится уже ко временамъ Екатерины II-й. Тогда существеннымъ началомъ управленія сдѣлалось народное благо, тогда какъ прежде главною цѣлью была государственная польза. Государство было исходною точкою всего общественнаго развитія Россіи съ XV-го вѣка. Возникшее на развалинахъ средневѣковыхъ учреждений, оно нашло вокругъ себя чистое поле; не было мелкихъ союзовъ, крѣпкихъ и замкнутыхъ; отдѣльныя личности, бродящія съ мѣста на

мѣсто и запятая исключительно своими частными интересами, одніе противостояли новому общественному союзу. Главною задачею сдѣлалось устройство государства, которое организовалось сверху, а не снизу: нужно было устроить общій союзъ, а частные должны были служить ему орудіемъ. Поэтому на всѣхъ учрежденіяхъ лежалъ государственный характеръ, и такъ какъ прежде всего нужны были государству матеріальныя средства, то и задача управленія была преимущественно финансовая. Этимъ XVII-й вѣкъ отличается отъ XVIII-го, въ которомъ цѣлью управленія сдѣлались также промышленность и образованіе, хотя и эти отрасли дѣятельности первоначально развивались въ видахъ государственной пользы.

Средства новаго государства были однакоже ничтожны: ему недоставало людей, и оно сдѣлало государственную службу повинностью сословій. Ему недоставало денегъ, и оно учредило множество мѣстныхъ повинностей въ пользу государства. Ему недоставало наконецъ и административныхъ средствъ, и оно восполняло ихъ отвѣтственностью подданныхъ. Такимъ образомъ надзоръ за мѣстными правителями былъ почти невозможенъ; поэтому отвѣтственность за сборы возложена была, какъ на мѣстныхъ жителей, которые обязаны были выбирать вѣрныхъ сборщиковъ, такъ и на самихъ сборщиковъ и правителей, которые отвѣчали за успѣхъ своимъ лицомъ и имуществомъ. Точно также и богатство отдѣльныхъ лицъ мало подлежало влиянію государства, которое не имѣло средствъ ни узнать количества имущества подданныхъ, ни удерживать ихъ на мѣстахъ, ни даже принудить ихъ къ уплатѣ податей; поэтому уплата была возложена на

дѣлами общины, которыя отвѣчали за всѣхъ членовъ и сами уже взыскивали съ нихъ деньги. Эта система повинностей проникала такимъ образомъ во всѣ отношенія: земскіе люди несли службы, отправляли повинности, отвѣчали за сборы, отвѣчали даже за поведеніе всѣхъ живущихъ среди нихъ подозрительныхъ людей, хотя не имѣли на нихъ никакого вліянія.

Ничтожность государственныхъ средствъ, незначительное вліяніе центральной власти на областное управленіе дѣлали необходимымъ усиленіе власти воеводъ. Поэтому всякаго рода дѣла сосредоточивались въ ихъ рукахъ, къ чему съ другой стороны вели младенческое состояніе правительственныхъ учреждений и самая запутанность администраціи.

Эти три черты областного управленія—государственный характеръ учреждений, система повинностей и соединеніе всѣхъ дѣлъ въ рукахъ воеводъ—характеризуютъ всю эпоху, простирающуюся отъ возникновенія государства въ XV-мъ вѣкѣ до временъ Екатерины II-й; только начальство надъ постоянными войсками отнято было у воеводъ при Петрѣ. Но Московское государство имѣло свои особенности, которыя рѣзко отличаютъ его отъ Петровскихъ временъ. Въ основаніи всѣхъ этихъ особенностей лежитъ самый способъ законодательной дѣятельности: въ Московскомъ государствѣ почти все совершалось не на основаніи общихъ соображеній, а частными мѣрами; оно управлялось не законами, а распоряженіями. Главнымъ руководствомъ въ областномъ управленіи служили указы, которые давались должностнымъ лицамъ. Но эти указы вручались отдѣльно каждому лицу; содержаніе ихъ было чрезвычайно разнообразно; изложенныя въ нихъ пра-

вила далеко не обнимали собою всѣхъ случаевъ, и обыкновенно даже они не были совершенно обязательны для правителей. Общаго же наказа не было до временъ Петра Великаго. Этотъ ходъ законодательства опредѣлялъ весь характеръ областного управленія того времени.

Первымъ слѣдствіемъ было то, что административныя учрежденія не были повсемѣстными; однимъ округомъ управляли воеводы, другимъ городовые приказчики, третьимъ губные старосты, въ четвертомъ были одніе земскія власти. Губныя дѣла завѣдывались гдѣ воеводами, гдѣ губными старостами, гдѣ сыщиками; въ однихъ мѣстахъ были земскіе судейки, въ другихъ ихъ вовсе не было. Тоже можно сказать и о множествѣ другихъ учреждений.

Самыя мѣры были отрывочны; законодательство не составляло системы, исходящей изъ общаго начала и проникающей во всѣ частности. По мѣрѣ появленія случайной практической потребности дѣлалось въ одномъ мѣстѣ одно распоряженіе, въ другомъ иное; прежнія учрежденія оставались подлѣ новыхъ, которыя часто имъ противорѣчили, и все это выѣстъ составляло безпорядочную массу самыхъ разнородныхъ и отрывочныхъ распоряженій. Такимъ образомъ въ учрежденіяхъ XVII-го вѣка можно видѣть слѣды всѣхъ прежнихъ системъ управленія: жалованныя грамоты и привилегіи, кормы, частное поручительство, родственныя отношенія въ службѣ напоминали средне-вѣковую жизнь; отъ системы XVI-го вѣка остались земскіе судейки, губные старосты и городовые приказчики, самостоятельно управлявшіе отдѣльными окру-

гамп. Все это перемѣшивалось безъ всякаго порядка , безъ всякой системы.

Правительственныя мѣры были кромѣ того чрезвычайно разнообразны. Способовъ управленія было много, и каждый избирался по мѣстному удобству и по случайнымъ соображеніямъ. Не было для каждаго дѣла единого , общаго , законнаго способа , опредѣленнаго государственными потребностями ; частные виды рѣшали все, и если отъ этого выигрывало иногда мѣстное удобство , то цѣлое управленіе дѣлалось отъ этого необыкновенно сложнымъ и запутаннымъ. Одно и тоже дѣло поручалось иногда одному лицу , иногда другому; вѣдомство, права и взаимныя отношенія должностныхъ лицъ опредѣлялись самыми разнообразными постановленіями, безъ руководствующихъ нормъ ; различныя системы управленія—коллегіальная, бюрократическая, приказная, вѣрная, земская, замѣнялись одна другою безъ всякаго установленнаго правила. Способы дѣйствія были также различны, и весьма часто опредѣлялись, иногда въ очень важныхъ случаяхъ, не общимъ закономъ, а усмотрѣніемъ мѣстныхъ властей. Наконецъ и самое подчиненіе было весьма разнообразно : одни и тѣже дѣла завѣдывались то однимъ приказомъ, то другимъ.

Отсюда происходило неравенство во всѣхъ сферахъ областнаго управленія. Развитое государство , устанавливая общественный порядокъ, уравниваетъ всѣ явленія общественной жизни и подводитъ ихъ подъ общія категоріи, опредѣляемыя государственными потребностями. Но такихъ общихъ категорій или разрядовъ не было въ Московскомъ государствѣ; всѣ явленія оста-

чали, возникая каждое отдельно от другихъ. Если въ какомъ нибудь мѣстѣ неравенство было слишкомъ ощутительно и слишкомъ затрудняло управленіе, происходило частное уравниеніе. Иногда же всѣ неравныя явленія располагались по извѣстной лѣствицѣ, которая, сохраняя неравенство, придавало ему однакоже нѣкоторую правильность. Такъ происходили: лѣствица городовъ, лѣствица воеводской чести, которая выражалась въ нѣкоторыхъ преимуществахъ однихъ воеводъ передъ другими, лѣствица подъячихъ въ приказной избѣ. Но обыкновенно даже и этого не было: неравенство оставалось въ случайномъ безпорядкѣ, безъ всякаго опредѣляющаго правила. Такимъ образомъ областное дѣленіе осталось въ томъ хаотическомъ видѣ, въ какомъ оно было при постепенномъ образованіи Московскаго государства; происходили только частныя уравниенія, которыя еще болѣе увеличивали пестроту. Тоже самое можно сказать и о степени власти правителей; она опредѣлялась не общими категоріями, а случайными соображеніями, различными не только по мѣстности, но и по времени. Одному давалось болѣе правъ, другому менѣе; получившій больше правъ въ одномъ разрядѣ дѣлъ, получалъ ихъ меньше въ другихъ; воевода значительнаго города въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣлъ менѣе власти, нежели воевода ничтожнаго города. Тоже должно сказать и о подчиненіи воеводъ однихъ другимъ, равно какъ и о подчиненіи другихъ мѣстныхъ правителей и сборщиковъ. Самые штаты были различны, какъ по мѣстности, такъ и по времени, или лучше сказать, правильныхъ штатовъ вовсе не было: въ одинъ городъ посы-

них случайныхъ соображеній. Также неравны были наконецъ и права отдѣльныхъ союзовъ и лицъ; права даровались имъ жалованными грамотами, по особенной царской милости, или за деньги, такъ что одни имѣли болѣе правъ, другіе менѣе, нѣкоторые же ихъ вовсе не имѣли, и все это не на основаніи какихъ либо государственныхъ видовъ, но единственно потому, что одни съумѣли ихъ выпросить, а другіе нѣтъ. Это былъ остатокъ средневѣковой системы частныхъ привилегій.

Такое неравенство устанавливалось самими указами, которые имѣли въ виду только частныя цѣли. Но во многихъ случаяхъ законъ вовсе не опредѣлялъ отношеній, и тогда все рѣшалось уже собственнымъ усмотрѣніемъ правителей и случайными мѣстными обстоятельствами. Въ Московскомъ государствѣ не было общихъ юридическихъ началъ, строго опредѣляющихъ и разграничивающихъ права и обязанности лицъ; отсюда происходила юридическая неопредѣленность, которая господствовала въ администраціи. Вообще, точность юридическихъ правилъ можетъ происходить изъ двоякаго источника: изъ частныхъ правъ и изъ государственнаго начала. Но въ администраціи Московскаго государства было весьма слабое развитіе частнаго права; оно предполагаетъ самостоятельную жизнь частныхъ союзовъ, а въ древней Россіи частныя союзы, вслѣдствіе отсутствія союзнаго духа, были очень непрочны и получили нѣкоторую крѣпость уже отъ государства. Поэтому они не имѣли въ самихъ себѣ твердыхъ юридическихъ началъ, которыми могли бы опредѣлить всѣ ихъ права и отношенія. Только тамъ, гдѣ было крѣпкое государственное начало, тамъ и частныя права были крѣпче.

ли и строгія юридическія правила и развитая юридическая казуистика. Въ мелкихъ же союзахъ юридической жизни почти не было, и даже тѣ права, которыя они пріобрѣтали жалованными грамотами, безнаказанно нарушались воеводами, а нерѣдко даже самимъ центральнымъ правительствомъ, которое между тѣмъ подтверждало прежнія грамоты. Съ другой стороны и государственное начало не могло еще установить точныхъ юридическихъ правилъ. Оно было слишкомъ мало развито; все рѣшалось частнымъ удобствомъ, все дѣлалось частными мѣрами, распорядительнымъ образомъ. Личное усмотрѣніе имѣло гораздо болѣе значенія, нежели законное правило; общихъ соображеній, общей системы вовсе не было. Поэтому весьма много отношеній оставались совершенно неопредѣленными. Устанавлилась, напримѣръ, коллегіальная форма управленія, но отношенія лицъ и способъ рѣшенія дѣлъ не опредѣлялись закономъ; производились выборы, но правила выборовъ, способъ подачи голосовъ, предоставлялось опредѣлять самимъ избирателямъ; не было даже законнаго большинства, и всѣ несогласія рѣшались не установленными правилами, а частными распоряженіями.

Также неопредѣленно было и разграниченіе вѣдомствъ, правъ и обязанностей правителей. Не было сознательнаго различія между центральной властью и мѣстной; одни и тѣже дѣла, на совершенно одинакомъ основаніи, производились то тѣми, то другими, и это рѣшалось не только случайными соображеніями, частными правами, но и просто прихотью просителя, который могъ подавать просьбу и въ Московскій приказъ и мѣстному правителю. Самое подчиненіе былъ

часто очень неопредѣленно; въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, особенно въ финансовыхъ, довольно точно опредѣлялась степень власти мѣстныхъ правителей, но во многихъ случаяхъ ихъ отношенія къ приказамъ оставались совершенно неопредѣленными. и они дѣйствовали по собственному усмотрѣнію. Имъ предписывалось отсылать въ приказы тѣ дѣла, « которыхъ за чѣмъ вершить не мочно », и писать « по часту о всякихъ дѣлахъ », а вслѣдствіе этого они дѣлали донесенія, какъ имъ вѣдывалось. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ именно приказывалось доносить въ Москву о какомъ нибудь дѣлѣ, они нерѣдко пренебрегали этою обязанностью и въ продолженіе цѣлыхъ годовъ не посылали ни донесеній, ни отчетовъ. Это отсутствіе іерархическаго порядка выражалось и въ отношеніяхъ подчиненныхъ правителей къ своимъ мѣстнымъ начальникамъ. Къ первымъ посылались изъ Москвы грамоты иногда черезъ начальниковъ, иногда помимо ихъ; сами подчиненные дѣлали донесенія иногда своимъ начальникамъ, иногда мимо ихъ Московскимъ приказамъ, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Не болѣе порядка было и въ разграниченіи отдѣльныхъ системъ управленія и вѣдомствъ различныхъ должностныхъ лицъ. Одни и тѣже дѣла находились въ вѣдомствѣ различныхъ правителей, которыхъ взаимныя отношенія не были точно опредѣлены закономъ. Въ особенности это проявлялось въ отношеніяхъ воеводъ къ земскимъ властямъ. Объ отношеніяхъ ихъ къ вѣрнымъ сборщикамъ были еще нѣкоторыя постановленія въ наказахъ тѣмъ же и кабацкимъ головамъ, хотя и здѣсь многое оставалось неразрѣшеннымъ, и самыя постановленія были разнообразны. Но отноше-

нія восводъ къ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ и къ земскимъ судейкамъ до послѣдней четверти XVII-го вѣка оставались безъ всякихъ законныхъ опредѣленій. Они заведывали одними и тѣми же дѣлами, но права ихъ и обязанности вовсе не были разграничены. Иногда только отдѣльнымъ общинамъ давались жалованныя грамоты, опредѣлявшія ихъ-которыя ихъ права, но и тѣ часто нарушались воеводами.

Съ другой стороны не было юридическаго опредѣленія самыхъ должностей. Извѣстная должность не устанавливалась для извѣстнаго разряда дѣлъ, но одно и тоже дѣло поручалось, по усмотрѣнiю, то одному, то другому, то третьему лицу, и наоборотъ, въ однихъ рукахъ соединялись дѣла самыя разнородныя, часто неимѣвшія никакой связи между собою. Не было юридическаго анализа, раздѣляющаго дѣла на извѣстные разряды, и каждая должность носила болѣе характеръ порученія, нежели постояннаго государственнаго учрежденія.

Наконецъ и самыя округа, на которые простиралось вѣдомство правителей, не были точно разграничены; одинъ воевода посылалъ въ округъ другаго своихъ подчиненныхъ, которые сами дѣлали нужныя распоряженія. Земскіе округа, устанавливаемые для платежа податей и для отправления повинностей, измѣнялись безпрерывно, безъ всякаго твердаго основанія. Не было юридически опредѣленныхъ, прочныхъ мѣстныхъ союзовъ, которые бы служили постоянными единицами для сбора податей и отправления повинностей, но частное удобство опредѣляло, съ какого округа должны быть взимаемы сборы.

Понятно, что при такой юридической неопределенности личному произволу было обширное поле. Къ этому присоединялись: отсутствие законныхъ формъ дѣлопроизводства, запутанность управленія и недостатокъ административныхъ средствъ, которые не позволяли правительству имѣть точныя свѣдѣнія о состояніи мѣстнаго управленія; наконецъ дальность разстоянія и трудность сношеній. Послѣдствіемъ всего этого было то, что злоупотребленіямъ не было конца; не только тайное лихоимство, но явное нарушеніе законовъ, открытый и явный грабежъ и насилія были явленіемъ очень обыкновеннымъ. Для предупрежденія этихъ золъ правительство должно было прибѣгать къ самымъ стѣснительнымъ мѣрамъ, къ частымъ переменамъ правителей, что съ другой стороны не было выгодно для управленія и собственно даже приносило мало пользы. Поэтому подчиненные должны были иногда прибѣгать къ самовольнымъ поступкамъ, которые правительство позволяло, потому что невозможно было вынести злоупотребленій.

Изъ всего этого можно вывести, что въ областномъ управленіи Московскаго государства видно отсутствіе единообразнаго, повсемѣстнаго, систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе юридическихъ началъ, словомъ отсутствіе государственной системы. Все совершалось распоряженіями, частными мѣрами, на основаніи частныхъ соображеній. Но такой порядокъ возможенъ только въ частномъ хозяйствѣ, гдѣ личный надзоръ хозяина служить лучшимъ руководствомъ въ управленіи; въ обширномъ же государствѣ такой надзоръ невозможенъ, и необходимы твердая, постоянная правящая, вытека-

юція изъ государственныхъ потребностей и стѣсняющій личный произволъ.

Вообще, при развитіи государственнаго организма ходъ законодательства можетъ быть двоякій : практический и теоретическій. Практическое законодательство отправляется отъ частныхъ потребностей и соображеній, и медленно, незамѣтно измѣняетъ старый порядокъ вещей; теоретическое же, напротивъ того, отправляется отъ общей системы и прилагаетъ ее къ жизни, разрушая старый порядокъ и замѣняя его новымъ. Практический ходъ имѣетъ ту выгоду, что онъ не вдругъ измѣняетъ привычки, не нарушаетъ обычныхъ формъ, въ которыя люди уже вжились вѣками, не сбиваетъ съ толку и правителей и управляемыхъ. Но за то, съ другой стороны, изъ чисто практическаго хода можетъ выйти самая безобразная, беспорядочная и запутанная система законодательства. Всѣ прежнія постановленія держатся, пока могутъ, потерявши смыслъ, противорѣча новымъ, безъ всякой связи съ другими; то, что прежде было разумнымъ, дѣлается бессмысленнымъ, прежнее благодѣяніе обращается въ гнетъ, и внуки страдаютъ отъ остатковъ отцовскихъ учреждений. Новыя постановленія дѣлаются безъ всякихъ общихъ соображеній, безъ всякой системы; общій порядокъ приносится въ жертву частному удобству, управленіе осложняется и запутывается до безконечности, произволъ является всюду, и злоупотребленіямъ нѣтъ конца. Поэтому, если при измѣненіи стараго порядка вещей сначала преобладаетъ практический ходъ законодательства, то самая безвыходность положенія ведетъ къ необходимости теоретическаго преобразованія. Последнее отправляется также отъ практической потребности установить порядокъ и строй-

ность въ государственномъ организмѣ ; оно временно нарушаетъ привычки , производитъ смѣненіе , иногда даже , при недостаткѣ практическаго взгляда , вводитъ учрежденія несвоевременныя или противныя народному духу ; но эти частныя неудобства выкупаются водвореніемъ общественнаго порядка , установленіемъ единства , и правильности въ управленіи , умноженіемъ государственныхъ средствъ и развитіемъ народнаго благосостоянія .

Изъ всѣхъ историческихъ народовъ одни Римляне умѣли удивительнымъ образомъ сочетать теоретическій ходъ съ практическимъ ; на основаніи теоретическихъ воззрѣній они медленно , незамѣтно измѣняли одну законодательную систему въ другую . Поэтому ихъ законодательство служить образцомъ для всѣхъ народовъ . Но Римляне измѣняли свои національныя учрежденія , составлявшія стройную систему , въ учрежденія общечеловѣческія , составлявшія также стройную систему разумныхъ юридическихъ началъ . Новые же народы должны были вывести систему государственнаго организма изъ хаотическаго безпорядка средневѣковой жизни . Это были двѣ противоположныя крайности : средневѣковая жизнь съ своими частными правами , съ мелкими союзами , съ обособленіемъ каждый частной сферы , съ безконечнымъ раздробленіемъ частей и неисчерпаемымъ разнообразіемъ общественныхъ явленій ; новое государство съ началомъ общественнаго блага и порядка , съ подчиненіемъ всѣхъ частныхъ общему праву , съ нераздѣльностью частей , съ единообразнымъ , систематическимъ законодательствомъ , съ правильнымъ устройствомъ государственнаго организма . При такомъ измѣненіи общественной жизни новыя народы шли

различными путями: одни, находясь подъ вліяніемъ средневѣковыхъ учреждений, разнообразныхъ и частныхъ, пошли путемъ практическимъ, другіе, основываясь на новомъ началѣ, дали законодательству направление теоретическое. Образцомъ первыхъ служить Англія, гдѣ государство сложилось, какъ связь мѣстныхъ и частныхъ союзовъ, какъ сдѣлка различныхъ элементовъ общественной жизни Среднихъ Вѣковъ. Потому Англіійское законодательство, основанное на частныхъ правахъ и привилегіяхъ, на мѣстныхъ постановленіяхъ, на древнихъ законахъ, которые измѣняются только вслѣдствіе настоятельной практической необходимости, представляетъ такой безпорядокъ, такое отсутствіе всякой стройности и системы, такое множество безобразныхъ явленій, какъ никакое другое Европейское законодательство. Но въ Англіи это искупается развитіемъ личныхъ правъ и основаннаго на нихъ чувства законности. Каждый сознаетъ право какъ свое, и подчиняется ему съ любовью. Этого развитія личныхъ правъ нѣтъ въ другихъ западныхъ Европейскихъ законодательствахъ, которыя развивались теоретически. Тамъ измѣненія совершались на основаніи общихъ государственныхъ потребностей, которыя признавались теоретически и вводились въ жизнь вслѣдствіе этого сознанія; нерѣдко это дѣлалось систематическими преобразованиями и даже насильственными переворотами. Это въ особенности можно сказать о Франціи, гдѣ законодательство получило вслѣдствіе того необыкновенную стройность, такъ что ея административныя учрежденія послужили образцомъ для всей Европы.

Московское государство по существу своему при-

должно было развиваться путемъ теоретическимъ. Оно возникло не изъ условнаго соединенія мелкихъ союзовъ, не изъ сдѣлки различныхъ общественныхъ элементовъ, но образовалось вслѣдствіе новыхъ понятій объ общественной жизни, объ общественномъ порядкѣ и о верховной власти. Менѣе, нежели гдѣ нибудь, было въ немъ прочныхъ мелкихъ союзовъ; поэтому болѣе, нежели гдѣ нибудь, было въ немъ потребности въ государственной системѣ. Оно развилось не на основаніи частныхъ правъ, а на основаніи государственныхъ нуждъ и пользы; все совершалось правительствомъ, все устанавлилось сверху; поэтому все должно было дѣлаться на основаніи систематическихъ воззрѣній. Общія юридическія нормы должны были замѣнить недостатокъ юридическаго сознанія въ народѣ.

Однакоже этого не было: въ законодательствѣ Ивана IV-го видна попытка установить государственную систему; въ Судебникахъ, въ Уложеніи, въ Новоторговомъ уставѣ видна государственная мысль, но вообще все управленіе основано было на частныхъ распоряженіяхъ; общихъ соображеній не было, и все дѣлалось практическимъ, безсознательнымъ образомъ. Это происходило отъ того, что Московскому государству недоставало теоретическаго образованія. Только сознательная теорія, только разумныя юридическія положенія могутъ дать ключъ къ систематическому устройству государственнаго организма; чисто практическій ходъ можетъ привести къ этому развѣ въ продолженіи многихъ вѣковъ. Объяснимъ это примѣромъ: при безконечномъ разнообразіи предметовъ управленія

дать управленію правильное устройство. Но частныя измѣненія никогда не приведутъ къ такому раздѣленію: разнородныя явленія, смѣшанныя въ жизни, будутъ смѣшаны и въ управленіи; общій порядокъ, о которомъ нѣтъ ленаго сознанія, будетъ всегда принесенъ въ жертву частному удобству. Систематическое раздѣленіе можно слѣдственно сдѣлать только теоретически, отираваясь не отъ того, что есть, а отъ того, что должно быть; потомъ уже слѣдуетъ приложить его къ жизни, примѣняясь къ практическимъ потребностямъ народа. Тоже должно сказать и объ устройствѣ арміи; нужно теоретическое знаніе военнаго искусства для того, чтобы привести ее въ желанное состояніе. При всякомъ систематическомъ устройствѣ государственныхъ учреждений необходимо слѣдственно теоретическое образованіе, и когда является потребность одного, является потребность и другаго. Западные народы получили свое теоретическое образованіе изъ Римскаго права, на почвѣ котораго они возникли; Россія должна была получить его отъ западныхъ народовъ. Поэтому, когда Петръ Великій дошелъ до сознанія о необходимости государственной системы, къ которому привела его современная ему жизнь, онъ прежде всего поѣхалъ на Западъ, переиалъ западное образованіе и существенно цѣлью поставилъ себѣ сближеніе Россіи съ западными государствами.

Петръ Великій не явель никакихъ новыхъ началъ въ областное управленіе; онъ только привелъ въ порядокъ существующее. Попытка его установить правильное раздѣленіе областного управленія, которое прежде того все сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ,

была преждевременна и потому не удалась. После его смерти воеводы по прежнему соединили всю власть въ своихъ рукахъ, но управленіе получило уже правильную организацію. Результатомъ преобразования было слѣдственно систематическое устройство управленія. Этимъ опредѣляется его значеніе, которое прямо вытекало изъ потребностей того времени и изъ характера государственныхъ учреждений XVII-го вѣка. Преобразования Петра Великаго составляютъ третью эпоху въ развитіи областныхъ учреждений Московскаго государства: въ XVI вѣкѣ установлены были общественныя повинности и устроено основанное на нихъ земское начало; въ XVII вѣкѣ развито было правительственное начало; въ XVIII вѣкѣ весь государственный организмъ получилъ правильное, систематическое устройство.

к о н е ц ъ .

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**О классике российской науки
Юрии Георгиевиче Алексееве
(1926–2017)**

13 апреля 2017 г., не дожив два дня до своего 91-летия, в Санкт-Петербурге скончался выдающийся российский ученый, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Юрий Георгиевич Алексеев – историк, патриот и гражданин своей страны, один из крупнейших представителей школы отечественной историографии, которого не только уважали, но и любили коллеги, а его порядочность, внутреннее благородство, исключительные доброта и скромность, невероятная сила воли не могли не вызывать восхищения.

Труды Ю. Г. Алексеева по истории образования Московского централизованного государства давно по праву считаются классическими. Юрий Георгиевич воспитал десятки учеников, многие из которых стали кандидатами и докторами наук. Профессор Алексеев многократно выступал на телевидении, радио, страницах газет. Его по справедливости называли «патриархом петербургского исторического цеха»; он был, несомненно, одним из наиболее авторитетных историков не только Санкт-Петербурга, но и России.

Каждый, кто был знаком с Юрием Георгиевичем, навсегда сохранил к нему чувство глубочайшего уважения.

Александр Сергеевич Пученков (Санкт-Петербург) – ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Институт истории, кафедра новейшей истории России, доцент; доктор исторических наук.

Alexander S. Puchenkov – St. Petersburg State University, Institute of History, Department of Contemporary Russian History, Associate Professor; Dr. (History).
ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

© А. С. Пученков, 2018

В основу настоящей публикации (с согласия издателя) положен текст вводной статьи А. С. Пученкова к посмертному переизданию одного из самых значимых трудов профессора Ю. Г. Алексеева «Государь всяя Руси» (см.: Алексеев Ю. Г. Иван Великий. Первый «Государь всяя Руси». М.: Эксмо; Ягуза; Якорь, 2017).

Объяснений этому несть числа. Тут и харизма признанного мэтра, и его исключительный дар рассказчика, и колоссальная эрудиция, затрагивающая самые разные стороны гуманитарного знания: история флота, вообще военного искусства, русской и зарубежной литературы, не говоря уже об огромном объеме знаний по истории России; молитвенное отношение к Отечеству, чеканно точные формулировки как в устной беседе, так и в текстах работ, а главное – самоотверженная преданность своей профессии и нашей общей музе – Клио. Алексеева отличала исключительная обращенность к собеседнику, подлинный демократизм в общении, природное и абсолютно не наигранное дружелюбие. Юрий Георгиевич обладал собственным, чрезвычайно оригинальным видением отечественной истории; он до последних дней жизни щедро делился с коллегами своими взглядами на важнейшие эпизоды нашей истории. Автору этих строк приходилось слышать выступления мэтра по самым разным проблемам – и война 1812 года, и сталинские репрессии¹, не говоря уже о «коронной теме» Алексеева – истории военно-морского искусства... Безусловно, по широте своего кругозора Юрий Георгиевич был эталоном настоящего университетского профессора.

Говоря о качествах Юрия Георгиевича как ученого, нельзя не отметить его исключительную идейность. Когда-то Максимилиана Робеспьера называли Неподкупным; точно такой же эпитет можно применить и к Ю. Г. Алексееву: классик российской историографии был органически неспособен, вспоминая затасканное определение, «поступиться принципами», иначе говоря, традициями, характерными для петербургской исторической школы, – максимальной неангажированностью, опорой на источник, и, конечно же, историзмом. Легковесное отношение псевдоисториков к своей работе, скоропалительность в выводах, верхоглядство были для Алексеева неприемлемы. Думается, что каждому знакомому

¹ Радио России. Исторический клуб: программа // URL: http://www.rtr.spb.ru/Radio_ru/First_Person/news_detail_v.asp?id=2098; http://www.rtr.spb.ru/Radio_ru/First_Person/news_detail_v.asp?id=3582.

с Юрием Георгиевичем приходилось быть свидетелями тех «разносов», которые устраивал профессор в отношении коллег «ленивых и нелюбопытных» по отношению к тому, что является высшей ценностью для историка – к поиску истины. При этом, важно отметить, Алексееву было присуще изначально уважительное отношение к коллегам по ремеслу, исключительная доброжелательность. Автору этих строк не доводилось слышать неуважительных реплик в адрес кого-либо из историков вне зависимости от их чина и ранга. Скажем, критикуя знаменитого историка А. А. Зимина, с которым Юрию Георгиевичу довелось приятельствовать, за, по выражению Алексеева, «распутного витязя» (имеется в виду известная книга Зимина «Витязь на распутье»), герой настоящей статьи с колоссальным уважением отзывался о творчестве Зимина в целом, отмечая его выдающиеся заслуги и «способность писать хорошие тексты с потрясающей скоростью»¹.

¹ Из интервью с Ю. Г. Алексеевым: «Я прочитал ее [книгу А. А. Зимина «Витязь на распутье». – А. П.] еще в рукописи за один присест, был ей очень недоволен, сказал ему, что это „распутный витязь“, и он очень на меня обиделся. Тогда он первый и последний раз был мной очень недоволен, хотя врагами мы не стали, и он меня так и не воспринимал. Врагами он считал тех, кто организовал его травлю за его концепцию о датировке „Слова“. Ведь он шел прямо в академики, а его затравили и испортили ему жизнь. Хотя он и знал, чем рискует, знал, что может себя подставить. Ведь в общем-то его концепцию никто и не поддержал, кроме Я. С. Лурье. С тех пор он стал всех делить на тех, кто был за, и тех, кто был против. Из тех, кто был за, был только Яков Соломонович Лурье. Очень жалко, что его дневники опубликовали, они его очень компрометируют. Зимин был очень честный и порядочный человек, но был очень честолюбив, что и проглядывает в его дневниках, он и сам всем говорил о том, что он артист, и верить ему в полной мере нельзя. Шутил, конечно» (Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 11 дек. 2014 г. // Из архива автора). «Книга его воспоминаний [имеется в виду недавно опубликованный А. Л. Хорошкевич и вызвавший широкий резонанс в научных кругах «Храм науки» А. А. Зимина, в котором содержатся жесткие, порой крайне субъективные оценки коллег по историческому цеху. – А. П.] вышла не вовремя. У меня нет уверенности, что он хотел, чтобы она вообще была опубликована, хотя многие из ее героев и правда сделали ему немало дурного...»

В центре внимания нашего героя – идея единой России, крепкого, сильного и мудрого государства, магистральная для всего творчества профессора Алексеева. Красной нитью через работы ученого проходит мысль о том, что «централизация Руси, несмотря на присущую ей специфику, в основе своей была сходна с аналогичными процессами в других странах Европы»¹. По большому счету, полагал Алексейев, этот исторический процесс был необратим, т. к. отвечал стремлениям всего русского народа. «Ничего нам не надо, кроме единства», – любил говорить Юрий Георгиевич². Алексеева отличал глубокий патриотизм, совмещавшийся вместе с тем со стремлением ни в коей мере не затушевывать горькие и печальные страницы отечественной истории.

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю³.

Думается, что в этих известных строчках Пушкина можно увидеть и ключ к постижению того дара, которым несомненно обладал Ю. Г. Алексейев, талантливейший летописец сложнейшей и зачастую трагической для России эпохи – эпохи борьбы нашей страны за национальную независимость и создание единого Русского государства.

Ю. Г. Алексейев был олицетворением настоящего русского интеллигента, человеком, выступающим своеобразным мостиком к традициям еще дореволюционной историографии. В подтверждение нашего тезиса достаточно обратиться к известной теории рукопожатий: Алексейев – ученик И. И. Смирнова; тот, в свою очередь, ученик Б. Д. Грекова, занимавшегося у С. Ф. Платонова... Автору этих строк неоднократно доводилось приводить в гостеприимный

¹ Кром М. М. Компаративистика в творчестве Ю. Г. Алексеева // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016. С. 3–4.

² Из архива автора. Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 3 фев. 2017 г.

³ Пушкин А. С. Воспоминание (май 1828 г.). – *Примеч. ред.*

дом Юрия Георгиевича Алексеева своих коллег не только из Петербурга, но и из Сибири и Крыма. Впечатление от общения с Алексеевым было каждый раз ошеломляющим: гостей поражала исключительная, буквально неистовая влюбленность Алексеева в свою профессию, неподдельный интерес к самым различным проблемам исторической науки, отсутствие какого-либо снобизма. Но главное: каждый человек, знакомый с Юрием Георгиевичем, понимал, что перед ним сидит великий ученый, труды которого посвящены целой эпохе российской истории. Да и сам классик историографии во многом олицетворял историю своей страны в XX веке: поступление Алексеева на истфак – это последние годы жизни Сталина; начало профессиональных занятий историей – время оттепели; защита докторской диссертации – эпоха позднего Брежнева, застой; наконец, начало работы уже в качестве университетского профессора, возвращение в альма-матер – 1992 г., старт гайдаровских реформ, время Бориса Ельцина и новой России. Будучи глубоко советским человеком, Алексеев крайне болезненно воспринимал распад СССР, называл его «национальной катастрофой почище Февральской революции»¹, любил говорить о достижениях советской эпохи и о заслугах персонально Сталина, имя которого упоминает в ряду наиболее крупных деятелей отечественной истории, но признавал и целый ряд «страшных вещей», по его словам, творившихся в сталинскую эпоху, соглашаясь с тем, что в последние годы жизни И. В. Сталина в обществе присутствовало ощущение «леденящего ужаса», порожденного режимом власти дряхлеющего вождя. Не жалуя Хрущева, Алексеев был убежден в том, что тому удалось избавить советских людей от чувства страха перед государственной властью, вернув свободу и честное имя миллионам репрессированных, и в этом его великая заслуга, которая, как полагал Юрий Георгиевич, была, несомненно, зачтена Никите Сергеевичу, когда он предстал перед Высшим Судией². Говоря о репрессиях предвоенной поры,

¹ Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 6 мар. 2017 г. // Из архива автора.

² Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 14 фев. 2017 г. // Там же.

Юрий Георгиевич утверждал, что для армии и общества они были «ударом, от которого страна так и не смогла оправиться к лету 1941 года»¹. Без особой симпатии относясь к Горбачеву и Ельцину, Ю. Г. Алексеев, впрочем, признавал, что благодаря последнему Россия обрела «какую-никакую, но конституцию, и не распозлзась в 90-е годы»².

Путь в науку у Юрия Георгиевича был очень непростым. Ю. Г. Алексеев родился 15 апреля 1926 г. в Ленинграде. Отец его скончался в 1942 г., будущий историк пережил первую и самую страшную блокадную зиму, участвовал в тушении зажигательных бомб. В феврале 1942 г. Юрий вместе с мамой был эвакуирован в Тбилиси, где продолжил учебу в школе, а в 1943 г. был призван в армию. С детства Юрий Георгиевич проявлял жгучий интерес к истории флота, еще ребенком выписывал «Морской сборник» и читал «Красную звезду», мечтая стать морским офицером. Мечте его суждено было сбыться, но в ноябре 1953 г. из-за последствий тяжелого ранения, полученного во время учений, молодой офицер был уволен в запас в звании старшего лейтенанта. «Мог ли я представить когда-то, – любил говорить Юрий Георгиевич, – что буду не военным человеком, а историком, существом сугубо сухопутным? Я хотел быть военным моряком, плавать на „Авроре“, об этом мечтал и мой батюшка»³.

В 1949 г. Юрий Георгиевич поступил в экстернатуру исторического факультета Ленинградского государственного университета и закончил обучение в 1954 г. С иронией Алексеев говорил о том, что всю жизнь страдал «двоелюбием»: «любил флот, но любил и музу Клио; двоелюбие позволило мне после того, как я уволился со службы, стать каким-никаким, но все-таки профессиональным историком»⁴. «Главным человеком» в научной жизни Ю. Г. Алексеева, по его собственным словам⁵, стал его учитель – выдающийся историк Иван

¹ Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 5 фев. 2015 г. // Там же.

² Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 15 апр. 2012 г. // Там же.

³ Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 5 фев. 2016 г. // Там же.

⁴ Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 20 фев. 2017 г. // Там же.

⁵ Алексеев Ю. Г. Учитель. Наставники. Друзья // Наш дом на Менделеевской, 5: Воспоминания универсантов-историков. СПб., 2015. С. 11.

Иванович Смирнов, один из ярчайших, наряду с Борисом Александровичем Романовым, представителей ленинградской исторической науки того времени¹.

Так уж получилось, что найти в университете научного руководителя Юрию Георгиевичу удалось не сразу; по определенным причинам С. Н. Валк и Б. А. Романов отказались стать кураторами Алексева. Но И. И. Смирнов стал не просто его научным руководителем, а еще и Учителем. «Если бы не он, – вспоминал Юрий Георгиевич, – я бы торговал спичками на Апраксином рынке. На черта я кому нужен был? В аспирантуру взял меня... мой Иван Иванович»². «Благодаря ему, – говорил Алексей, – я стал историком; без него, не при дамах будет сказано, я был бы журналистом. Царствие ему небесное. Он был замечательный человек»³. «Смирнов – самый замечательный и интересный человек, которого я встречал в своей жизни. 15 лет – от нашего знакомства, моих первых шагов в истории и вплоть до подписания в печать моей первой книги, – он был моим учителем», – говорил Ю. Г. Алексеев незадолго до смерти⁴.

С 1960 г. и до начала 1990-х гг. Юрий Георгиевич работал в феодальном секторе знаменитого ЛОИИ – Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. На это время приходится расцвет ЛОИИ: здесь трудятся молодые будущие академики Б. В. Ананьич и А. А. Фурсенко, член-корреспондент Р. Ш. Ганелин, такие выдающиеся исследователи, как В. М. Панеях, А. Н. Цамутали, Н. Е. Носов, М. Б. Свердлов и многие другие. ЛОИИ стал олицетворением преемственности научных традиций, продолженных двумя историческими школами: дореволюционной – стараниями Б. А. Романова, ученики которого составили костяк двух отделов института: «феодалов» (В. М. Панеях) и «империалистов», или, по словам Алексева, «виттеранов» (Р. Ш. Ганелин, Б. В. Ананьич), и послереволюционной,

¹ См.: Панеях В. М. Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // Историографические этюды. СПб., 2005. С. 187–222.

² Алексеев Ю. Г. Учитель. Наставники. Друзья. С. 12.

³ Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 11 дек. 2014 г. // Из архива автора.

⁴ Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 20 фев. 2017 г. // Там же.

ленинградской, а позднее и выросшей из нее петербургской. На время работы в ЛОИИ пришлось и годы творческого расцвета Ю. Г. Алексеева: здесь он защитил кандидатскую (1963), а затем и докторскую (1980) диссертации.

В 1992 г. Юрий Георгиевич перешел на работу на родной исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, где и продолжал работать до последнего дня своей жизни.

За без малого 60 лет научной деятельности Юрием Георгиевичем было опубликовано около 200 работ, из них 9 монографий¹. Труды Юрия Георгиевича не только с фотографической точностью воссоздают событийный ряд XIV–XV столетий, но и позволяют нам понять мотивацию поступков личностей той эпохи, а также необратимую предопределенность превращения поработенной и раздираемой внутренними противоречиями Руси в могучую и единую Россию. Историка отличала не только взвешенность и осторожность в оценках, но и исключительно ясный и доходчивый стиль изложения. Ю. Г. Алексеев – не только превосходный аналитик, но и блестящий стилист, его книги читаются легко и с увлечением.

¹ Алексеев Ю. Г.: 1) *Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд* / отв. ред. И. И. Смирнов. М.; Л., 1966; 2) *Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв.* / отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1980; 3) *Освобождение Руси от ордынского ига*. Л., 1989; 4) *Государь всея Руси*. Новосибирск, 1991; 5) *«К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде*. Л., 1991; 6) *Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси*. М., 1992; 7) *У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления в XIV–XV вв.* СПб., 1998; 8) *Судебник Ивана III. Традиция и реформа*. СПб., 2001; 9) *Походы русских войск при Иване III*. СПб., 2007.

Превосходный анализ исторических взглядов Ю. Г. Алексеева см.: *Петров К. В. Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева*. СПб., 2002. С. 6–30; *Штыков Н. В. Юрий Георгиевич Алексеев – профессор Санкт-Петербургского государственного университета // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева* / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 3–9.

Несомненно, главным героем Алексеева-историка являлся Иван Великий – Иван III, государь всея Руси¹. Именно так называется самая, пожалуй, известная широкому кругу читателей книга Юрия Георгиевича, вышедшая в далеком 1991 г. заоблачным для нынешнего времени тиражом 175 000 экземпляров. Написанная, как он говорил, в жанре «научпопа» (научно-популярной биографии), эта книга стала не только бестселлером, но и непреходящей классикой. Сам Юрий Георгиевич, отличительной чертой которого была исключительная скромность, как-то заявил в присутствии автора этих строк: «Работа, я считаю, мне удалась, хотя „научпоп“ я писать не умел. У меня всего две книги в стиле „научпоп“: эта и еще одна в ленинградском издательстве – „К Москве хотим!: Закат боярской республики в Новгороде“. „Научпоп“ – очень трудный жанр. Тут требуются особые способности. „Научпоп“ – это второй эшелон исторической науки, если считать первым собственно научные исследования, а третий эшелон – учебник»².

Алексеев был далек от идеализации Ивана Великого, да и других героев своих книг в целом. И эпоха Ивана III, и предшествовавшая ей кровавая и бессмысленная феодальная война были временем, удивительно напоминавшим знаменитые «Исторические хроники» гениального Шекспира – те же предательство, алчность, коварство, жестокость, непомерное честолюбие властителей, а как следствие – кровь и несчастья простого народа. Как здесь не вспомнить афоризм Ключевского о том, что «закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности»³.

¹ По справедливому определению В. О. Ключевского, закрепление за Иваном III титула «государь всея Руси» ставило его обладателя в «положение творца национального единства и блюстителя национальных интересов (см.: *Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 4: Специальные курсы* / под ред. В. Л. Янина; послесл. Р. А. Киреевой; коммент. В. Г. Зиминой, Р. А. Киреевой. М., 1989. С. 305).

² Юрий Георгиевич Алексеев о Николае Николаевиче Покровском // *Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв.* / отв. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск, 2015. С. 488.

³ *Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники.* М., 1993. С. 3.

Иван III был человеком своего времени, и, как писал Ю. Г. Алексеев, «приукрашивать облик Ивана III нет ни необходимости, ни возможности. Его образ не окружен поэтическим ореолом. Перед нами – суровый прагматик, а не рыцарственный герой. Каковы бы ни были личные переживания и чувства великого князя Ивана Васильевича, он умел держать их при себе, и они навсегда остались тайной для потомков, как, возможно, и для современников... Величественная и грозная фигура „господаря“ заслоняет образ реального человека с его страстями и слабостями. Он был стратегом, дипломатом, законодателем, но прежде всего строителем нового Русского государства. История Ивана III – история его политической деятельности. В этой деятельности, в ее итогах – квинтэссенция его натуры, смысл и оправдание его долгой жизни»¹. По словам исследователя, Иван III был «беспощадный, но не патологически жестокий, в отличие от своего внука Ивана IV»². Государь всяя Руси «прозаическими средствами делал прозаическое, но жизненно необходимое дело»³. Усилиями Ивана III и его внука Ивана Грозного на политической карте Европы появилась «новая, возрожденная» (выражение Н. М. Карамзина) Россия⁴, а вся огромная, прежде разделенная страна зажила, по афористическому определению Ю. Г. Алексеева, по московскому времени.

Символом политики Ивана III Великого стал вывезенный из Новгорода в Москву и установленный в Кремле вечевой колокол. Теперь, наряду с колоколами других русских городов, «он отбивал время единого Российского государства»⁵. По словам историка, «решительная и бесповоротная победа Москвы над Новгородом, великого князя над удельными

¹ Алексеев Ю. Г. Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 226.

² Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 3 фев. 2017 г. // Из архива автора.

³ Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991. С. 150.

⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 22.

⁵ Алексеев Ю. По московскому времени // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 9 марта.

князьями, общерусского дела над местническими интересами – подлинно великое и прогрессивное историческое событие. Этот важнейший шаг в становлении русской государственности и самосознания предопределил судьбы народов нашей страны»¹. Не менее знаковыми событиями правления Ивана Великого стали, конечно, «стояние» на реке Угре, ознаменовавшее юридическое освобождение от монгольского порабощения, и знаменитый Судебник 1497 г., подытоживший превращение Московского княжества в централизованное Московское государство – Россию. По справедливому суждению Алексеева, «Ордынское иго было основной политической реальностью русской жизни на протяжении почти четверти тысячелетия», и именно в эпоху Ивана III решался «коренной, фундаментальный вопрос – быть или не быть Русскому государству»². «Победа на Угре, – заключал исследователь, – означает конец ига – восстановление полного национального суверенитета Русской земли»³. «По моему мнению, – говорил Юрий Георгиевич, – день, когда войска Ахмата обратились в бегство, а по старому стилю это 11 ноября, должен отмечаться как первый день независимой Руси, России...»⁴ С того момента Русь обрела все необходимые атрибуты государственного суверенитета, не утратив их в дальнейшем ни на один миг. Важно, что Иван III проявил себя в этот период не только как великий политик, но и как выдающийся военный организатор: «За сорок с лишним лет почти непрерывных походов были достигнуты блестящие стратегические результаты, определившие дальнейшие судьбы Российского государства. Бывали проигранные бои, но не было проигранных кампаний. В военной, как

¹ Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 256.

² Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 173.

³ Там же. О «полной ликвидации зависимости от Орды» при Иване III см. также: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2003. С. 189.

⁴ Алексеев Ю. Патриарх государственности // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 30 нояб.

и политической истории нашей страны открывалась новая эпоха», – обоснованно утверждал Ю. Г. Алексеев¹.

Важнейшим результатом деятельности Ивана Великого стало издание общерусского Судебника 1497 г., устанавливавшего «единые для Руси нормы процессуального, гражданского и уголовного права, усиливая роль центральных судебных инстанций». Принимая новый Судебник, по словам И. Я. Фроянова, «Иван III строил на века»². Видимо, правы историки, воспринимающие Судебник как венец усилий Ивана Великого по созданию единого Русского государства. По утверждению Ю. Г. Алексеева, Судебник 1497 г. – «наиболее осязаемый результат» политической деятельности Ивана III, «открывший путь дальнейшему развитию русской государственности»³.

Судебник не просто «первый свод законов России! Причем по сравнению с тогдашними законодательствами европейских стран – достаточно мягкий. Но это не от какой-то нерешительности, а от разума, от здравого смысла. Смертная казнь в Судебнике Ивана III, главным образом, полагалась только за воровство и разбой. Иногда можно встретить утверждение, что Судебник Ивана III – первый шаг к крепостному праву. Ничего подобного! Документ прописывал закон о Юрьевом дне: неделю до него и неделю после крестьянин мог переходить от одного помещика к другому. Причем вместо разных сроков в различных местностях он устанавливал единый для всей русской земли. На мой взгляд, это не усиление закрепощения. Это только еще одно подтверждение достигнутого политического единства страны. И сто лет, пока держался Юрьев день, страна была относительно стабильной и в экономическом, и в социальном смысле – насколько это было возможно», – резюмировал свои наблюдения ученый⁴.

¹ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 435.

² Фроянов И. Я. Иван III и русская государственность // Начала русской истории. М., 2001. С. 923–924.

³ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 436.

⁴ Алексеев Ю. Патриарх государственности.

Сам факт принятия великокняжеского Судебника неопровержимо свидетельствовал о том, что «к середине 90-х гг. [XV вв. – А. П.] образование Российского государства стало фактом, получившим международный резонанс. Из „царства теней“ Россия вышла на широкую арену европейской и мировой политики», – пишет историк¹. К тому же, утверждал Алексеев, «времена после падения ордынского ига ознаменовались мощным экономическим подъемом, которого не было ни до, ни после Ивана III. Каковы причины? Да прежде всего то, что прекратились разорительные междоусобные войны между князьями...»² Действительно, именно при Иване Великом старший в роду Рюриковичей перестал быть первым среди равных, отныне он – повелитель огромной страны, «государь всея Руси».

Итоги правления Ивана III, ушедшего из жизни в 1505 г., были более чем осязаемы: мир узнал о новом и могучем государстве – России, авторитетнейшем субъекте международных отношений. Отныне с Россией нельзя было не считаться. «Иван Великий – создатель русского государства, – говорил Юрий Георгиевич, – правильно, что сейчас возрождают слово „россияне“. (...) Сильная власть нужна России, ничего более. Только это – залог того, что наше государство будет существовать, и не столь важно, как оно при этом будет называться – Россия, СССР, Российская империя, Российская Федерация... Лишь бы была жива Россия, наша общая матушка...»³ «Государь всея Руси не нуждается в вещественном памятнике, памятник ему вся Россия – великая Русь. Кремль ему памятник! Российское государство», – утверждал Алексеев⁴. «Я убежден, – полагал историк, – что Ивана III можно считать одним из самых великих и мудрых правителей за всю тысячелетнюю историю России. „Разумный самодержец“, – так назвал его Пушкин в „Борисе Годунове“. Лучшей характеристики этого государственного деятеля я просто

¹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III... С. 27.

² Алексеев Ю. Патриарх государственности.

³ Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 14 янв. 2015 г. // Из архива автора.

⁴ Интервью с Ю. Г. Алексеевым. 8 фев. 2017 г. // Там же.

не знаю. Его вела великая и благородная идея объединения всех русских людей, создание государства Всея Руси. И ему никогда не изменяло чувство меры. Сила ясного ума и твердость характера – вот что было его главным оружием»¹.

«В новый XVI в. Россия вступила мощным единым государством, добившимся полной политической независимости и международного авторитета. Вооруженные силы страны оправдали свое назначение и обеспечили безопасность России на всех стратегических направлениях. После 1451 г. страна не подвергалась вражеским глубоким вторжениям (а за предшествующие семьдесят лет таких опустошительных вторжений было четыре). Два поколения русских людей не видели на своей земле ни одного вражеского воина, за исключением пленных. Ликвидация феодальной раздробленности (от нее остались только отдельные пережитки) и обеспечение внешней безопасности привели к экономическому подъему – развитию сельского хозяйства, росту городов и торговли. Материальные успехи привели к подъему национального самосознания – стала вырабатываться новая политическая идеология, отражавшая новое почетное место России как великой мировой державы („Третий Рим“)), – подводил итоги государственной деятельности Ивана III Ю. Г. Алексеев².

«Отселе, – писал в своей знаменитой «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, – история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества... Вот содержание блестящей истории Иоанна III, который имел редкое счастье

¹ Алексеев Ю. Патриарх государственности.

² Алексеев Ю. Г. Русское войско и военное искусство IX–XVII вв.: учебно-методическое пособие. СПб., 2015. С. 57.

властвовать сорок три года и был достоин оногo, властвуя для величия и славы россиян»¹.

Можно согласиться и с петербургским историком И. Я. Фрояновым, по утверждению которого в Иване III нельзя не увидеть «выдающегося созидателя и устроителя России, разрешившего насущные проблемы, вставшие перед страной, и давшего ход ее дальнейшему движению. Русские государи нередко доделывали то, что он так успешно начал. Как государственный деятель Иван III обладал, следовательно, способностью не только тонко чувствовать запросы текущей жизни, но и с поразительной интуицией улавливать направление, по которому пойдет развитие событий. Вот почему его деятельность имела дальнюю историческую перспективу, в чем и состоит величие свершенных им дел»².

Вклад Юрия Георгиевича Алексеева в историографию невозможно переоценить; еще важнее, на наш взгляд, то обстоятельство, что в Алексееве совпали все те качества, которые позволяют говорить о нем не только как о выдающемся исследователе, но и как о необычайно цельной и яркой личности; порядочность, внутреннее душевное благородство и добросовестность Юрия Георгиевича были общеизвестны. Историк обладал таким моральным авторитетом, с которым считались коллеги и сослуживцы – представители самых разных научных школ и специальностей.

Книга Ю. Г. Алексеева «Государь всея Руси», вышедшая в свет в Новосибирске в 1991 г., давно уже стала не только классикой, но и библиографической редкостью. Книге было предпослана прекрасная, по отзыву Алексеева, вступительная статья академика Н. Н. Покровского, который и предложил автору издать его книгу в Новосибирске; Покровский же был ее редактором, «не формальным, а настоящим», как подчеркивал Юрий Георгиевич³.

¹ Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 6: История государства Российского. М., 2007. С. 7.

² Фроянов И. Я. Иван III и русская государственность. С. 928.

³ Юрий Георгиевич Алексеев о Николае Николаевиче Покровском... С. 488.

Символичным для всего творческого пути Алексеева и его отношения к Отечеству стало то, что в трагический для нашей страны 1991 год – год распада Союза и торжества сепаратистских тенденций – историк оставался верным себе, возводя в ранг высшего для России принципа идею единства государства, олицетворением которой и выступал любимый герой Юрия Георгиевича – Иван Великий.

В последние месяцы своей жизни историк с воодушевлением воспринял идею переиздания «Государя всея Руси», написав ко второму изданию книги краткую вступительную статью и собственноручно внося ряд рукописных правок в текст 1991 г. К сожалению, увидеть плоды своей работы в опубликованном виде ему не удалось... Несомненно символичным было то, что уход историка из жизни пришелся на Великий Четверг, накануне праздника православной Пасхи; не менее символично и то, что 13 апреля, день смерти Юрия Георгиевича, – это еще и дата гибели одного из любимцев профессора Алексева, адмирала Степана Осиповича Макарова. Историю, Россию и флот Алексеев беззаветно любил всю свою жизнь; любил он и свою крепкую семью и всегда получал от нее поддержку. Сбылась и его мечта, о которой он говорил неоднократно: быть похороненным на родной земле, в родном городе.

Научное издание

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
МОСКОВСКОЙ РУСИ (XV–XVII вв.):
К 520-ЛЕТИЮ
ПЕРВОГО ОБЩЕРУССКОГО СУДЕБНИКА**

Сборник научных трудов

Ведущий редактор: *Н. М. Казимирчик*
Дизайн обложки: *Ю. В. Гребнева*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка: *Г. А. Филичева*
Корректор: *М. О. Прилуцкая*

Подписано в печать 29.03.2018. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.

Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 18,5. Тираж 25 экз. Зак. № 40.

ISBN 978-5-905273-93-3

9 785905 273933

Издание подготовлено и отпечатано
в ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина».
190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 3

www.prilib.ru

